

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Квартальное издание избранных материалов

Наше
имя:

Наш девиз: С В О Б О Д Н Ы Е И С О Л И

БОРЮЩАЯСЯ
СОЛИДАРНОСТЬ

Наша эмблема: -
- солидарность с сидим
корем".
Наша родословная: христо
тия, Польша, солидарность, пр
ность".

Издание специальное организации "Борющаяся Солидарность": не

ПОЧЕМУ БОРЬБА? -чтобы поседеть, -чтобы за-
щитить слабых и тех, кто беден, голоден или
находится в заключении, -чтобы вернуть
растоптанные права гражданам и народу, -чтобы
не дать лишить себя свободы, -чтобы быть
верным традициям отцов и дедов: "За нашу и
вашу свободу", -чтобы показать миру, что
эту и насилью можно и нужно дать отпор, -
чтобы отпор этот был действенным, а не мол-
чаливым, -чтобы прийти к справедливому со-
циальному соглашению, -чтобы не опорочить
нашей чести, -чтобы жить.

ПОЧЕМУ СОЛИДАРНО?
Годятся чувства
чтобы быть с теми
всего нужны, -что
независимую и сам
"Солидарность", -
лись наши надежды
могла быть польза
за всех и все за
не было "равных и
послушных роботов
ных товарищей", -ч
против войны, -

Листовка на русском языке,
распространяемая «Борющейся Солидарностью»
среди советских граждан в Польше

Ч и т а й т е в н о м е р е :

Кто такой Черненко (статьи А. Авторханова, Н. Рутыча, А. Ряднова)
Война в Афганистане: что же будет с советскими пленными?

Кредо польских солидаристов

Еще о покушении на Папу римского

«Выборы» в СССР: как получаются 99%

Строить новый Самиздат

Об Обществе охраны памятников и о защите русской культуры
(М. Славинский, С. Викулов, В. Лихоносов, Д. Лихачев, Л. Леонов)

Кн. Евгений Трубецкой: «Катастрофические эпохи и христианское
понимание конца мира»

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОСЕВ»

Со дня основания (1945 г.) и до сегодняшнего дня издательство „Посев“ видит свою задачу в печатании и распространении вольного русского слова, правдиво отображающего жизнь, мысли, надежды и стремления народов России: вольного слова, не имеющего возможности пробиться через барьеры советской цензуры, но являющегося неотъемлемой частью культурной, общественной и политической жизни нашей страны. Не меньшее внимание издательство уделяет и другой части нашей культуры, находящейся и развивающейся в эмиграции.

В соответствии со своей задачей издательство выпускает книги, брошюры, а также периодические издания: общественно-политический ежемесячник „Посев“, литературный ежеквартальный журнал „Грани“; с благословения Антония, архиепископа Женевского и Западно-Европейского, в изд. „Посев“ типографским способом переиздается самиздатский православный сборник „Надежда“. Издательство оказывает предпочтение тем произведениям художественной литературы и работам, которые имеют значение для развития освободительных процессов в России.

VERLAG — POSSEV — REDAKTION
D - 6230 Frankfurt/ M. 80, Flurschaidweg 15
Tel. 34 18 19, Postscheckkonto 33461 - 608 Ffm.

Статьи, подписанные фамилией или инициалами автора, необязательно выражают мнение редакции. При перепечатке ссылка на источник обязательна.

Другие, наиболее известные, русские периодические издания на Западе:

«ЕДИНЕНИЕ», еженедельная газета, выходящая в Мельбурне (Австралия).

«НОВОЕ РУССКОЕ СЛОВО», ежедневная газета, выходящая в Нью-Йорке (США).

«РУССКАЯ ЖИЗНЬ», ежедневная газета, выходящая в Сан-Франциско (США).

«РУССКАЯ МЫСЛЬ», еженедельная газета, выходящая в Париже (Франция).

Все указанные газеты информируют читателей о международном положении, о жизни русской эмиграции, о положении в СССР и борьбе за гражданские права, а также печатают в отрывках художественные произведения.

«ВЕСТНИК РУССКОГО ХРИСТИАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ», ежеквартальный журнал, выходящий в Париже. Богословие, Церковь, философия, культура, судьбы России.

«ВЕЧЕ», ежеквартальный альманах. Издатель — Российское национальное объединение в ФРГ. Национально-религиозная публицистика, история и судьбы России, документы.

«КОНТИНЕНТ», ежеквартальный литературный, общественно-политический и религиозный журнал, выходящий в Париже. Современная проза, поэзия и публицистика авторов Восточной Европы.

«НОВЫЙ ЖУРНАЛ», ежеквартальный литературный и публицистический журнал, выходящий в Нью-Йорке. Проза, поэзия, литературная критика, литературоведение, публицистика и пр.

«РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ», независимый русский православный национальный журнал. Издается ежеквартально Комиссией по подготовке празднования 1000-летия Крещения Руси (Нью-Йорк). История и судьбы России, проблемы русского национально-религиозного движения.

Дорогие друзья! Наши возможности переправки в Россию литературы из зарубежья пока невелики. Коммунистический режим содержит на границах огромный аппарат цензуры и таможни, на преодоление которого требуется много усилий. Каждый экземпляр журнала, проникший в страну через эти заслоны — это труд и риск многих людей. Поэтому — берегите литературу. После прочтения передавайте другим. Пока такая литература не может свободно издаваться в нашей стране, — она не может быть личной собственностью. Фотографируйте журнал, размножайте его доступными способами и рассылайте по почте. Это будет вашим вкладом в наше общее дело.

НЕ В СИЛЕ БОГ, А В ПРАВДЕ! — АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Выходит ежемесячно

Журнал издается за рубежом с 1945 г.

Настоящий выпуск содержит
избранные статьи за три месяца:
январь — февраль — март 1984 г.

СОДЕРЖАНИЕ

КОММЕНТАРИЙ. М. Назаров. Вступая в 1984-й (2). — Заявление Исполнительного Бюро Совета НТС (4)

ПО СТРАНЕ. Хроника (4). — Еще суды... (7). — Добиваться прекращения пыток! Документ Инициативной группы защиты прав инвалидов (8). — М. Р. Спасти Игоря Огурцова (9). — „Фонд создан для христианской помощи людям“ (10). — „Ибо „истина сделает вас свободными“ (11). — Опала академичка Атанбегяна? (12). — Экономические новости (13). — Трудности и проблемы советской космонавтики (14). — Новые меры по ужесточению законодательства (15). — „Они признались в убийстве“ (16). — Нам рассказывают (17). — Нам рассказывают — про Афганистан... (18)

ВОЙНА В АФГАНИСТАНЕ. Осада городов (20). — М. Н. Что же будет с советскими пленными? (21). — Обращение Комитета спасения советских пленных в Афганистане (25)

ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА. В. Рыбаков. Вторая годовщина объявления военного положения в Польше (26). — Л. Сергеева. Польский Самиздат — о российской оппозиции (28). — „Борющаяся Солидарность“ обращается к русским. Корнель Моравецкий. Наше кредо (30). — Милован Джилас. О югославском кризисе (35)

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА. Ян Влох. Еще о покушении на Папу римского (37). — С. Томич. Кто заказывает музыку в ЮНЕСКО (38). — Я. Марков. Юбилей сахарного острова (39). — Г. Франц Шмайдель-Рельман. Советская экспансия в Юго-Восточной Азии (41). — Зарубежная хроника (42)

КПСС. А. Авторханов. Андропов: год на посту генсека (44). — А. Авторханов. Черненко — это Брежнев сегодня (46). — Н. Рутыч. Назад к Брежневу (49). — А. Ряднов. Кучер на облучке (51)

ПРОБЛЕМЫ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЫ. Письма из России (54). — А. Л. Строить новый Самиздат (57). — Заявление Совета представителей СМОТ (60). — С. Солдатов. Политическое освобождение и нравственное обновление (62)

КУЛЬТУРА И ПОЛИТИКА. М. Славинский. За Россию — против варваров (65). — „Любовь должна быть действенной“. Из альманаха „Памятники отечества“. С. Вихулов, академики В. Лихоносов, Д. Лихачев, Л. Леонов (68). — Н. Мельникова. „Преступление и наказание“ на лондонской сцене (71). — Между родиной и творческой свободой (72)

НА ШЕСТЬДЕСЯТ СЕДЬМОМ ГОДУ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ... „Выборы“ в СССР: как получаются 99% (73)

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ. А. Югов. Накопление катастроф (76)

ПУТИ К БУДУЩЕМУ РОССИИ. Дмитрий Михеев. О возможности экономической реформы в СССР (80)

РЕЛИГИЯ, ЦЕРКОВЬ. Свящ. Владимир Русак. „Церковь может ходить по водам“ (86)

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ И ИДЕОЛОГИИ. Кн. Евгений Трубецкий. Катастрофические эпохи и христианское понимание конца мира (90).

ИЗ ИСТОРИИ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЫ. Н. Р. Об отношении НТС к фашизму в 1930-е годы (99)

НАШЕ ИНТЕРВЬЮ. „Надеюсь, что это не повторится...“ Интервью с графом Н. Д. Толстым-Миловославским (104)

КНИГИ, ЖУРНАЛЫ. Ю. Кублановский. О журнале „Грани“ в 1982–1983 годах (109). — В. Ламздорф. Как управлял Крымом Врангель (112). — А. Ермолаев. О происхождении Лени-на (114)

РОССИЙСКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ. Французское телевидение об А. Солженицыне (115). — О выступлениях Г. Владимова (116). — О Сахаровских слушаниях (117)

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ. Полковник П. В. Колтышев. Авторам „Открытого письма участникам Белого движения“ (118). — Тихонов начинал стукачом (118)

ПРИЛОЖЕНИЕ. „Снимайте фотоаппарат!“ из ИБ СМОТ № 29 (119)

Квартальный «ПОСЕВ»

Ежеквартальный журнал, выходящий большим тиражом и содержащий избранные, неустаревающие статьи из трех текущих номеров ежемесячного „Посева“.

Фотография на обложке. Вдвое меньший формат (15х21 см). Увеличенное число страниц (в среднем 120). Тонкая бумага. Убористый шрифт.

Квартальный „Посев“ предназначен для переправки в Россию и для распространения среди граждан СССР, временно находящихся за рубежом. Имеющие возможность распространять журнал могут получить его бесплатно, обратившись по адресу издательства „Посев“ к А. А. Кандаурову.

Вступая в 1984-й

1984-й год, еще недавно воспринимавшийся нами как фантастическая дата далекого будущего, связанная с именами Орвелла и, до некоторой степени, Амалярика, наступил. Он начался не по Амалярику (коммунистический режим в нашей стране не развалился) и не по Орвеллу (мир не превратился в тоталитарную „яму“). Но, тем не менее, наступивший символический год пришелся на необычное, судьбоносное время.

Во времена спокойного исторического развития будущее плавно переходит в настоящее. События 80-х годов наступают с такой скоростью, что кажется — будущее вторгается в нашу действительность, приоткрывая свои варианты. И прежде всего с небывалой доселе отчетливостью обнажился вопрос дальнейшего исторического существования коммунистического режима в нашей стране.

Может ли этот режим сохраниться, не проводя давно назревших социально-экономических реформ, противоречащих марксистско-ленинской идеологии? И может ли он сохраниться, решившись на такие реформы, чреватые для него непредвиденными последствиями?

Вот дилемма, перед которой сегодня поставлено советское руководство. Говоря на „их“ языке, социализм дошел до такой степени развития, когда социалистические производственные отношения абсолютно перестали соответствовать уровню развития современных производительных сил, стали их оковами. В марксистской идеологии такие периоды называются концом одной общественно-экономической формации и переходом к новой. Этот переход, по Марксу, неизбежен и не зависит от воли правящего класса. Однако Андропов, вопреки Марксу, решил, что социалистические производственные отношения можно еще как-то „качественно развивать“, „совершенствовать“...

Это совершенствование выразилось у него за прошедший год в следующем:

— создание видимости того, что власть готовит реформы („но им должны предшествовать эксперименты“, которые можно затянуть на долгие годы...);

— усиление репрессивных мер с целью задушить в обществе все проявления независи-

мости и оппозиционности (именно этот, социально-политический, а не экономический аспект преследует в первую очередь „укрепление дисциплины“).

Если брежневская эпоха была периодом стагнации и неподвижности при ожидании обществом перемен „после Брежнева“, то Андропов, поставленный перед необходимостью обратиться во что-то эту накопившуюся энергию ожидания, привел страну в состояние „активной неподвижности“, бега на месте.

Куда нужно бежать — новое руководство еще не знает. Но оно продемонстрировало отличное понимание, куда коммунистам бежать нельзя: нельзя допускать размывания коммунистической идеологии, от кого бы эта опасность размывания ни исходила — от писателей-почвенников или экономистов-реформаторов.

Руководство КПСС прекрасно знает, что в коммунистическую идеологию никто в стране не верит. Но она уже давно и не предназначена для того, чтобы в нее верили. Она, собственно, уже не идеология в настоящем смысле этого слова, а окостеневший каркас, все более мешающий обществу жить и двигаться. Но этот мертвый каркас держит всю структуру режима, оправдывает законность существующей власти и более того — именно данных властителей, нерасторжимо связавших свою карьеру и власть с этой идеологией. Для них единственный критерий укрепления режима заключается в укреплении этого идеологического каркаса. Поэтому нелегко предвидеть исход объявленных с 1 января 1984 г. „крупномасштабных экспериментов“: все они заведомо ограничены руслом „единственно верного учения“ и страну из кризиса не выведут.

Не выведут из кризиса и попытки зажима. На седьмом десятке лет коммунистический режим в нашей стране производит впечатление ракеты, летящей на первый взгляд с нормальной скоростью, — но с пустыми баками. Все горячее было израсходовано на „ускорения“ ракеты в 20-х, 30-х и 40-х годах. Режим существует по инерции, заданной ему Сталиным, за что сегодняшние правители должны испытывать к нему глубокую признатель-

ность: они живут „на проценты” со сталинского „капитала”.

Андропов, „творчески развивая марксизм”, выдвинул тезис, что „ракета” системы может двигаться с пустыми баками неограниченно долго, для чего нужно создать соответствующие условия. Это обогащение марксизма первым законом Ньютона практически задумано как создание „вакуума” на пути ракеты: информационного, политического, духовного.

Но законы Ньютона верны лишь в ограниченных пределах и в условиях, которых в природе не существует. „Ракета” с надписью „СССР”, растратив все горячее на подъем, второй космической скорости — к „светлому будущему” — достичь не смогла и возвращается в плотные слои атмосферы. Пассивное сопротивление общества, — выражающееся в нежелании работать, в уменьшении послушания, в коррупции, в развитии второй экономики и т. п. — Андропов признал угрожающим. Но эти „негативные явления”, доставшиеся ему в наследство, стали неписаными правилами общественной жизни при „развитом социализме”, вошли в его кровь и плоть настолько органично и глубоко, что их устранение (тем более „хирургическое”) не только нереально, но и опасно для стабильности самой системы. К тому же не следует забывать и другой закон Ньютона: действие вызывает противодействие...

Ни Андропов, ни КПСС вообще не в силах справиться с общественными процессами, развивающимися в стране. Единственное, что еще может коммунистическая власть — оттягивать наступление неизбежного перелома системы и поворота страны к новой жизни. Правда, эта власть может еще ввергнуть мир в ядерную катастрофу, и тогда все наши расчеты окажутся неприменимыми — это главная опасность в предстоящие годы.

*

Наступивший, 1984-й год не стал еще годом краха тоталитарной системы. Но вряд ли когда-либо в советской истории было время, когда один к одному сходились столько неблагоприятных для режима факторов: в международной политике (в частности, новая политика США, наглядно проявившаяся в Гренаде), в экономике, демографическом положении, настроениях населения.

Могут возразить, что бывали времена, когда более, чем сейчас, казалось — крах ком-

мунистической власти неминуем (например, в 1917—1919 или 1941 годах) — и всякий раз она выживала; поэтому не надо предаваться иллюзиям. Однако те возможности (оставшиеся, впрочем, неиспользованными по целому ряду обстоятельств) были связаны в первую очередь с внешней угрозой режиму, при неизжитости его изнутри. Режим тогда был еще внутренне „молод”. Сегодняшний углубляющийся кризис системы — следствие ее внутреннего старения, психологическое изживание режима изнутри, создающее главную предпосылку для самоосвобождения.

Когда оно произойдет — гадать не стоит. Но это будет тем скорее, чем больше мы будем сознать, что оно всегда рядом, что его возможность существует каждый день; это как бы параллельное нашей действительности измерение, к которому события подвдрили Россию вплотную много раз, в том числе и в 50-е годы, но не хватило этого главного фактора для прорыва.

Какое расстояние нас отделяет от него сегодня — это видно лишь Тому, Кто, как мы уверены, поставил перед нами это задание как одно из важнейших в данную эпоху, как испытание нашей воли и всего лучшего, что в нас есть. И размышляя об этом в первые — рождественские — дни года, хочется еще добавить, что Он же дал нам в Себе и надежду, и источник силы для исполнения этой задачи. И Своим примером, пройдя путь человеческой жизни, показал, что для тех, кто делает свое дело с Богом, ничего невозможного нет. Правда, следовать этому — и есть едва ли не самое трудное. Будем помнить в эти дни о тех на родине, кто идет этим трудным путем.

М. Назаров

*

От редакции. Когда верстался данный номер квартального „Посева”, Андропов был уже мертв и генсеком стал Черненко. Три статьи об этом публикуются в разделе „КПСС” (стр. 44—53); см. также заявление Исполнительного Бюро Совета НТС, помещенное ниже. Редакция „Посева” разделяет точку зрения, что оздоровительные перемены в нашей стране наступят лишь тогда, когда к власти придут иные люди — с государственным умом, думающие о национальных интересах страны, об улучшении жизни народа, а не о распространении советской системы на весь мир. Такие люди в нашей стране есть. Правда, конкретно помочь им мы не можем. Но успех их дела будет зависеть и от общей атмосферы в стране, в создании которой участвует каждый из нас.

Заявление Исполнительного Бюро Совета НТС

1. После смерти Брежнева кое-где возникли были надежды на улучшение жизни, на снижение международной напряженности, на существенное изменение закостенелой экономической структуры. За андроповский период ни одна из этих надежд не оправдалась ни в малейшей степени. Сейчас, после смерти очередного генсека, эти надежды снова возникают. Но и новый генсек, какой бы он ни был, их не оправдает.

2. Старая власть неспособна изменить систему, лишаящую народ нормальной жизни, сковывающую производительные силы страны, удушающую любые свободные проявления мысли, толкающую наше государство к мировому конфликту.

3. От партийно-гегемонистского аппарата ждать нечего. Он — источник насилия, бесправия и разложения. Конечно, и в нем есть трезвые элементы, но это исключение. Только устра-

нение диктатуры этого аппарата откроет нашей стране путь к нормальной жизни, к освобождению творческих и производительных сил народа, путь к миру.

4. Военный переворот, как один из возможных вариантов развития, может существенно изменить положение. Он, хотя и не разрешит всех проблем, которые стоят перед нашей страной, может открыть новые пути из тупика. В частности и потому, что именно в армии, в большей мере, чем где-либо, заложено патриотическое понимание государственных интересов.

5. При всех обстоятельствах, без государственно-патриотической идеи, рожденной любовью к отечеству и стремлением вывести его из беды, коренные перемены в нашей стране немыслимы. НТС и впредь будет ориентироваться на эту идею и призывает к тому же все живые силы России.

12. 2. 1984 г.

● ПО СТРАНЕ

Хроника

● Валерий Сендеров, член Совета представителей СМОТ* и член НТС, с осени 1983 г. содержится в помещении камерного типа (ПКТ) пермского лагеря № 35. Больше полугода мать не получает от него писем, в ноябре он был лишен положенного ему свидания с матерью. Причина этих мер наказания — твердое поведение В. Сендера, участие в протестах политзаключенных. Протестуя против того, что администрация лагеря отобрала у него крест, молитвенник и Библию, В. Сендеров объявил о переходе с 22 августа на статус политзаключенного и отказался работать. Сейчас над ним нависла угроза продления срока заключения на 5 лет по недавно введенной в УК РСФСР статье 188—3 („злостное неповиновение требованиям администрации исправительно-трудового учреждения“).

* Мать В. Сендера, Зинаида Леонидовна Сендерова, живет по адресу: 101000, Москва, Уланский пер., д. 14, кв. 54. Телефон: 207-79-48.

* Свободное межпрофессиональное объединение трудящихся создано в СССР в 1978 г., сейчас работает подпольно. — Р е д.

● Ростислав Евдокимов, член Совета представителей СМОТ и член НТС, отбывающий заключение в пермском политлагере, имел два свидания с матерью. Первое, 3 октября 1983 г., вместо положенных трех суток было ограничено 24 часами; привезенные матерью продукты взять в лагерь ему не позволили. Второе свидание было 28 ноября, оно продолжалось 2 часа вместо положенных 4; мать и сын были разделены стеклом, беседовать можно было только по телефону. Р. Евдокимов сохраняет бодрость духа, но голодный режим лагеря начал сказываться на его зрении. Ввиду стесненного материального положения матери, для поездок на свидания с сыном ей необходима материальная поддержка. Повторяем ее адрес: Ксения Владимировна Вогак, 192028, Ленинград, ул. Салтыкова-Щедрина, д. 5, кв. 24.

● В День политзаключенного 10 октября 1983 г. в пермском политлагере № 35 была проведена традиционная голодовка протеста. В числе участников — М. Арутюнян, И. Ковалев, А. Марченко, В. Сендеров, С. Хмара. В тюрьме г. Чистополя в этот день голодали

13 политзаключенных, в том числе Г. Алтунян, В. Калининченко, А. Корягин, М. Никлус, В. Пореш, А. Шаранский. Ранее врач-психиатр Анатолий Корягин держал бессрочную голодовку (подвергаясь принудительному кормлению) с января по июль 1983 г., протестуя против норм питания в камере и тюрьме (строгий режим), сознательно установленных ниже физиологической нормы. С октября 1983 г. в связи с помещением его на 2 месяца в камер А. Корягин объявил новую голодовку.

● Арестованы:

— 17 ноября арестован математик Юрий Александрович Шиханович, обвиняется по ст. 70 УК РСФСР в „антисоветской агитации и пропаганде”. Ранее по той же статье он арестовывался в 1972 г. и около года провел в психотюрьме. Обыски прошли у его друзей — Б. Альтшулера и М. Подъяпольской.

— Мустафа Джемилев, известный активист крымско-татарского движения, арестован в Ташкенте в ноябре или декабре 1983 г.; до этого он отбывал заключение в 1966—1967, 1969—1972, 1974—1975, 1975—1976 и ссылку в 1979—1982 гг.; это шестой его арест.

— Михаил Поляков, работал в отделе ксерокопирования библиотеки Ленинградского отделения Академии наук; после обыска у него в мае 1982 г. и изъятия ксерокопий запрещенной литературы, скрывался; арестован 9 декабря 1983 г. где-то на юге страны.

— Елена Санникова (1959 г. р.), правозащитница, автор ряда самиздатских документов, арестована в Москве 18 января 1984 г. по делу Ю. Шихановича, обвиняется по ст. 70 УК РСФСР.

— Сергей Маркус, научный сотрудник музея-усадьбы Коломенское, православный, имеет 4 детей, арестован в январе 1984 г.

● 10 декабря 1983 г., в День прав человека, в Москве на пл. Пушкина была сделана попытка провести традиционную демонстрацию. Около 15 человек было задержано милицией и КГБ.

● Как и в предыдущие два года, 11 декабря в Москве на Воробьевых (Ленинских) горах группа молодежи (хиппи и пацифисты) собралась, чтобы почтить память убитого в 1980 г. певца и музыканта Джона Леннона. Несколько человек было задержано.

● 14 декабря к 3 годам лагерей строгого режима приговорен Сергей Ходорович, рас-

порядитель Русского общественного фонда помощи политзаключенным и их семьям. (подробнее см. стр. 10.)

● 14 декабря в Москве к 3 годам лагерей строгого режима приговорен Владимир Альбрехт, пытавшийся наладить оказание помощи из России детям репрессированных в Польше членов „Солидарности” (В. Альбрехт — известный правозащитник, его работа „Как вести себя на обыске” опубликована в „Вольном слове” № 27, изд. „Посев”).

● За 1983 г. на Западе стало известно о 167 арестах и 129 приговорах по политическим и религиозным причинам в Советском Союзе. Кроме того, 11 человек отправлено в психотюрьмы. Из 129 приговоренных 8 признали себя виновными, 3 публично „раскаались”. Всего к 1 января 1984 г. на Западе были известны имена 1 479 политзаключенных в СССР. Разумеется, эти сведения, собранные Международным обществом прав человека (Франкфурт-на-Майне), — лишь часть общего числа политических узников.

● 27 декабря закончился срок лагерного заключения Александра Подрабиника, члена Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях в СССР. Сейчас он с женой и сыном живет в г. Киржач (150 км к востоку от Москвы).

● 11 января в Москве проходил суд над членом Совета представителей Свободного межпрофессионального объединения трудящихся (СМОТ) Николаем Юрьевичем Ухановым, студентом физического ф-та МГУ, арестованным в июне 1983 г. В сообщении ТАСС говорится, что зимой 1982 г. он распространял среди студентов листовки НТС, составлял и распространял „клеветнические статьи, порочащие советский государственный и общественный строй”, распространял их на территории СССР и по нелегальным каналам передавал за границу, где они публиковались в журнале „П о с е в” и передавались по радио „Свобода”. Уханова обвиняли по ст. 190—1 УК РСФСР. ТАСС утверждает, что Уханов признал себя виновным; приговор — 2 года условно. К сожалению, о деятельности Уханова и о ходе суда над ним у нас других данных пока нет; версия ТАСС, как это нередко бывало, может не соответствовать действительности.

● В январе 1984 г. в Эстонии распространялись листовки „Организации за освобожде-

ние Эстонии", в которых говорится об образовании эстонского правительства в изгнании.

● Юрий Федорович Орлов, член-корреспондент Армянской академии наук, после отбытия 7 лет лагерей строгого режима (арестован в 1977 г. за создание Хельсинкской группы в СССР) отправлен отбывать оставшиеся по приговору 5 лет ссылки в с. Нюрбачан Ленинского р-на Якутской АССР.

● В ночь с 29 на 30 января 1984 г. после операции (рак) скончался священ. Сергей Желудков (1909 г. р.) — известный религиозный деятель, автор многих произведений, распространявшихся в Самиздате. На Западе в издательстве „Посев" в 1973 г. вышла книга „Почему и я — христианин" (с предисловием о. Александра Шмемана); в 1982 г. в Брюссельском издательстве „Жизнь с Богом" опубликована обширная полемика о. Сергия с правозащитником К. Любарским, отстаивающим атеистические позиции, — „Христианство и атеизм". Отец Сергей Желудков внес большой вклад и в правозащитное движение. В памяти всех, знавших его, он остался искренним, верным и любящим людей человеком, имевшим друзей среди сторонников разных политических направлений. Торжественное отпевание священника-диссидента состоялось в Богоявленском патриаршем соборе (Елоховском). На отпевании присутствовало около 200 человек.

● Стали известны адреса находящихся в ссылке З. А. Крахмальниковой, составительницы православного сборника „Надежда" (659750, Горно-Алтайская автономная обл., пос. Усть-Кан, ул. Первомайская, 33) и Т. М. Великановой, вышедшей в ссылку после 4-летнего лагерного срока (Казахская ССР, Мангышлакская обл., Мангистауский р-н, пос. Таучик).

● Новые печальные известия пришли из Псково-Печерской Лавры: в результате провокационных действий архимандрита Гавриила (назначенного при содействии КГБ), 30 монахов покинули Лавру, не в силах более выносить притеснения и издевательства. В настоящее время они без прописки находятся в Москве и могут быть высланы из города в любой день. Патриарх подписал указ об отстранении архимандрита Гавриила, но этот указ саботируется.

● В феврале 1984 г. из СССР выехала Наталья Викторовна Гессе, многолетний друг семьи академика Сахарова. Последний раз Н. Гессе видела А. Сахарова в декабре 1983 г.; состояние его здоровья очень плохое: у него тяжелая гипертония, сильные головные боли и головокружение, стенокардия; он не может подняться по лестнице на 5—6 ступенек без остановки. Состояние же-ны Сахарова еще более тяжелое: у нее в начале 1984 года произошел новый инфаркт — второй за последние месяцы. У квартиры Е. Боннэр в Москве и у горьковской квартиры установлено круглосуточное дежурство милиции и КГБ. В январе исполнилось 4 года пребывания академика в бессрочной ссылке.

● 18 ноября в Грузии была предпринята попытка группового побега за границу на пассажирском самолете Ту-134А, следовавшем по маршруту Тбилиси-Батуми-Ленинград. Группа из 9 человек (по слухам — дети высокопоставленных местных номенклатурщиков), угрожая оружием, приказала летчику повернуть в Турцию, однако тот обманул их и приземлился в Тбилиси. Самолет штурмовала спецгруппа, на борту также возникла перестрелка (очевидно, с постоянно летающим на борту гебистом): погибло три члена экипажа, три пассажира и двое из угонщиков.

● 1 июня 1983 г. в парке Царицыно на окраине Москвы было задержано около 200 пацифистов, собравшихся отметить День защиты детей. В парке были найдены листовки, призывающие к отмене смертной казни и, по неподтвержденным данным, к прекращению войны в Афганистане. В связи с листовками арестован и помещен в психбольницу № 14 (ул. Бехтерева, 15) Юрий Попов.

● Дискуссия вокруг поворота сибирских рек на юг, по-видимому, окончилась победой здравого смысла. Исследования Института водного хозяйства и Института географии показали, что готовившийся в течение десятилетий поворот сибирских рек на юг, в Среднюю Азию, в данное время экономически не оправдан. Он обойдется в 150 млрд. рублей, однако этим не удастся ни спасти Аральское море, ни сделать существенного вклада в выполнение Продовольственной программы. Непредвиденны и могут быть опасными экологические последствия проекта — как для Сибири, так и для всей планеты. Считается, что принято решение заморо-

зять этот проект — к глубокому неудовольствию партруководства среднеазиатских республик. Это решение ставит под сомнение и экономическую рентабельность столь же безумного поворота на юг североевропейских рек, который должен быть осуществлен в 1981—1985 гг. Этот проект, уродующий лицо русского Севера, вызвал широкие протесты русской интеллигенции, деятелей культуры и писателей-почвенников (см. „П о с е в” № 9/1982, № 8/1983 и № 8/1983). Борьба за спасение русского Севера продолжается.

● „Новосибирский меморандум” (доклад академика Т. И. Заславской (см. „П о с е в” № 10, 1983 г.), резко критиковавший централизованно-директивную систему экономики и произведший сенсацию на Западе, упомянут в советском журнале АН СССР „Общественные науки” № 6, 1983 г. Этот доклад занимал центральное место на всесоюзном семинаре, проведенном в апреле 1983 г. в Новосибирске Институтом экономики и организации промышленного производства, с участием 132 ведущих специалистов (в т. ч. философов, социологов, историков) из 26 научно-исследовательских учреждений. В журнале упоминается центральная мысль доклада Заславской: несоответствие между производительными силами и производственными отношениями в СССР и необходимость разрыва „социального механизма развития экономики”.

● 4 января в газетах опубликован проект ЦК КПСС „Основные направления реформы общеобразовательной и профессиональной школы”. Одна из главных целей реформы — компенсировать растущий дефицит рабочей силы (вследствие демографического кризиса) тем, что большее число учащихся направлять в профтехучилища и техникумы, а также усилить трудовую подготовку в школе. Доступ молодежи в вузы будет затруднен. В ходе обсуждения реформы печатаются предложения увеличить использование детского труда в школах как составного элемента социалистической экономики.

● В конце сентября ТАСС сообщил, что найдено еще одно, до сих пор неизвестное, датированное 1921 г. произведение Ленина — записка председателю Моссовета Каменеву с требованием обеспечить дровами левого французского журналиста: „Товарищ Каменев! Очевидно Ваше распоряжение о дровах

для товарища Гильбо не выполняется. Кормят обещаниями. Товарищ Гильбо жалуется. Нужно отдать под суд виновного. Приказали Вы, да или нет? Кому? За неисполнение Вашего приказа *кого посадить?* Ленин”. В этой случайной находке, как в капле воды, отражен весь Ленин. Так и слышится отзыв его другого, опубликованного письма: „Тов. Курский! По-моему надо расширить применение расстрела... Формулировать надо как можно шире, ибо только революционное правосознание и революционная совесть поставят условия применения на деле, более или менее широкого” (5-е изд., т. 45, стр. 189—190).

● Пленум ЦК КПСС (26—27 декабря) и сессия Верховного Совета СССР (28 декабря) впервые в истории СССР прошли без участия генерального секретаря. Андропов не показывался публично с 18 августа. В советских официальных объяснениях говорилось, что Андропов „болен, но занимается делами”. В послании пленуму сам он писал, что не может присутствовать „в силу временных причин”. Прочитанный на пленуме текст его доклада был „единодушно одобрен” сначала пленумом, затем Верховным советом, а на следующий день „всем советским народом”. Перемещения, произведенные на этом пленуме: Соломенцев и Воротников стали полными членами Политбюро, председатель КГБ Чебриков стал кандидатом, а Лигачев, уже несколько месяцев руководивший отделом организационно-партийной работы, стал секретарем ЦК. Как стало позже известно из медицинского заключения о болезни и причине смерти Андропова, он жил с аппаратом „искусственной почки” с февраля 1983 г. („Известия”, 11. 2. 1984 г.), т. е. руководство КПСС знало, что дни Андропова сочтены. Кто за него писал доклад для пленума — теперь не столь уж важно...

*

Кроме указанных в „Хронике” случаев осуждения людей по политическим причинам, в январе-марте в „Посеве” сообщалось о следующих судах:

Осуждены по политическим причинам: — литовский священник Сигитас Тамкявичус, один из основателей Католического комитета защиты прав верующих, арестованный в мае, приговорен 2 декабря в Вильнюсе к 6 годам заключения и 4 годам ссылки; его

обвиняли в нарушении закона об „отправлении религиозных обрядов” и „клевете на советский строй”;

— Татьяна Николаевна Трусова (жена политзаключенного Виктора Гринева), учительница русского языка и литературы, 7 декабря арестована и в тот же день приговорена к 1,5 годам заключения; формальное обвинение — „тунеядство”, действительная причина — участие в правозащитном движении (подписала письма против оккупации Афганистана, в защиту Анатолия Марченко и др.);

— писатель Григорий Александров решением ташкентского суда 30 августа отправлен в Ташкентскую психотюрьму; Г. Александров — автор вышедшей в 1977 г. в парижском издательстве ИМКА-Пресс книги „Я уважу к отверженным селеньям”;

— правозащитник Александр Лавут в октябре в Хабаровске осужден на 5 лет ссылки за „распространение клеветнических измышлений” среди заключенных лагеря, где он находился по приговору первого суда;

— Михаил Германович Ривкин, арестованный по делу социалистов (см. „П о с е в” № 6, 1982 г.) и отказавшийся, в отличие от других, подать прошение о помиловании, 12—13 июля 1983 г. приговорен к 7 годам лагерей строгого режима и 5 годам ссылки. Его обвиняли в редактировании самиздатских социалистических журналов, вербовке членов в подпольную организацию, попытке устройства подпольной типографии.

— В Эстонии 13—16 декабря 1983 г. за распространение самиздатских обращений и участие в правозащитном движении осуждены Лагле Парек (6 лет лагерей общего режима и 3 года ссылки), Хейко Ахонен и Арво Пести (каждый получил 5 лет лагеря строгого режима и 2 года ссылки).

— В Латвии в декабре за распространение листовок и антисоветской литературы вынесены приговоры Янису Рожкалсу (5 лет лагерей строгого режима и 3 года ссылки) и Янису Веверису (3 года лагерей строгого режима); они обвинялись также в связях с подпольной организацией „Движение за независимость Латвии”.

— В декабре в Латвии за распространение литературы, в том числе книги Орвелла „1984”, осуждены Гуннар Астра (7 лет лагерей особого режима и 5 лет ссылки) и Гуннар Фрейманис (4 года лагерей строгого режима и 2 года ссылки).

Добиваться прекращения пыток!

Публикуемый ниже самиздатский документ написан в апреле 1983 г.

Инициативная группа защиты прав инвалидов призывает все международные и местные организации, занимающиеся гуманитарными проблемами, и всех добрых людей поднять свой голос против возращения к „физическим методам воздействия” — пыткам в коммунистической пенитенциарной системе СССР, официально введенным коммунистами в 1936 г.* и, как показывают факты, не отмененным и поныне.

Обычные пытки постоянным голодом — питанием на 37 коп. в день, холодом карцеров и ШИЗО, тяжелой работой в северных условиях — уже год как разнообразятся возвратом к прежним, сталинским, пресс-камерам, натравливанием на узников совести „социально близких” и номенклатуры. При этом избираются самые низкие — осужденные за групповое изнасилование малолетних и т. п. преступления. Без наускивания и начальственного потворства — пресс-камеры, которые могут привести к изувечиванию жертв, невозможны в строжайшем режиме советских лагерей и тюрем.

По свидетельству родственников, в коммунистических тюрьмах и лагерях избиты Владимир Шатравка, Виктор Гринев, Юрий Орлов, попавший в тяжелом состоянии в больницу.

Впервые после сталинского лихолетья в Москве в Лефортове жестоко избит Алексей Смирнов. Клевета, угрозы расправы с родственниками, детьми, нигде более в мире не существующий 12-часовой рабочий день, введенный якобы по инициативе самих эзков, расправы с неподчиняющимся Совету внутреннего порядка — выслуживающимся перед начальством сокамерниками — приводят не к исправлению, а к духовному и физическому калечению людей.

Жесточайшая судьба эзков-инвалидов в коммунистических инвалидных концлагерях — возможная перспектива для каждого несомненного узника совести.

Гебисты утверждают, что инвалидов лагерей в СССР нет, но они были в каждой области и при Сталине, и существуют и сейчас, только их называют иначе — сан. городками, а в эзковском просторечии — голодными зонами, так как инвалиды не могут выработать невыполнимые для них обязательные нормы и, следовательно, получают худшее питание. Эти несчастные попадают туда и с так называемой воли, и из концлагерей. Посудите сами, каковы же условия в лагерях, если там производится столько инвалидов, нуждающихся в специализированной изоляции; какова жизнь в СССР, если они в таких масштабах вынуждены воровать, идти на нарушение закона!

* Об этом было сказано в докладе Н. С. Хрущева на закрытом заседании XX съезда КПСС. — Р е д.

У нас нет сведений, что где-нибудь еще в мире, кроме СССР — страны „демократического централизма“, где правящая партия нуждается в целой сети инвалидных лагерей, — процветал бы такой жестокий режим заключения. Вспомните свободный телефонный разговор корреспондента с Корваланом — заключенным, как нам твердили, страшного чилийского фашистского концлагеря. Представьте подобную ситуацию — советский эзк, разговаривающий по телефону с границей — вас сочтут за сумасшедшего.

В Европе, Америке, Азии проводятся различные гуманные эксперименты, целью которых являются поиски пути исправления закоренелых преступников, облегчения их участи. В печати нетоталитарных, демократических стран широко обсуждаются тюремные проблемы, всевозможные нововведения в пенитенциарной системе. Дико представить это у нас. Во многих странах, кроме стран соцлагеря, действует принятый ООН Статус условий заключения,

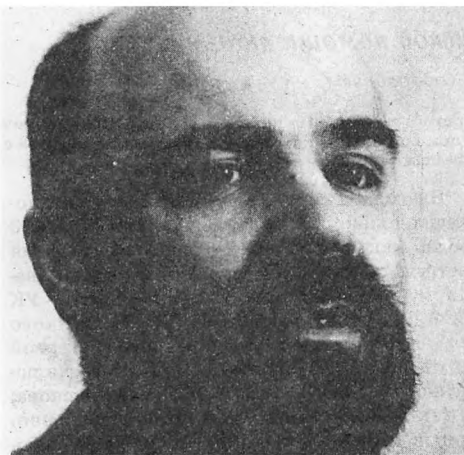
в том числе особый статус политзаключенных. Все тюрьмы мира, кроме соцстран, открыты для свободной проверки Международным Красным Крестом. Эта закрытость и бесконтрольность общественностью Политбюро ЦК, партийных органов, КГБ и МВД уже привели к заранее запланированному уничтожению в СССР десятков миллионов невинных людей.

Мы с радостью поддерживаем инициативу создания международного органа проверки условий заключения во всех странах. Нельзя оставаться спокойными, если где-то в СССР бесконтрольно калечат и убивают людей. Это может быть началом страшного рецидива. И когда коммунисты, те или иные тоталитаристы захватят весь мир, некого будет стесняться, останутся одни только неммыслимые рабы. В отдельной стране народ к сталинизму не вернуть, но сошедшие с ума тоталитаристы, желая осчастливить, могут изуверчить весь мир, превратив его в сплошной концлагерь.

Спасти Игоря Огурцова

В марте 1984 г. исполнилось два года со времени выхода в ссылку руководителя ВСХСОН Игоря Вячеславовича Огурцова после 15-летнего заключения. Все это время на Западе предпринимались усилия по его освобождению. Был момент, когда эта цель казалась близка, но условием его освобождения КГБ поставило „публичное раскаяние“, что для И. Огурцова было неприемлемо. Как сообщал Информационный бюллетень СМОТ № 32, в конце последнего года заключения — „Чекисты предлагали ему немедленно выехать на Запад, если он даст обещание не сотрудничать с НТС и „другими антисоветскими организациями“. Такого обещания дано не было“. Ни за 15 лет заключения, ни за 2 года ссылки И. Огурцова, гебистам не удалось заставить его погоступить своими убеждениями.

Ниже печатается пришедшее из страны сообщение об условиях жизни И. Огурцова в ссылке. Сейчас крайне необходимо умножить усилия по его спасению.

После отбытия 15-летнего срока лишения свободы основателя Русской социал-христианской организации Игоря Огурцова отправили в ссылку в Коми АССР, г. Микунь, который имеет некоторые отличия, и на них

следует обратить внимание, если есть желание полностью понять серьезность его положения.

Город Микунь насчитывает 15 тысяч населения. Здесь размещено управление местного ГУЛага (единственное четырехэтажное здание в городе). Кроме того, в городе поселяется так называемая „химия“ — 300 человек, и уголовники после отбытия срока. Следовательно, „костяк“ города составляют служащие МВД и уголовники.

Жить в таких условиях для Игоря Огурцова означает постоянно думать о провокациях, которые могут последовать в любую минуту. Неоднократно к нему приставали с просьбами „начать общее дело“ или установить „полезные контакты“. Что уж говорить о пьяных или о тех (10 человек), кто выполняет при нем роль „недреманного ока“!

Население запугано. Огурцов совершенно лишен возможностей человеческого контакта.

Комната, где живет Огурцов, — размером с чистопольскую тюремную камеру. В ней только самое необходимое для огранич-

ного образа жизни. Работает он в кочегарке, в то время как он нуждается в осмотре и лечении хороших врачей. Неловко было наблюдать, как он кидает уголь в печку и время от времени переводит дыхание от приступов слабости или давления. Но что говорить о работе, если и тогда, когда разговор имеет некоторую интенсивность, ему приходится делать основательные паузы, чтобы переводить дыхание, чтобы перетерпеть резкие спады давления.

По сравнению с его видом в Чистопольской тюрьме он сейчас выглядит намного хуже.

В то же время у него сохранилась паразитическая сила духа. Мысль его работает постоянно. (...)

Комитеты по защите Игоря Огурцова через французское правительство ведут борьбу за освобождение его из ссылки и выезд во Францию. В данное время из-за пока еще неизвестных причин переговоры застыли на мертвой точке. Если бы сейчас удалось посредством прессы и общественности внутри страны поднять вопрос о выезде Огурцова, это дало бы оздоровительный импульс и желанию французов видеть Огурцова и его родителей у себя. Создание „Комитета защиты Огурцова“ в России сократило бы время его ссылки, помогло бы ему выжить.

М. Р.

Адрес родителей И. Огурцова: Евгения Михайловна Деревенкова (мать), 198035, Ленинград, ул. Двинская, д. 11, кв. 28.

Адрес И. Огурцова в ссылке: 169060, Коми АССР Усть-Вымский р-н, г. Микунь (до востребования).

Адрес одного из Комитетов спасения Игоря Огурцова: Komitee zur Rettung Igor Ogurzovs, Victoria Semanova, Gumbinnenstr. 8, 8000 München-81, West-Germany. Tel: 089/93 42 29.

*

16 ноября Огурцов говорил по телефону с членом мюнхенского Комитета спасения Огурцова — В. Г. Семеновым. И. Огурцов сказал, что в 1980—81 гг. „был на полшага от того, чтобы увидеться со всеми друзьями“, очевидно имея в виду выезд на Запад. Он спросил, верное ли впечатление складывается у него, что не только в СССР, но и на Западе наблюдается недружественное отношение к российским патриотам? — и, услышав подтверждение, сказал, что это чудовищно. На вопрос о состоянии здоровья, И. Огурцов ответил: „То, как вам известно, так оно примерно и есть“, лечение лекарствами в ссылке — „это капля в море...“ И. Огурцов передал привет всем своим друзьям за границей и выразил надежду, что „придет день, когда мы увидимся“.

«Фонд создан для христианской помощи людям»

К суду над Сергеем Ходоровичем

14—15 декабря 1983 г. в Москве к 3 годам лагерей строгого режима был приговорен Сергей Дмитриевич Ходорович, распорядитель Русского общественного Фонда помощи политзаключенным и их семьям. В связи с этим судом президент Русского Фонда Н. Д. Солженицына сделала следующее заявление:

В Москве осужден на три года лагерей Сергей Ходорович, главный распорядитель Русского Общественного фонда помощи заключенным. На суде он сказал, что во время следствия его жестоко избивали. Нам известно, что Ходоровича, арестованного в апреле 1983 года, начали бить в мае и били систематически и профессионально вплоть до октября, когда западная пресса сообщила об избиваниях. От него требовали таких ложных показаний против Фонда, какие дал до него ленинградский распорядитель Репин.

Сергей Ходорович выдержал все пытки и не дал вообще никаких показаний. Его мужество и сила духа — яркий пример для многих на Востоке и Западе, кто растерян и ослаблен.

Благодаря своей стойкости Ходорович получил только три года. Но 13 сентября 1983 года, как только закончилась Мадридская встреча, в советский уголовный кодекс ввели чудовищную статью (ст. 188 ч. 3 УК РСФСР), позволяющую теперь без всякого следствия и суда, лишь по решению лагерной администрации, продлевать любому заключенному срок на три и на пять лет — и снова, и так до бесконечности. Даже Сталин не вводил в свой кодекс такой откровенно рабовладельческой статьи.

Мы призываем свободных людей на Западе не забывать о Сергее Ходоровиче и обо всех заключенных, ради которых он отдал свободу и принял мучение.

Наталья Солженицына

Сергея Ходоровича обвиняли по ст. 190—1 УК РСФСР („распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй“). Конкретные обвинения — распространение самиздата и подписание нескольких самиздатских обращений в защиту политзаключенных. Таким образом, в отличие от предыдущего суда над распорядителем Фонда В. Репиным, которого КГБ сломало и заставило признать „связь Фонда с ЦРУ“, стойкое поведение Сергея Ходоровича защитило Русский Фонд от этого сфальсифицированного обвинения. Сергей Ходорович остался верен своему заявлению, написанному после телевиступления В. Репина (см. „П о с е в“ № 5, 1983 г.):

„...хотя сострадание и милосердие — то есть, попросту говоря, человечность — явно несовместимы с коммунистической идеологией и моралью, благотворительность формально советским законом не запрещена. Вот и приспело властям обозвать Фонд шпионской организацией, созданной западными спецслужбами.

Я заявляю, что Фонд создан А. И. Солженицыным — из гонимых за все издания книги „Архипелаг ГУЛаг“ — для христианской помощи людям, репрессированным за попытку жить в соответствии со своими убеждениями, а я стал его распорядителем на территории СССР, так как эта цель полностью согласуется с моим христианским мировоззрением.

Фонд — это деньги, предназначенные *помочь физически выжить* узникам совести, попавшим под топор репрессий за свои политические, религиозные или нравственные убеждения. Распределяются эти деньги, в соответствии с обнародованным статутом Фонда, заботами самоотверженных людей, которые помогают гонимым только по велению собственной совести.

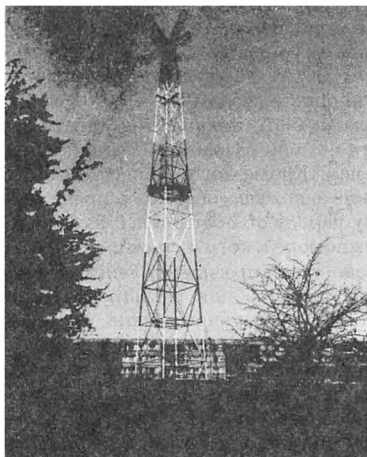
Фонд — это отнюдь не организация: здесь просто нет никакой организационной структуры и членства; у Фонда есть друзья и враги, но нет штатных сотрудников.

Благотворительность — это не вывеска, а глубинная сущность Фонда, возникшего и существующего как воплощение христианской идеи о помощи людям“.

Во время следствия С. Ходорович дважды объявлял голодовки протеста (первая продолжалась 17 дней без искусственного кормления). В результате голодовок и побоев здоровье его ослаблено. Его жена Татьяна Любим с сыном Игорем (1972 г. р.) живет по адресу: 115477, Москва, ул. Кантемировская, д. 33, корп. 1, кв. 24. Телефон: 114-56-12.

...Ибо «истина делает вас свободными»

Западные радиопередачи на СССР, при всех их недостатках, — единственный источник правдивой информации для подавляющего большинства жителей нашей страны. С 1948 года, когда число радиоприемников у советского населения начало ощутимо расти, западные передачи стали подвергаться глушению. Были периоды, когда глушению подвергались лишь наиболее острые радиопередачи или станции (так, „Свобода“ глушилась всегда), был семилетний период ослабленного глушения (период „разрядки“). Начиная с августа 1980 г. (польские события), советское глушение западных радиопередач стало настолько интенсивным, что, по словам директора Совета международного радиовещания (СИРА) У. Робертса, оно сейчас делает невозможным прием 50% всех коротковолновых радиопередач в мире.

Антенны станции глушения в Риге

О деятельности системы глушения в СССР „П о с е в“ писал неоднократно (см., например, № 10 за 1980 г. и статью одного из бывших работников станции глушения — в № 12 за 1975 г.). За последние годы эта система была значительно расширена: появились усовершенствованные глушилки направленного действия на территории Польши, Болгарии и Чехословакии; увеличилась мощность местных глушилок во всех более-менее крупных городах СССР; общее количество советских глушилок достигло 3 000. По оценкам западных специалистов, в советской системе глушения работают около

10 000 человек, на нее расходуется около миллиарда квт/ч. энергии в год, стоимость глушения оценивается в четверть миллиарда долларов в год — это в несколько раз больше, чем западные радиостанции тратят на вещание.

Тем не менее, глушение не стопроцентно. Так, в период вечерних сумерек коротковолновые глушилки направленного действия на некоторое время становятся неэффективны: это объясняется тем, что отражающий коротковолновые передачи слой ионосферы (он обусловлен воздействием солнца) на востоке исчезает раньше, чем на западе; таким образом, расположенные на востоке глушилки умолкают, в то время как радиосигналы с запада еще идут. В эти часы действуют только местные глушилки, распространяющие шум вокруг себя на ограниченном расстоянии, и если отъехать от города подальше, то можно слушать довольно сносно.

По американским данным, „Свободу” по меньшей мере раз в неделю слушают 20 млн. жителей СССР, около 11 млн. человек слушают „Голос Америки”.

Сейчас в США, наконец-то, создана группа экспертов для разработки техники против глушения. Кроме того, Конгресс США, возмущенный ложью советского правительства своему народу об обстоятельствах уничтожения южнокорейского пассажирского самолета, предоставил президенту Рейгану дополнительные средства для расширения радиовещания на коммунистические страны. Все большее значение этому придает и сам президент, который сказал: „Советский Союз боится правды. Ибо хорошо понимает смысл слов из Евангелия от Иоанна — 'Познайте истину и истина сделает вас свободными'... Правда — наше сильнейшее оружие. Мы должны лишь использовать его". Надо надеяться, что американская наука, которая смогла высадить человека на Луну, сможет добиться и того, чтобы свободный голос был слышен на земле.

Коммунистический лагерь предпринимает, однако, не только технические, но и дипломатические усилия для ограждения своих народов от неподцензурной информации. Так, на Мадридской конференции по безопасности в Европе Советский Союз всеми средствами блокировал включение в Итоговый документ пункта о полном запрещении глушения радиопередач (этот пункт, разумеется, касался только социалистических

стран, ибо Запад глушения не применяет: СССР беспрепятственно вещает 2 100 часов в неделю почти на 100 языках). Кроме того, СССР при поддержке зависимых от него развивающихся стран уже в течение нескольких лет пытается протолкнуть в ЮНЕСКО проект создания в мире нового информационного порядка — по образцу ТАСС, то есть поставить работу всех средств информации под полный государственный контроль и узаконить цензуру и глушение.

Опала академика Аганбегяна?

Это сообщение привезли из Москвы западные экономисты. Абел Гезевич Аганбегян, академик, один из крупнейших экономистов в СССР, снят с поста директора Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Академии наук СССР. Причина снятия — активные выступления Аганбегяна в пользу проведения реформ, раскрепощающих экономику, много острых материалов в выходящем под его редакцией журнале „ЭКО” (об этом см. в частности статью А. Ряднова в этом номере „П о с е в а”), участие в подготовке „Новосибирского меморандума” академика Т. И. Заславской (см. „П о с е в” № 10, 1983 г.).

Согласно пришедшей информации, академик Аганбегян переведен на должность заведующего отделом (!) в каком-то институте, по слухам — в Институте машиноведения АН СССР.

А. Г. Аганбегян давно известен своими реформистскими взглядами. Еще в 1965 г. получил известность его доклад о неэффективности советской экономики и необходимости реформ, прочитанный на нескольких совещаниях в Москве. Тогда у него были крупные неприятности. Если сведения о новой опале академика-реформиста верны, то это еще одно подтверждение того, что коммунистическое руководство не собирается отказываться от центрально-директивной системы экономики — неэффективной, но обеспечивающей КПСС контроль над обществом.

Ищите возможности присылать нам материалы об экономическом и политическом положении в вашем районе, факты забастовок; факты закрытия храмов, репрессий, разрушения памятников старины, других совершаемых властью беззаконий, а также статьи об НТС и „Посеве” из советских изданий.

◆ Согласно данным, которые СССР направил в ООН, советская безвозмездная помощь развивающимся странам за период 1976—1980 гг. составила 44 млрд. долларов, дойдя в 1980 г. до 1,3% валового национального продукта. Однако результаты британского исследования, исходящего из сведений комиссии ООН по экономическому сотрудничеству и развитию, показывают, что в действительности эта помощь за тот же период составила 8 млрд. долларов, или 0,19%. Это примерно вдвое меньше той помощи, которую в среднем предоставило каждое из 17 индустриально развитых государств. Причем, свыше 70% указанной суммы в качестве безвозмездной помощи получили страны с просоветским режимом — Куба, Монголия, Вьетнам, Лаос, Кампучия и Афганистан. (В эти цифры не входят огромные военные расходы СССР на экспансию в этих странах и поддержание в них коммунистических режимов.)

◆ В 1983 году Советский Союз и страны СЭВ, с целью сокращения долгов и дефицита во внешней торговле, резко уменьшили объем импорта из развитых стран Запада. Это уменьшение пошло в основном за счет современной техники, но не за счет продовольствия. Тем не менее, подавляющая часть активного внешнеторгового баланса стран СЭВ идет теперь на покрытие долгов западных государствам и банкам.

◆ 15 декабря 1983 г. в Уренгое произошел пожар на одной из компрессорных станций Сибирского газопровода. В результате пожара полностью сгорело здание, в котором находился электронный пульт управления и контроля. Высказывают мнение, что авария с последующим пожаром произошла из-за форсированного пуска не готовой компрессорной станции, так как советские власти поставили целью объявить о начале поставок природного газа во Францию уже в январе 1984 г. Лишь 11 января министр газовой промышленности СССР В. Динков „признал” пожар на компрессорной станции. Однако он заявил, что эта станция не существенна для газопровода и опроверг предположения о задержке строительства в результате аварии. По оценке западных специалистов, из 41 строящихся компрессорных станций готовы только две, но и они не введены в эксплуата-

цию, а поставки газа в Европу идут через старые газопроводы, параллельные Сибирскому. То есть — за счет собственных потребителей.

◆ На сессии Совета экономической взаимопомощи, происходившей в октябре в Берлине, выявились существенные разногласия между странами-членами СЭВ. Особенно наглядным в этом плане было выступление председателя Совета министров Венгрии Д. Лазара, высказавшего недовольство тем, что цены на нефть и другое сырье на внутреннем рынке СЭВ росли в 3—3,5 раза быстрее, чем цены на продовольствие. Венгрия — единственная страна из членов СЭВ, которая в настоящее время экспортирует продовольствие.

◆ Как показали расчеты специалистов, запланированный экономический рост в СССР целиком поглотит растущее производство органических энергоносителей, что наверняка приостановит рост их экспорта. Но без растущих доходов от экспорта энергоносителей Советский Союз не сможет импортировать современную технику из западных стран. Выход из этого заколдованного круга один — более экономное потребление энергии на единицу производства. По этому показателю СССР отстает от ведущих индустриальных стран Запада на 10 лет — при условии, что он будет совершенствоваться их темпом.

◆ За 1970—1980 гг. мировой импорт зерна увеличился почти на 120 млн. тонн. Однако, вопреки предсказаниям экономистов и демографов, это увеличение произошло в основном не за счет развивающихся стран с их быстро растущим населением, а за счет стран с колхозно-совхозной системой и центральным планированием. Больше половины этого прироста импорта зерна приходится на СССР, КНР и страны Восточной Европы. Согласно предсказаниям экономистов, Советский Союз и впредь останется основным импортером. Что касается стран Восточной Европы, то за последние два года их импорт зерна уменьшился с 17,5 млн. тонн в год до 14 млн. Причина — недостаток твердой валюты.

◆ Цитата из статьи Алексея Черниченко „Эксперимент” („Наш современник”, № 8, 1983 г.):

„Капиталовложения в сельское хозяйство страны растут с каждой пятилеткой: в вось-

мой было 81,5 миллиарда рублей, в девятой — 130,5, дальше рост еще круче. А прирост валовой продукции при этом: в восьмой — 21%, в девятой — 14%, в десятой — 9%, а в 1981 году, первом году нынешней пятилетки, — отрицательный, минус два процента. Денег расходуется все больше, а прирост продукции все меньше. В чем дело?”

Действительно, в чем?

◆ Приостановлено строительство Атоммаша в Волгодонске. Причина — оседание фундаментов зданий под действием грунтовых вод Цимлянского водохранилища, на берегу которого возводится завод. Секретарь ЦК КПСС В. Долгих признал в своей речи наличие „серьезных ошибок и просчетов в проектной документации”. Решения, как спасти завод, пока не найдено. В строительстве Атоммаша было уже вложено не менее 2,5 млрд. рублей...

Трудности и проблемы советской космонавтики

Космонавты Ляхов и Александров, проведшие на орбитальной станции „Салют-7” 150 суток, 23 ноября вернулись на Землю. Советские газеты сообщили об этом как о „замечательной победе” и о „новом достижении советской космонавтики”, очевидно, имея в виду длительность полета. Однако кроме туманного упоминания о „проявленном мужестве” космонавтов и о том, что это был „один из самых трудных в истории космических полетов”, советские средства информации подробностей о трудностях и даже опасностях во время полета не сообщили.

Между тем, трудности начались еще в апреле у предыдущего экипажа (Титов, Стрекалов, Серебров), который не смог состыковаться со станцией. Ляхову и Александрову в июне стыковка удалась, но в сентябре им едва не пришлось покинуть станцию из-за дыма в воздухоочистительной системе (несколько часов они провели в скафандрах в спускаемом аппарате). К этому добавилась утечка окислителя ракетного топлива в двух из трех баков, грозившая сделать станцию неуправляемой (потерю удалось восполнить, послав на станцию грузовой корабль „Прогресс-18”). 27 сентября на космодроме в Байконуре (Тюратам) взорвалась ракета-носитель очередного „Союза”, экипаж которого должен был сменить Ляхова и Александрова; космонавты взо-

рвавшейся ракеты были спасены катапультированием, но получили серьезные ранения. Все это Ляхов и Александров подтвердили западным журналистам на пресс-конференции (но советскому населению об этом знать „не положено”).

Эта серия неудач никак не может считаться „замечательной победой”, даже если учесть действительные (весьма скромные) достижения: стыковку с „Салютом-7” дополнительного отсека (аппарата „Космос-1443”) и монтажно-сборочные работы в открытом космосе, что должно стать первым шагом к монтажу крупных орбитальных станций. Главной трудностью здесь является отсутствие в СССР экономичных ракетопланов многоразового использования, подобных американским „челнокам”. Ненадежность и огромная стоимость средств вывода грузов на орбиту — по-прежнему являются слабым местом советской космонавтики.

Виноваты в этом, однако, не наши ученые и конструкторы, проявляющие порою чудеса изобретательности, а общая технологическая отсталость советской экономики. Можно, конечно, и дальше направлять на военно-космические программы колоссальные средства — пытаться на узком участке создать максимальный технический прогресс ценой полунационального существования народа. Но путь к действительному успеху в космонавтике, чтобы она приносила народному хозяйству прибыль, а не висела ярмом на шее, лежит лишь через перестройку и развитие всей экономики страны.

*

Хотя в СССР, в отличие от США, планы в области космоса всегда скрываются, при современных средствах наблюдения со спутников всего утаить нельзя. Ниже — сообщения западной печати о двух новых космических кораблях, которые, возможно, в скором времени будут запущены в СССР.

В Советском Союзе уже в течение длительного времени ведется разработка космических кораблей многоразового использования, подобных американским „челнокам”. На космодроме Байконур (Тюратам) в Казахстане уже построена длинная посадочная полоса для таких космолетов, — ее могли наблюдать американские астрономы во время последних полетов. По данным западного наблюдения, СССР уже дважды запускал на орбиту беспилотный космолет, правда, очень

маленький — его вес примерно 2 тонны; в таком аппарате на орбиту можно доставить лишь одного-двух космонавтов без груза. (Для сравнения: американский космолет имеет стартовый вес до 3 тыс. тонн, посадочный вес — 100 тонн, он может поднимать на орбиту 30 тонн полезного груза и 12 астронавтов, длительность его пребывания в космосе — до одного месяца. Освоение американских челноков можно считать уже завершенным: в 1984 г. они будут стартовать каждый месяц, доставляя на орбиту искусственные спутники.)

Другой советский космический проект, над которым работа ведется еще со времени Королева, это мощная ракета-носитель, сравнимая с американскими ракетами „Сагуэр-5“, которая доставляла экспедиции на Луну. Американские астронавты сфотографировали эту советскую ракету в декабре 1983 г. — она стояла на космодроме открыто, без маскировки (очевидно, эта ракета доведена до очередных испытаний). Предыдущие испытания ее были неудачными: она взрывалась в 1969-м, 1971-м и 1972-м годах.

Оба проекта — космолет и мощная ракета-носитель — необходимы для достижения главной на сегодня цели советской космонавтики: создания постоянных орбитальных станций и обслуживания их. (Сегодняшние „Салюты“ еще слишком малы, ненадежны и недолговечны.) Американцы обе эти предпосылки уже осуществили и также намерены смонтировать к 1990 г. в космосе крупную орбитальную станцию.

Разумеется, обе космические державы преследуют в космосе и военные цели. Несмотря на общее отставание СССР от США в области освоения космоса, именно в военной области СССР, по мнению западных экспертов, опережает американцев. Так, в СССР созданы и испытаны спутники-бомбардировщики, могущие наносить удар из космоса, и спутники-истребители, способные уничтожать спутники противника на орбите. У американцев пока такого оружия и защиты от него нет.

В процентном отношении военные задания в космосе у СССР составляют около 80%. Так, по опубликованным на Западе данным, из 14 запусков в декабре 1983 г. 10 преследовали военные цели, например: „Космос-1509“ — спутник-разведчик, „Молния-1“ — спутник военной связи, „Космос-1510“ — военно-геодезический спутник для привязки позиций и целей стратегических ракет, „Кос-

мос-1511“ — спутник-разведчик, „Горизонт“ — геостационарный спутник военной связи... Всего в 1983 г. в СССР было запущено в космос 98 объектов. США запустили за прошедший год 22 космических объекта, из них 8 имели военное значение.

Стоит также отметить, что у американской космической программы постоянно растет ее доля самокупаемости — благодаря выводу на орбиту коммерческих спутников связи и грузов от различных исследовательских институтов. О какой-либо значимой пользе для народного хозяйства от советской военно-космической программы говорить не приходится.

Новые меры по ужесточению законодательства

Мы уже сообщали о „новшествах“ в советском уголовном законодательстве:

— ст. 188—3 УК РСФСР, предусматривающая с 1. 10. 1983 наказание до 5 лет лишения свободы за неповиновение администрации лагеря (см. „П о с е в“ № 12, 1983 г., стр. 4);

— ст. 198—2, предусматривающая с 1. 10. 1983 наказание до 3 лет за нарушение правил административного надзора после отбытия заключения (см. „П о с е в“ № 12, 1983, стр. 4);

— ужесточение наказаний за „воинские преступления“ с 1. 1. 1984: оскорбление подчиненным начальника и наоборот, самовольная отлучка, нарушение правил караульной службы; в т. ч. новые статьи УК РСФСР: 251-1 — „нарушение правил обращения с оружием“, ст. 260-1 — „халатное отношение к службе“ (см. „П о с е в“ № 2, 1984, стр. 4).

С 1. 2. 1984 ужесточен и закон СССР от 24. 12. 1958 „Об уголовной ответственности за государственные преступления“. Вот наиболее важные изменения:

Ст. 7 закона, соответствующая ст. 70 УК РСФСР („антисоветская агитация и пропаганда“), предусматривает наказание за изготовление, распространение или хранение не только антисоветской литературы, но и произведений „в иной форме“. Часть 2 этой же статьи дополнена наказанием за антисоветские действия, „совершенные с использованием денежных средств или иных материальных ценностей, полученных от иностранных организаций или лиц, действующих в интересах этих организаций...“. Видимо, и здесь не забыто ленинское указание — „формулировать как можно шире!“ — ибо простор для произ-

вола неограничен. Эта статья направлена прежде всего на пресечение помощи с Запада политзаключенным и их семьям.

В закон введена новая статья 13—1 (соответствует ст. 76—1 УК РСФСР): „Передача иностранным организациям сведений, составляющих служебную тайну” — наказание до 3 лет лишения свободы, при „тяжких последствиях” до 8 лет. Имеются в виду такие „экономические, научно-технические и иные” сведения, как, скажем, засекречиваемый уже несколько лет урожай зерновых. Не послужил ли поводом для введения этой статьи „Новосибирский меморандум” академика Т. Заславской, вызвавший сенсацию на Западе? (Кстати, у нее возникли серьезные неприятности.)

Ст. 14—1 закона (соответствует ст. 77—1 УК РСФСР) расширяет применение наказаний за преступные действия в исправительно-трудовых учреждениях на более широкие категории заключенных; наказание — до 8 лет, „рецидивистам” — до 15 лет или смертная казнь.

Ст. 20 закона (соотв. ст. 83 УК РСФСР) увеличивает наказание за повторный „незаконный выезд за границу” до 5 лет.

Ужесточены и некоторые положения „Исправительно-трудового кодекса РСФСР”, „Кодекса законов о труде” и др. Однако вряд ли следует эти ужесточения законодательства считать „укреплением режима”, „возвратом к сталинщине”. Нам кажется, что в данном случае речь идет не об активном законотворчестве власти, а о ее вынужденном реагировании на растущее все более активное неповиновение общества. Действия власти здесь вторичны, оборонительны, и их можно рассматривать как еще одно подтверждение развивающихся в обществе „зрелого социализма” процессов, направленных на размыwanie режима.

Во втором квартале 1984 г. в „Посеве” будет напечатан проект альтернативных решений к существующей в СССР юридической системе (проект реформы). Проект разработан группой специалистов по поручению Совета НТС.

«Они признались в убийстве»

„Известия” от 27. 11. 1983 г. в статье Н. Матусовского „Тень одной ошибки” сообщают, как при расследовании убийства рыб-инспектора и следователя райпрокуратуры были осуждены на сроки до 15 лет пятеро жителей Мозырского района Гомельской области. Посыпались протесты против „мягкости” приговора, и дело уже шло к тому, чтобы его пересмотреть (прокурор требовал расстрела), как выяснилось, что виноваты не они. Два года заключения, которые пять человек отсидели напрасно, пришлось задним числом оформить как наказание за браконьерство („правда, факт браконьерства остался недоказанным, но надо же было хоть как-то „списать” эти два года...”). Автор статьи пишет далее:

„Но можно ли оставить без ответа: как могло случиться, что пятеро человек, причем мало знакомых между собой, оказались беспочвенно обвиненными в самом тяжком преступлении — убийстве?”

...Спрашиваю у члена Верховного суда БССР В. В. Пыльченко, который председательствовал на этом процессе:

— ...ведь любые сомнения еще со времен римского права должны истолковываться в пользу подсудимого. Почему же в таком случае вы их все же приговорили к лишению свободы?

— Они признались в убийстве...

А дальше? На первом же судебном заседании все пятеро подсудимых от своих прежних показаний отказались и заявили, что дали их в результате воздействия на них недопустимыми методами...

А ведь истинные виновники преступления обнаружили лишь благодаря чистой случайности...

События, последовавшие за этой статьей, также достойны упоминания. Материалы статьи рассматривались на заседании бюро белорусского ЦК, после чего были сняты с должности министр МВД Белоруссии Жабицкий, его заместитель Жук, член Верховного суда БССР Пыльченко, „привлечены к ответственности” (некоторые даже к „уголовной ответственности”) замминистра Майданюк, зампрокурора, первый зам. председателя Верховного суда БССР и ряд других ответственных лиц.

Так вот для чего писалась статья в „Известиях” — нужен был повод для чистки на верхах белорусского МВД. Ну а если бы в чистке никто не был заинтересован — те, невинно осужденные, так и сидели бы в ла-

герях? Или даже прокурору удалось бы добиться их расстрела?

Оправдательные приговоры вообще не так уж часты в советских судах. Оправдательный приговор — это значит, что следователь ошибся, что прокурор зря сотрясал воздух, а чувство кастовой солидарности судей со следственно-прокурорскими органами такого вывода не допускает.

Этой проблемы касается и статья В. Савицкого „Истины ради” в „Литературной газете” от 7. 11. 1983 г., приводящая много примеров того, как принятая в СССР форма судопроизводства лишает подсудимого эффективной защиты, как защитник часто оказывается в худшем положении, чем обвинитель:

Скажем, суд, решая какой-то вопрос, обращается и к прокурору, и к адвокату. Если адвокат старается подробно обосновать свое мнение, то прокурор нередко ограничивается одной не терпящей возражений фразой, как бы давая всем присутствующим понять, что ему нет нужды приводить аргументы — суд все равно с ним согласится. Люди видят это и делают выводы. Они видят также, что, обращаясь к суду, прокурор, случается, едва отрывает себя от стула, в то время как адвокат вытягивается, словно в строю. Не остаются незамеченными и начальственный тон, которым прокурор разговаривает с подсудимыми, свидетелями, экспертами, его нередко обидные реплики, особенно в отношении защитника, демонстративное панибратство с судьями во время перерыва, когда он запросто заходит в совещательную комнату, устраивает там перекуры и т. п. Все эти нюансы поведения, которые я бы назвал „синдромом власти”, не украшают обвинителя. Так из-за низкой общей и правовой культуры подрывается нередко престиж суда.

Это все говорится об уголовных и „бытовых” делах, не о политических процессах. А уж там о каком-либо „правосудии” говорить вообще не приходится. Но и приведенные в „Известиях” и „Лит. газете” примеры позволяют резюмировать: *правосудия* никак не может быть там, где власть его понимает лишь как свое *право судить*.

**РАЗМНОЖАЙТЕ
ДОСТУПНЫМИ ВАМ СПОСОБАМИ
СТАТЬИ ИЗ „ПОСЕВА”
И РАСПРОСТРАНЯЙТЕ ИХ**

Нам рассказывают

Под этим заголовком мы периодически публикуем высказывания наших соотечественников, временно находящихся за рубежом, или только что выехавших эмигрантов, а также отрывки из писем, переданных в редакцию. Мы сохраняем стиль этих писем и высказываний. Основная цель — передать обстановку, полную слухов, предположений, противоречивых мнений, сообщить читателю факты, характеризующие жизнь в нашей стране.

На торжествах зимней спартакиады в Красноярске в марте 1983 г. писатель Виктор Астафьев, лауреат Государственной премии СССР, неожиданно выступил с резкой критикой отношения власти к природе. Он сказал примерно так: „Как долго еще будет продолжаться уничтожение Сибири? Как долго еще мы должны смотреть на гибель лесов и рек? — и добавил весьма неслучайные слова в адрес власти, после чего его отпустили от трибуны. В Сибири все население настроено против поворота рек в Среднюю Азию. Считают, что правительство хочет этим задобрить мусульман и привязать их к Северу.

*

Из 7 агрегатов Новосибирской ГЭС (на Оби) работает под нагрузкой не больше трех, в результате чего ГЭС дает лишь 30–40% запланированной мощности (проектная мощность — 1,7 млрд. квт/час в год). ГЭС строилась с 1950 по 1959 гг., строительство сопровождалось шумной пропагандной кампанией. Было затоплено водой около 1000 кв. км хорошей земли, лугов, огородов, пастбищ. Сейчас разрабатывается проект демонтажа ГЭС, в том числе демонтажа плотины длиной 4,3 км...

*

В сентябре в цехе № 23 московского завода им. Хруничева была забастовка. Ее причина — лишение цеха премии. Требования бастовавших были удовлетворены.

*

В ноябре 1981 г. (в Таллине. — Р е д.) мы с мужем нашли у себя в почтовом ящике листовку, призывавшую не работать полчаса 1 декабря и дальше каждый первый рабочий день месяца. Там был также призыв размножить листовку в 5 экземплярах и распространить, что мы и сделали. Начальство было напугано. Кое-где забастовка действительно была, например, в поселке Харку возле Таллина в указанное время на комбинате была отключена электроэнергия.

*

В 1982 г. на праздновании 1500-летия Киева были сильные волнения. 28 мая почему-то отменили вечернее представление, собравшийся народ начал роптать, но ждали хотя бы обещанного салюта, на центральной площади. В 10 часов объявили, что и салюта не будет. Люди разбушевались, особенно молодежь, остановили движение на улицах, сорвали штанги с троллейбусов. Огромное количество мили-

ции было брошено на Крещатик, в два ряда пустили машины, чтобы отодвигать толпу. На следующий день люди снова собрались, но их уже ждала милиция и всех снова разогнали.

*

В 1981 г. беспорядки в г. Ordzhonikidze (см. „Посев“ № 12, 1981 г.) начались так: во время одного из частых столкновений между чеченцами и ингушами опять кого-то убили. Это было 7 ноября, в день Октябрьской революции. Может быть поэтому волнения быстро приняли резко антисоветский характер и превратились в настоящее восстание, которое длилось 10 дней. Дым в городе стоял выше домов, по улицам шли танки и стреляли холостыми в воздух; были брошены на улицы и курсанты военного училища, восставшие бросали в них камнями, били витрины, сворачивали телефонные будки и все, что попадало под руку. Общий лозунг был: „Долой советскую власть!“ — но ни плана, ни целей никаких не было. Кто-то кричит: „Берем тюрьму!“ — и все бегут к тюрьме, потом точно так

Нам рассказывают — про Афганистан...

Военная медицинская академия в Ленинграде переполнена ранеными из Афганистана. В психиатрическом отделении там лежат два молодых парня. Одному 20 лет, он расстрелял заложника в Афганистане — и сошел с ума. У него бред, что его опять хотят послать в Афганистан. У второго другая форма заболевания: он, наоборот, рвется стрелять и кричит, чтобы его отпустили, что ему надо воевать.

*

Из рассказа советского служащего, ездившего в командировку в Афганистан: „Все наши, которых туда посылают, даже воду пьют только специальную, привозную, не ту, которую пьет местное население. Советских ненавидят. Один афганец попал в больницу, нужно было делать срочное переливание крови. Понадобился донор — и один русский дал свою кровь. Как только этот афганец вышел из больницы — его убили свои же, потому что „в нем течет русская кровь“. Мать этого афганца кричала на русско-го: „Зачем ты это сделал?!“...

*

Мой знакомый, старший лейтенант, вернулся из Афганистана. На расспросы, что там видел — только молчит. Спрашиваешь: „Много убивают?“ — он зло молчит. Спрашиваешь: „Ну а то, что в газетах про Афганистан пишут, правда?“ — тоже молчит. Подписку дал „о неразглашении“.

*

В Светловодске Кременчугской области я был в командировке и случайно оказался на кладбище, когда хоронили солдата, убитого в Афганистане. Отчаявшийся отец у могилы последними словами проклинал советскую власть и тех, кто послал его сына на смерть. Вокруг было много людей, но никто не

же бегут к горсовету и зданию партии. Каждый день все начиналось сначала, пока не прислали войска издалека, не местных, с пластиковыми щитами и шлемами. Такое в Ordzhonikidze происходит каждые 5–7 лет.

*

В 1982 г. в Риге я видел листовки подпольной латышской молодежной организации, их опускали в почтовые ящики в центре города. Текст был примерно такой: „Сегодня, 18 ноября — День независимости Латвии. В этот день латышские национальные войска разбили отряды Красной армии. Помните об этом!“. Агенты КГБ разъезжали по домам, допрашивали жильцов, интересовались, кто видел распространителей, кто еще получил листовки.

*

В Литве в целом не очень спокойно. Почти все вешающие, в домах часто висят портреты Папы. Часто на домах можно видеть надписи: „Долой русских оккупантов!“, „Свободу Литве!“. Такие надписи КГБ счищает пескоструйными машинами.

*

мешал говорить ему. О таком же случае рассказывала учительница из г. Черновцы: „Если бы вы слышали эти слова! Родители были охвачены таким ужасом и гневом, что им ничего не было страшно...“

*

Советская армия в Афганистане „обрусевает“: сейчас туда направляют в основном русских и украинцев, так как уроженцы среднеазиатских республик часто переходят к повстанцам (мнение бывш. советского солдата Н. Рыжкова)

*

Война в Афганистане там (в республиках Средней Азии. — Ред.) сказывается больше, чем где-либо. Особенно возмущает людей, что молодежь посылает умирать в войну против братьев по вере. Не знаю, как до революции удавалось жить одним государством, но в будущем, думаю, это будет невозможно. Говорят, ислам сейчас во всем мире вступил в эпоху активности, и в советских республиках это тоже заметно. Достаточно посмотреть, о чем пишут газеты — гораздо больше статей против религии и обрядов, чем раньше.

*

В ташкентский аэропорт ежедневно прибывает до 50 раненых из Афганистана. Не говоря уже о гробах. Из-за афганской войны и вообще нехватки горячего отменяются многие гражданские рейсы, особенно местного значения. Самолеты, летящие в Афганистан, направляются в первую очередь. В праздничные дни врачей в Ташкенте обязывают не уезжать из города и оставлять адрес и телефон своего местонахождения.

*

В октябре прошлого года сын моей знакомой погиб в Афганистане. Гроб привезли двое военных, но открыть не разрешили. В нескольких других случаях, которые я знаю, тоже не разрешали открывать.

*

Кажется, власти меняют тактику. У нас, в Грузии, теперь, чтобы не привлекать лишнего внимания и не вызывать эмоций у родителей, вместо гробов и похоронок все чаще приходят извещения, мол, ваш сын числится „без вести пропавшим“. И родители надеются на что-то, ждут, молчат...

*

Видел в поликлинике молодого человека — инвазида войны в Афганистане. Он шел с палочкой, рядом с ним мать. Он был очень хорошо одет, весь в заграничном. (...) Желающим ехать на работу в Афганистан предлагают очень хорошие условия: медсестрам, например, сразу дают квартиру и часть заработка обещают платить валютой.

*

Об Афганистане теперь все знают. Все боятся за своих сыновей призывного возраста. Говорят, что теперь москвичей не берут в Афганистан, чтобы в столице слухов меньше было. А берут больше с Урала, из Сибири и вообще из провинции. В Уфе в семье одного врача двое сыновей погибли в Афганистане. Очень много специалистов, не военнослужащих, в возрасте около 30 лет погибло из Омска.

*

В Новосибирске все больше призывников не являются в военкомат по повестке и где-нибудь скрываются. Поэтому военкомат все чаще практикует „ночной набор“ — это когда ночью приезжает машина и парня забирают прямо из постели. Так забрали одного моего родственника.

*

...Так этот врач (в Грузии. — Р е д.) за хорошие деньги клал призывников в больницу, делал на груди легкий надрез и тут же зашивал его. После чего парню выдавалась справка об операции на сердце, а с такой справкой в армию уже не берут.

*

Чувствуется нехватка призывников. В Ленинграде теперь берут в армию даже со зрением ± 6 диоптрий и с язвой желудка. Направляют в стройбат.

*

Раньше при призыве в армию давали отсрочку, если есть ребенок моложе одного года — теперь берут. Раньше после болезни желтухой брали в армию не раньше, чем через три года, — теперь берут через полгода. Раньше, если на призывной комиссии находили грыжу, направляли на операцию и через неделю брали, — теперь берут с грыжей и операцию делают позже, в военном госпитале. Берут теперь и с психическими отклонениями, направляют в стройбат.

*

На призывной пункт (на Украине. — Р е д.) родители приехали вместе с новобранцами. Полковник встретил родителей предельно откровенно: „Товарищи, все зависит от меня. Захожу отправлю ваших детей в Афганистан, захожу — в Германию, захожу — будут служить рядом. Словом, сами понимаете“. И родители поняли. Начались подношения — подарки, деньги. Но полковнику того было мало, он говорит: „Видите, в каком состоянии помещение, в котором мы находимся, — надо бы побелить, покрасить“. Конечно, родители побежали, достали краску, кисти и все сделали.

*

Солдатам в Афганистане стали чаще давать 10-дневный отпуск, но в родные места ехать не разрешают. Их отправляют в какой-нибудь городок в провинции „на отдых“. Им там многое позволяли. Они 10 дней пьянствуют, устраивают драки, насилия, наводят ужас на местных жителей. Когда их пытаются пристыдить, говорят: „А мне наплевать, может завтра меня убьют“...

Один из десятков тысяч убитых и пропавших без вести в советско-афганской войне. Обгоревшее тело советского танкиста, погибшего в бою у пос. Тагхаб (60 км к северо-востоку от Кабула). Фото японского корреспондента Х. Нагакура, АР.

Осада городов

Публикуемые ниже сведения получены „По с е в о м” в январе 1984 г. от штаба Национального Исламского Фронта Афганистана (НИФА), возглавляемого С. А. Гайлани.

За последние 5 месяцев в ходе боевых действий в Афганистане произошли значительные изменения.

Во-первых, повстанческим отрядам во многих местах (особенно в провинциях Пактия и Пактика) удалось окружить советско-кармалевские гарнизоны и прервать всю наземную связь их с Кабулом; единственное препятствие, мешающее повстанцам овладеть этими городами, — это отсутствие тяжелого и автоматического оружия и нехватка боеприпасов (для штурма вооружения не хватает).

Во-вторых, во многих крупных городах резко увеличилась борьба городских партизан, которая повстанцами расценивается как весьма эффективная; по мнению штаба НИФА этот вид борьбы в будущем еще больше усилится.

В-третьих, советские войска больше, чем когда-либо за предыдущие четыре года, стали применять огульные и жестокие меры насилия и тактику „выжженной земли” по отношению к мирному населению, стремясь лишить повстанцев поддержки населения и опорных пунктов. Советское командование ввело в бой специальные противоповстанческие войска, которые хорошо подготовлены физически, владеют местными языками и используют тактику повстанцев: умело устраивают засады и стараются пресекать пути сообщения муджахидов.

Хотя об этом пока не сообщалось в информации международных агентств печати, применение этих новых войск и другие данные свидетельствуют о значительном увеличении контингента советских войск в Афганистане. Ниже — описание нескольких военных операций, имевших значение для всей страны.

Пактия. В городе Сарай с августа до октября 1983 г. продолжалась осада повстанцами советско-кармалевского батальона. Советские войска предприняли три попытки прорваться сквозь кольцо осады извне и соединиться с осажденными, однако были вынуждены отступить, понеся большие потери. Данный район полностью контролируется

повстанцами, так что осажденный гарнизон был отрезан также и с воздуха. Окруженному советско-кармалевскому батальону не оставалось ничего другого, как сдаться: это произошло на первой неделе октября 1983 г.

Город Хост (Матун), зимняя столица провинции Пактия, был атакован силами НИФА с севера и северо-запада и находится в осаде. Советские оккупационные силы потеряли много техники, в том числе два самолета-истребителя, один транспортный самолет и 7 бронированных вертолетов*. Весь этот район (40 тыс. кв. км), включающий в себя 42 укрепленных пункта, в течение месяца был освобожден; советско-кармалевские гарнизоны и милиция, насчитывавшие около 20 тыс. человек, отступили с большими потерями. В этой же провинции находятся в осаде гарнизоны Джаджи, Майдан и Хамкани.

Пактика. Уже 4 месяца продолжается осада повстанцами крупного города Ургун, его внешняя система обороны разбита и советско-кармалевский гарнизон держится лишь благодаря укреплениям старой крепости и воздушному снабжению. За время осады Ургуна повстанцам удалось сбить 5 советских самолетов.

Кунар. В этой провинции находятся в осаде советские гарнизоны в Асмаре и Барокоте.

Нангархар. Аэродром в этой провинции часто подвергается атакам муджахидов, а автострада Джалалабад-Торхам прерывается на несколько дней каждую неделю.

Кандагар. Последние 4 месяца были непрерывные жестокие бои. Целые районы и окраины этого административного центра неоднократно переходили из рук в руки. Во время одной из операций повстанцы напали на аэродром и уничтожили на земле около 30 самолетов. Именно в Кандагаре и его окрестностях советские войска понесли самые тяжелые потери за последние месяцы.

* „Красная звезда” от 8. 1. 1984 описала артиллерийский обстрел повстанцами аэродрома в Хосте, повреждение самолета, гибель одного из членов экипажа. — Р е д.

Нимруз. Столица этой граничащей с Ираном провинции, город Зарандж, был объектом тяжелых боев последние 4–5 месяцев.

Балх. В этой северной провинции, через которую проходит важнейшая дорога на СССР, нападения на советские конвои стали постоянным явлением; часто разрушаются линии газопровода. В районе Мазари-Шарифа при нападении повстанцев на аэродром было уничтожено 3 самолета, подожжены склады горючего и боеприпасов.

Кабул. Столица неоднократно подвергалась нападениям повстанцев в нескольких местах (крепость Бала-Хиссар, дворец Тай, район советского посольства). Внешняя оборонительная линия Кабула неоднократно разрывалась атаками освободительных сил.

Прерывание снабжения города электроэнергией — обычное явление. Дороги, ведущие в Кабул, иногда блокировались на срок до двух недель.

Несколько слов об ухудшающемся экономическом положении. Кармалевское правительство безответственно печатает денежные знаки, из-за чего инфляция измеряется двузначными цифрами. Не хватает продовольствия, одежды, медикаментов, топлива. С наступлением зимы в Кабуле можно видеть огромные очереди за керосином и другим топливом. Цены на дрова простому населению недоступны; нехватка дров объясняется тем, что районы, где их добывают, находятся под контролем повстанцев. Число беженцев непрерывно растет.

Что же будет с советскими пленными?

В декабре 1983 г. в поселке Чернышевское Елецкого района Липецкой области Варвару Ивановну и Василия Ивановича Ращупкиных внезапно пригласили на поселковую почту к телефону. Первое удивление было, когда они узнали, что их вызывает Стокгольм. Кто? Почему? Затем был шок, когда они услышали слова: „Ваш сын жив, он в плену у афганских партизан"... Звонили автор „П о с е в а" Ирина Эльконин-Юханссон и шведский журналист Стефан Линдгрем, только что вернувшийся из Афганистана. С того конца провода, из России, доносились то плач, то радостные восклицания. „Откуда же нам было знать, где он, — говорила мать, — на письмах только номер полевой почты. Последнее мы получили в августе, а потом

ни слуху, ни духу..." „Что же нам теперь делать? Как освободить Алешу? Может прямо в Москву, к властям обратиться?" — волновался отец. „Не забывайте нас, — просили они, — обещайте звонить, если узнаете еще что об Алеше..."

В Афганистане Алексею Ращупкину, можно сказать, повезло. Около года он был шофером грузовика, побывал на многих советских базах в Афганистане. „Плохая еда, гашиш, тоска — это еще не самое страшное. Бой тоже не так страшен. Самое страшное — никогда не знаешь, где и когда партизаны нападут на тебя, а нападают они везде, даже в городах..."

То, чего Алексей опасался, случилось 14 ноября 1983 г.: партизаны напали на конвой из 20 грузовиков, шедший из Баграма (крупнейшая военно-воздушная база) в Кабул: Из всех водителей и многочисленной охраны в живых остался только Алексей, его взяли в плен и доставили в Панджшерскую долину, до сих пор не занятую советскими войсками, несмотря на многочисленные попытки. Так он стал одним из примерно 250 советских военнослужащих, которым тоже „повезло": они остались живы и находятся в плену у афганских повстанцев.

Как менялось отношение к пленным

Первые годы войны в Афганистане мучажиды пленных не брали: причинами тому были и ненависть к оккупантам, возмущение

Алексей Ращупкин в плену у афганцев (фото — Odd Uhrbom).

ние зверствами карательных отрядов против мирного населения, часто — религиозный фанатизм повстанцев, когда на пришельцев смотрели как на „неверных” вообще. Пленных казнили сразу же, иногда — даже перед телекамерами западных корреспондентов. Главная же причина этого — афганские повстанцы не понимали подневольного положения советских солдат и коммунистической сущности советской экспансии.

С тех пор кое-что изменилось. Сначала участились случаи, когда оставляли в живых советских пленных из мусульманских республик, увидев, что все они относятся к войне отрицательно, а некоторые даже готовы воевать на афганской стороне. Затем руководители повстанцев начали все больше понимать, что война не нужна и советским солдатам других национальностей, в том числе русским, что посланы они в Афганистан против своей воли, что в интересах самих же повстанцев не убивать этих ребят, а сохранять им жизнь, дать им возможность свидетельствовать о происходящем.

Гуманное отношение к пленным, правда, не стало (и, видимо, не станет) массовым явлением в Афганистане: слишком уж разные, соперничающие друг с другом, повстанческие группировки воюют в стране, слишком велико ожесточение рядовых афганских бойцов в результате советской тактики „выжженной земли”... Поэтому призывы к советским солдатам переходить на сторону повстанцев (о чем кое-кто из эмигрантов снова пытается говорить) вряд ли когда станут уместны. Однако уже тот факт, что в настоящее время в плену у различных афганских групп находятся около 250 советских пленных, позволяет говорить о проблеме пленных как о новом явлении в ходе последнего года войны.

„Главное — домой вернуться...”

Основную роль в этом изменении климата сыграло отрицательное отношение к войне самих советских солдат. Вот несколько типичных высказываний, переданных нам в редакцию. Первым говорит солдат, просивший не указывать его имя:

„Нам сказали, что идем на помощь афганскому народу, а получается наоборот: разрушаем, бомбим, убиваем. Все. Что же остается делать афганцам, когда советские солдаты стреляют по ним?..

Советские солдаты — им что? Им главное — отслужить службу: два года (в Афганистане — полтора

Николай Васильевич Балабанов и Гарик Джамалбеков, взятые в плен в Кундузе в сентябре 1982 г.

года) и вернуться домой. Им больше ничего не надо. Политикой мало кто занимается, только когда офицеры заставят, а так — нет... Главное, чтоб домой вернуться. Это главное для солдата.

В плен я попал вскоре после прибытия в Афганистан. Вышел из части посмотреть, как живут афганцы. Я же не знал, что меня могут убить или поймать. Я знал, что где-то есть банды, но, думаю, далеко, в горах. Пошел в кишлак — там меня и взяли...”

Рассказывает другой советский пленный, Нико Арамович Варварян, 1960 г. р., армянин, закончил художественное училище по профессии чеканщика, после 9 месяцев „учебки” в Ташкенте попал в Афганистан, где служил в стройбате:

„Как я попал к муджахидинам? Во-первых, скажем, я этого не ожидал; во-вторых, у меня были плохие отношения с моим лейтенантом, потому что я много занимался торговлей с местными жителями и лейтенант обещал мне, что посадит меня в тюрьму... И вот, когда я был в командировке в Баграме, нас, человек 6—7, отправили на машине на работу. Эта машина перевернулась, и я убежал. Пришел к муджахидинам и вот сейчас нахожусь у них... Два года. Я понял смысл этой войны, я понял, что советские войска незаконно зашли на афганскую землю... Они не имели права этого делать. От муджахидинов я узнал много правды, что они не бандиты, как говорят в советской армии, они воюют за свою родину...”

Цель же Советского Союза — захватить эту землю, присоединить Афганистан. Вот и вся цель...”

На вопрос о числе погибших в Афганистане советских солдат Нико говорит:

„Я точно сказать не могу, но думаю, за эти 4 года будет тысяча 40—50...”

На этот же вопрос отвечает Матвей Иванович Басаров, родился в 1963 г. в г. Чебокс-

ры, в Афганистане с 23 октября 1983 г., служил в Кабуле экскаваторщиком в саперном батальоне 103-й воздушно-десантной дивизии:

„Число я точно не знаю, но думаю, что погибло много. У нас в батальоне у самих был морг, где пакуют убитых, чтобы их домой отправлять. Постоянно их там много было...

Мы приехали для помощи афганской революции, но я увидел, что афганский народ не хочет, чтобы на его территории находились советские войска, которые грабят, убивают... Так получилось, что в моей роте сложились такие отношения, что я ушел. Сначала не знал, куда иду, но когда встретился с муджахидами, решил остаться у них... Неудобно было смотреть на разбитые советскими войсками деревни, сожженные дома. Скольким людям приходится покидать свой Афганистан и уходить в другие страны...”

Вот еще один пленный, Николай Иосифович Дудкин, родился в 1961 г. в Алтайском крае, военную подготовку проходил в Омске, танкист. Он попал в плен в июне 1982 г. и, по его оценке, в Афганистане к тому времени погибло около 20 тысяч советских солдат. Вот его впечатления:

„У нас (в России. — Р е д.) не хватает мяса, продуктов, потому что правительство все отправляет братьям-союзникам — в социалистические страны. В Афганистане тоже цель — построить социалистический строй. В армию призывают насильно, первые годы службы очень тяжелые, солдаты убегают из армии. Короче — не хотят воевать...”

Подобных высказываний можно еще много цитировать. В „П о с е в е” уже немало печаталось высказываний пленных, многое можно теперь найти и в иностранной прессе. Интервью с советским пленным на Западе больше не сенсация: десятки западных журналистов бродят по Афганистану вместе с повстанцами.

Благодаря рассказам советских пленных война в Афганистане предстала и в глазах западного читателя, и в глазах повстанцев совсем с другой стороны. Но раскрыть повстанческим лидерам глаза на подневольное положение советских солдат помогли и русские, проживающие на Западе, и прежде всего — корреспонденты „П о с е в а” и члены НТС, ездящие в Афганистан с первого же года начавшейся войны. Одновременно НТС пытался привлечь к спасению пленных в Афганистане различные западные общественные и правозащитные организации — начиная с Международного Комитета Красного Креста

и кончая созданием в российской эмиграции Комитета спасения пленных.

Эти усилия были не единственными, но они были п е р в ы м толчком к постановке этой проблемы. Проблема, которая, к сожалению, еще далеко не решена: ни одна западная страна пока не выразила согласия принять от повстанцев пленных советских военнослужащих, желающих просить политическое убежище на Западе... (Лишь США в декабре 1983 г. предоставили убежище Н. Рыжкову и А. Воронову, но пока что это единственный прецедент. Интернирование же советских пленных в Швейцарии, как мы уже не раз об этом писали, задумано как форма их репатриации: Красный Крест берет со своих подопечных письменное обязательство, что они вернуться в СССР по истечении двух лет интернирования. Несмотря на протесты общественности, требующей предоставления политического убежища желающим получить его, ничего нового в этом деле не произошло: 8 или 9 интернированных по-прежнему находятся под советским контролем.)

Советское правительство отказывается от своих пленных

Об отношении советского руководства к попавшим в плен своим воинам следует сказать особо. Оно принципиально отказывается считать афганских муджахидов воюющей стороной, утверждает, что „войны нет”, есть только нападения „бандитов”, а поэтому международная конвенция о пленных в Афганистане, с точки зрения советского правительства, неприменима.

Мы уже писали (см. „П о с е в” № 8, 1982 г.) с какой неохотой СССР пошел на соглашение с Международным Комитетом Красного Креста об интернировании советских солдат в Швейцарии. В этих переговорах советская сторона всячески тормозила соглашение, устраивала терминологические споры, отвергая применимость терминов „военнопленный” и „интернированный”, запретила МККК доступ в Афганистан. Лишь из-за того, что сведения об этих пленных получили большую огласку в международной печати, советская сторона была вынуждена согласиться на их спасение. На многочисленные предложения повстанцев обменять советских пленных на попавших в плен муджахидов советская сторона, как правило, не отвечает. Показательна в этом отношении судь-

Что мы имеем дело с жуликами и фальсификаторами — было ясно, но чтобы до такой степени...

[illegible]

Вот фотография этого письма советских специалистов, работавших до 2 января 1983 г. на строительстве хлебокомбината в Мазари-Шарифе. Мы ее публикуем, чтобы дать настоящие имена и поставить вопрос: собиралось ли советское командование вообще спасти этих людей? Был ли в том ущемле бой за жизнь 15 советских граждан — или же был налет по описанному выше образцу — чтоб воспрепятствовать „утечке информации”? Сколько человек осталось в живых? Где они? Кто может нам сообщить что-либо об этих людях?

Повторяем подписи под письмом:

1. Лысенко Алексей Гаврилович – инженер
2. Нуров Садулло Саидалиевич – переводчик
3. Икрамов Джумахан – переводчик
4. Полуктов Леонид Георгиевич – инженер
5. Мухаметшин Рафик Фатхеевич
6. Иванов Виктор Афанасьевич
7. Лосев Николай Григорьевич
8. Кашинцев (?) Владимир Владимирович
9. Шкуратько Виктор Павлович – мастер
10. Козак Сергей Васильевич – инженер
11. Павленко Владимир Мефодьевич – сварщик
12. Косяков Геннадий Константинович – мастер
13. Шевченко Леонид Иванович – мастер
14. Коклягин Борис Александрович – мастер
15. Острожный Алексей Дмитриевич – инженер

ФЕВРАЛЬ—МАРТ 1984

Мы не одобряем практики взятия гражданских заложников, кто бы ее ни применял. Но очевидно, в данном случае, советская сторона не меньше повстанцев виновата в гибели нескольких (по „Огоньку” — одно-

го или двух), а скорее, многих своих граждан. В любом случае, за все жертвы в Афганистане несет ответственность руководство КПСС, начавшее эту войну против мирной страны.

М. Н.

Обращение Комитета спасения советских пленных в Афганистане

В июне 1983 г. под председательством графа Николая Дмитриевича Толстого-Милославского был создан Комитет спасения советских пленных в Афганистане. На призы Комитета поступили отклики от многих стран русского рассеяния (Австралии, Австрии, Великобритании, Германии, США, Финляндии, Швейцарии).

Всего за прошедшие 7 месяцев на банковский счет Комитета поступили пожертвования на сумму 3 086 англ. фунтов стерлингов. Мы приносим всем жертвователям сердечную благодарность за моральную и финансовую поддержку. Особенно нам хочется отметить пожертвования, сделанные православными приходскими в США, в городах Буэна и Бостон (Богоявленский приход).

Деятельность Комитета за это время проходила по двум направлениям:

1. Связь и ведение переговоров с руководителями групп афганского сопротивления. Представитель нашего Комитета ездил в Пакистан, где встречался с лидерами афганского освободительного движения. Главная цель встреч — убедить повстанцев сохранять жизнь советским военнопленным, несмотря на то, что советская сторона отказывается от их обмена на муджахидов. В этом направлении были достигнуты существенные успехи: несколько афганских лидеров указали своим боевым группам по возможности не убивать советских военнослужащих, попадающих в плен. Представитель Комитета имел возможность встретиться с несколькими советскими военнопленными.

2. Переговоры председателя Комитета с членами западных правительств. Мы надеемся, что усилия в этом направлении в скором будущем принесут результаты.

Комитет принял активное участие в помощи бывшему военнопленному Ю. И. Ващенко, бежавшему из швейцарской тюрьмы для интернированных в Западную Германию. Сначала правительство Западной Германии рассматривало вопрос о передаче Ващенко назад, в Швейцарию, откуда ему грозила бы выдача в Советский Союз. Теперь получено заверение канцелярии Министерства иностранных дел Западной Германии, что Ващенко не будет против своего желания возвращен в СССР; он находится в Западной Германии.

Следует отметить, что положение советских военнопленных в Швейцарии дает повод к серьезному беспокойству, несмотря на то, что швейцарское правительство якобы готово предоставить им право выбора своей дальнейшей судьбы. Однако, по нашим сведениям, нет никакой гарантии свободного волеизъявления интернированных, так как они находятся в полной изоляции, к ним допускают только советских представителей, которые оказывают соответствующее психологическое давление. Высокопреосвященный Антоний, епископ Женевский и Западно-европейский, не раз пытался добиться встречи с интернированными для оказания духовной и моральной поддержки, в которой эти люди, безусловно, нуждаются. Но даже он разрешения для встречи с ними не получил. Более того: когда владыка Антоний передал интернированным рождественские подарки со своим посланием, то послание было возвращено обратно.

Представители Комитета спасения вели переговоры с соответствующими лицами и продолжают их. Особенно важно сейчас обратить внимание мировой общественности на судьбу Валерия Антоновича Диденко и Юрия Григорьевича Поварницына — их двухлетний срок пребывания в Швейцарии заканчивается в мае 1984 г. На наших глазах может произойти их насильственная репатриация в СССР, где им может грозить суровое наказание.

Мы надеемся, что в следующий раз сможем поделиться более радостными новостями. Комитет еще раз обращается за помощью ко всем людям доброй воли. Чем больше средств нам удастся собрать пожертвованиями — тем активнее и эффективнее будет продолжаться наша работа. Любая поддержка будет принята с глубокой благодарностью.

Чеки или денежные переводы можно посылать по адресу Комитета:

SPARC, 78 Beckenham road, Beckenham/Kent BR34RH, United Kingdom,
или переводить на банковский счет:

Account № 91115758, Midland Bank Plc. 184, High Street, Bromley/Kent, BR1 HL, United Kingdom

Председатель — граф Николай Толстой-Милославский.

Почетные члены Комитета: Пр. Антоний, Архиепископ Женевский и Западно-Европейский, Пр. Константин, Епископ Римондский и Британский, Пр. Марк, Епископ Берлинский и Германский, А. А. Аветисханов, В. П. Аксенов, Ю. Н. Вознесенская, А. И. Гинзбург, П. Г. Григоренко, И. А. Иловайская-Альберти, О. А. Кервский, Л. З. Копелев, Наум Коржавин, В. Е. Максимов, Э. О. Незвистный, В. П. Некрасов, Э. В. Оганесян, С. М. Поликанов, Андрей Седых, А. П. Столыпин, Я. А. Трушнович, Э. А. Якобсон.

Вторая годовщина объявления военного положения в Польше

Два года назад, 13 декабря 1981 г., в Польше было объявлено военное положение. Военная государственно-партийная коммунистическая бюрократия заняла место гражданских чиновников — для многих из них „смена власти” заключалась лишь в том, что им пришлось надеть военные мундиры. На Западе и даже в российской свободной прессе это почему-то нарекли „военным переворотом”, не отдавая, вероятно, себе отчета, что военный переворот в коммунистической стране означал бы относительный прогресс, ибо тоталитарный режим сменился бы на авторитарный.

Было бы также неправильным считать объявление военного положения в Польше чем-то неожиданным для населения: о вероятности такого поворота событий говорили в Польше еще в сентябре 1981 г.*, причем обсуждали этот вопрос открыто и даже с иронией. Почти освободившееся гражданское общество, 10-миллионное независимое профсоюзное движение в 30-миллионной коммунистической стране, сформировавшееся в результате союза рабочих, интеллигенции и Церкви, не видели в разваливавшемся на глазах партийном государстве опасного противника. Развивавшиеся в Польше небывалые для тоталитарной страны процессы, результатом которых было каждодневное усиление ощущения реальной свободы и постепенное исчезновение почти всех форм репрессий, лишали польское гражданское общество бдительности; для него в конце 1981 г. существовал лишь внешний враг, СССР, „русские”, и только одна настоящая опасность — интервенция. Тем более, что во время расцвета „Солидарности” экономический кризис только усиливал патриотические чувства и как бы подтверждал необходимость единения польского народа.

Доверие польского общества к своей армии было полным, а карательные органы рассматривались, согласно общему мнению, как слишком малочисленные и тоже затронутые либеральными веяниями, во всяком

случае — как неспособные в короткий срок овладеть страной, пусть даже лишь ее крупными городами. Патриотизм поляков доходил до утверждения, что „никогда поляк не стрелял в поляка... то были переодетые в польскую форму советские военнослужащие”. Поэтому неожиданным было не объявление военного положения, а сила, возможности и цели карателей. В то время, как все смотрели в сторону границ, чувствуя себя в окружении, но все же в сравнительной безопасности („Солидарность”, получив от коммунистической власти подтверждение своей легитимности, не стремилась к ее свержению), — части польской армии приводились в боевую готовность для подавления Польского Лега.

Польское общество, застигнутое 13 декабря врасплох, не сумело оказать необходимого сопротивления. События показали, что освобождающееся гражданское общество во главе с „Солидарностью” допустило роковую ошибку, недооценив потенциала государственно-партийной номенклатуры, а также прочности структур, в которые была закована армия. Оказалось, что польская армия находилась во время 16 месяцев полусвободы в куда большей изоляции, чем предполагали и можно было предполагать. Не говоря уже о том, что многих польских офицеров поставили перед выбором (фальшивым): „Либо они выполнят свой долг, либо СССР его выполнит”.

Нужно с грустью констатировать, что 13 декабря 1981 г. небывалое в истории коммунизма независимое профсоюзное движение „Солидарность” потерпело сокрушительное поражение. И началась „нормализация”. Польская католическая Церковь, спасая себя, нацию, польскую культуру, надежду, свою миссию — отступила. Польское крестьянство, сохранив земли и надеясь на введение в стране не снизу, так сверху, рыночных отношений, вяло директивам своих лидеров и советам ксендзов: оно заняло выжидательную позицию. Затем ушедшая в подполье „Солидарность” была объявлена вне закона. С тех пор и по сегодняшний день положение в Польше в сущности не изменилось: несмотря на борьбу подпольной „Солидарности”, несмотря на внешнюю отмену

*Автор статьи ездил в Польшу как спец. корр. „П о с е а” незадолго до объявления военного положения и писал о настроениях поляков — см. статью „На пороге событий” в № 1, 1982 г. — Р е д.

(летом 1983 г.) военного положения, несмотря на продолжающиеся экономические трудности, польская коммунистическая номенклатура продолжала месяц за месяцем отбирать назад у гражданского общества завоеванные им права и свободы, несовместимые с сущностью тотальной власти.

Однако было бы близорукое считать поражение польского общества и „Солидарности” возвращением тоталитарного режима на круги своя. Более того: тот факт, что свободно развивавшиеся процессы, остановленные военным положением, изменили свое направление и ушли вместе с „Солидарностью” в подполье, — может означать усиленную политизацию профсоюзного движения и уже приводит польское общество к пониманию необходимости политической борьбы как неотъемлемого условия для осуществления в стране глубоких реформ.

Знаменательно опубликованное в подпольном журнале „Тыгодник Мазовше” от 22 сентября 1983 г. интервью с возглавителем „одной из лучших подпольных структур”:

„Я считаю положение очень хорошим. Беда в том, что многие этого не замечают... Когда в марте 1968 г. посадили Куроня и его товарищей, тогдашний узкий круг оппозиции был на несколько лет парализован. Сейчас посадили куда больше людей, но остальные действуют. Из тюрьм часто выходят сильнее, богаче опытом. Люди осознали, что полиция действительно существует — раньше не для всех это было так ясно, — но что, с другой стороны, она не всемогуща. Для большинства начинающих конспираторов существовали лишь два варианта: либо полиция ничего о них не знает, либо следит за каждым их шагом. На самом же деле типичен средний вариант: кое-что полиция знает, но слишком мало, чтобы помешать нам действовать. Власть верит, что, как в начале 70-х годов, посадит верхушку — и общество постепенно замрет. Она не хочет понять, что времена „Солидарности” воспитали множество „верхушек”, готовых подставлять головы... Если в первое время была постоянная импровизация, как к тому обязывала этика сражения, порыва, то теперь надо подойти к этому как к тяжелому труду... Надо определить для себя частные цели: издание газеты, экономическая забастовка, нефальсифицированные выборы в самоуправление, создание того или иного кооператива в той или иной деревне... Не первый день оппозиция наталкивается на серьезную проблему: нас хватает на громкие лозунги, но мы не умеем эмоционально отнестись к промежуточным целям”.

Вряд ли власть не понимает, что широкий и подпольный освободительный процесс потенциально может быть не менее грозным,

чем открытая и аполитичная „Солидарность”. В настоящее время делается все возможное для ликвидации (втихую) верхушки подпольной „Солидарности”: объявляется о широкой амнистии, но затем амнистированных не восстанавливают на прежней работе или скоро увольняют, чтобы, загнав во внутренней эмиграции, заставить их решиться на внешнюю. Некоторых не амнистируют, а прямо предлагают им оформить выезд, причем предложение сопровождается угрозой в случае отказа отсидеть срок до конца.

Все эти меры не привели к желаемым результатам: из подполья согласились выйти что-то около 600 человек. Усиление роли госбезопасности, почти полная независимость репрессивных органов от суда, прокуратуры, местных органов власти; цензура, более жесткая, чем до Польского Лета, более мощный надзор над образованием — также не могут обеспечить властям абсолютной победы. Надо к тому же учитывать, что если „Солидарности” был нанесен жестокий удар, если у власти хватило на это сил, то это вовсе не означает, что ей самой удалось восстановить свое „здоровье”. В сентябре 1983 г. стало известно (полуофициальная информация), что ПОРП насчитывала 1 800 000 членов, то есть стала на добрую четверть меньше, чем утверждает официальная пропаганда; далее: ряды ПОРП продолжают покидать в среднем в месяц 20 000 человек, в настоящее время рабочие составляют лишь седьмую часть числа членов партии и только 27% членов ПОРП платят членские взносы.

В этих условиях номенклатура должна рассчитывать не только на репрессии, но и на умело поставленную пропаганду в сочетании с хотя бы половинчатыми экономическими реформами, дающими, пусть лишь в первое время, конкретные результаты. Пропганда продолжает трубить о „наименьшем зле — Ярузельском” (наибольшее зло, — разумеется, — советское вторжение). В течение последних месяцев к угрозе вторжения пропаганда прибавила угрозу мировой войны, уничтожения человечества и т. д. Эта пропаганда имеет некоторый резонанс, но она недостаточна перед лицом все усиливающегося в стране экономического кризиса.

Не будучи пока в состоянии провести реформы, польские власти были вынуждены заявить заранее, в ноябре, что в начале 1984 г. будет проведено резкое повышение цен. Было обещано, что решение повысит

цены и „соответственно” увеличить зарплату будет вынесено на „общественное обсуждение” (что, кстати, является старым и довольно испытанным методом компартии „доказывать” время от времени „народную сущность власти”). Но состоявшийся в конце ноября XIV пленум ЦК ПОРП и сессия Сейма, на которые все так надеялись, лишь доказали в глазах населения полную неспособность власти улучшить экономическое положение в стране.

В настоящее время в Польше все острее чувствуется нехватка продовольствия и товаров первой необходимости; скоро положение во многих городах Польши будет подобно тому, которое существует уже много десятилетий во многих областях РСФСР. Само по себе введение вновь карточек на многие товары первой необходимости не является непременно причиной острого недовольства, иногда даже наоборот, поскольку эти товары в свободной продаже были просто не по карману большой, если не большей, части населения. Дело в другом — истощено народное терпение. В отличие от советского населения, польское всего два года назад было почти свободным и имело выразителем своих интересов огромное общенародное профсоюзное движение, поддерживаемое интеллигенцией и Церковью. Теперь его вынуждают политизироваться подпольно.

В сущности, власть, победив 13 декабря 1981 г., создает все условия для социально-политического взрыва, с которым не сумеет, быть может, справиться не только она, но и „Солидарность”, и интеллигенция, и даже Церковь. Именно поэтому Лех Валенса повторил 16 декабря 1983 г. тезисы, о которых уже говорил в дни, последовавшие за присуждением ему Нобелевской премии: 1) Создание социально-экономической и политической организации. 2) Организация новых свободных профсоюзов на базе, разумеется, „Солидарности”. 3) Создание настоящего самоуправления. 4) Достижение независимости судов. И заключил: „...Либо власть под нашим нажимом примется решать проблемы так, как мы предлагаем..., либо наступит вспышка справедливого протеста общества, к которой мы будем подготовлены, имея программы и даже людей... Чтобы мы не были снова, как в августе 1980 г., застигнуты врасплох. Тогда так и должно было быть, потому что был этап пробуждения. Следующий этап будет иной”.

В. Рыбаков

Польский Самиздат — о российской оппозиции

Польский Самиздат — это широкий поток самой разнообразной литературы. Основное внимание его направлено на свои, польские проблемы — это естественно. Тем знаменательнее появление в польской независимой печати материалов о положении в СССР, о деятельности российской оппозиции, переводов статей из русской свободной прессы.

Еще в 1981 г. в издательстве „Спотканья” был опубликован на польском языке и распространялся доклад о. Глеба Якунина „О современном положении Русской Православной Церкви и перспективы религиозного возрождения” (изд. „Посев”). Распространялась в форме брошюры, озаглавленной „Континент”, статья А. Авторханова „Закулисная история пакта Риббентроп-Молотов”. В сноске указание на журнал „Континент” № 4, 1975 г. На последней странице — краткие автобиографические данные А. Авторханова и перечень его книг: „Технология власти”, „Партократия у власти”, „Загадка смерти Сталина”.

В 1983 г. в издательстве „Слово” вышла брошюра „КГБ и Папа”, в которой помещены переводы статей из иностранной прессы. Один из материалов посвящен гегистским преследованиям русского писателя Георгия Владимова. Описывается его судьба, обыск на его квартире, его отказ от покаяния и письмо Андропову с требованием выезда. Переводчик материала сделал приписку о получении Владимовым разрешения на выезд с семьей из страны.

Независимая печать польского сопротивления распространяет также материалы на русском языке. Этот факт — особой политической значимости. Известно, что отдельным изданием распространяется статья А. Солженицына „Главный урок”, датированная 31.12.81 г. и написанная под впечатлением введения военного положения в Польшу. Опубликована статья была в русской зарубежной печати, в том числе в „Посеве” № 2, 1982 г. В ней наш большой писатель, в частности, пишет:

„В польском уроке то и выпукло, что даже Польша с ее вольнолюбием, с ее всенародным порывом к свободе, самая сплоченная нация в Европе — и вот терпит поражение. А ни в какой западноевропейской стране не накопилось и сравнительной силы сопротивления. От этого польский декабрь звучит

похоронным маршем той Европе, которая от 1918 до 1981 так и не поняла степени опасности *себе самой*".

Также на русском языке в Польше размножается и распространяется листовка НТС „Солдаты! Офицеры!“, обращенная к советским войскам в Польше:

„Вас послали в Польшу, чтобы защищать ее от „пронсков враждебных сил“. Спросите поляков, так ли это? Они ответят вам то же, что отвечали советским солдатам венгры в 1956-м и чехи в 1968-м году: вы для них не „защитники“, а оккупанты... Мы понимаем ваше положение — вы посланы в чужую страну не по своей воле. Но — хотим мы того или нет — за это отвечаем все мы, весь народ... Что же делать тебе сейчас в Польше? Твоя задача — поддерживать борьбу польских патриотов: „За вашу и нашу свободу!“...” (полный текст см. в „По с е в е” № 5, 1981 г.).

В Польше эта листовка была переиздана отдельным изданием, но еще в 1981 г. она была опубликована по-русски во Вроцлаве, в самиздатском „Бюллетене Дольносленском” № 7/8. Это вызвало нападки на НТС в органе ПОРП „Трибуна люду” и в специальной передаче польского телевидения; редактор бюллетеня Корнель Моравецки был арестован, но после того, как местная организация „Солидарности” пригрозила забастовкой, его освободили (см. „По с е в е” № 10, 1981 г.). Известно также, что текст этой листовки НТС был опубликован в местном органе „Солидарности” в Слупске и в самиздатском журнале „Обуз” № 2 за 1981 г.

В том же „Бюллетене Дольносленском” во Вроцлаве в 1983 г. (№ 6/46) напечатана по-польски обширная информация о положении в Советском Союзе, взятая, как пишет редакция „Бюллетеня”, из журнала „По с е в е”. Предисловие к этому разделу (он называется „Другой мир”) бюллетеня стоит того, чтобы его процитировать целиком:

„Наше заглавие мы позаимствовали из известной одноименной книги Густава Герлинга-Грудзинского, которая описывает „другой мир” советской действительности. Сведения об этой действительности мы чаще всего черпаем или из лживой официальной пропаганды или из рассказов своих родственников и знакомых. Мы привыкли думать об СССР как об ужасной машине, но смотря извне, мы делаем ошибку, типичную для Запада: мы ставим знак равенства между народом и властью. Нашу ненависть и презрение к советской системе мы переносим на людей, на тех, которым в истории повезло меньше, чем нам,—

они находятся по ту сторону Буга и подвергаются тирании намного более грубой, чем мы. Мы забываем о тех, кто там терпит и бунтует, кто борется за свои права и свободу своих стран, о тех, кто солидарен с нами.

А ведь если мы хотим строить свободную Польшу, мы должны уладить наши отношения с соседями — свободными литовцами, латышами, эстонцами, белорусами и украинцами, — но также и с русскими, грузинами, армянами и другими народами. Мы должны узнать их жизнь и понять, чего они хотят и к чему стремятся. Этому послужат материалы, публикуемые в разделе „Другой мир”. Это краткие сообщения и большие статьи, взятые из нескольких, следующих подряд друг за другом номеров русского эмигрантского журнала „Посев” (Франкфурт-на-Майне). Давайте попробуем построить из этих крошек информации нашу собственную картину этого „другого мира”, картину, отличную как от розовых тонов официальной пропаганды, так и от однообразных черных стереотипов”.

Наконец, в „Бюллетене Лодзьском” № 20 от 11 июня 1983 г. опубликована информация о продовольственном положении в разных городах Советского Союза. При этом дается ссылка на источник: „Из российских диссидентских изданий: „Информационный Бюллетень СМОТ” №№ 30, 32 и 33, „Посев” II (82)”. (Тут маленькая неточность: эти материалы были напечатаны в „По с е в е” № 2, 1983 г. — Прим. ред. „По с е в а”).

Мы отметили лишь случайно попавшие к нам издания польского Самиздата, касающиеся России и отражающие стремление найти взаимопонимание между нашими народами. К сожалению, наряду с этим, в польском обществе распространены и антирусские настроения, подогреваемые не столько упорством исторической памяти, сколько эмоциональным отождествлением коммунистической власти в „Москве” с „вечным русским гнетом” над Польшей. Тем отраднее, что в рядах польского сопротивления есть люди, понимающие, что беда наших народов общая, так как враг — единый: не национальный, а интернациональное зло коммунизма. И что в борьбе за национальную независимость и свободное будущее обоих наших народов нужны взаимное доверие и взаимные действия. Мы, участники русского сопротивления, относимся с уважением и с благодарностью к этим мужественным борцам и патриотам Польши.

Л. Сергеева

«Борющаяся Солидарность» обращается к русским

Ниже печатается полный текст листовки, распространяющейся в Польше по-русски среди советских граждан, в том числе военных, находящихся в Польше. Листовка составлена и переведена на русский язык польскими солидаристами — организацией «Борющаяся Солидарность», которая является частью подпольного движения «Солидарности». Район действия «Борющейся Солидарности» — Нижняя Силезия — считается сегодня основным бастионом «Солидарности».

Автор первой части листовки — Корнель Моравецкий, руководитель «Борющейся Солидарности» — известен читателям «Посев»: в 1981 г. он, будучи редактором самиздатского «Бюллетеня Дольносленского», в № 7/8, перепечатал по-русски и распространял листовку НТС, обращенную к советским военнослужащим в Польше (об этом писалось в «Посеве» № 10/1981; о недавних публикациях посевских материалов в «Бюллетене Дольносленском» см. «Посев» № 2/1984).

Мы также рады предоставить свои страницы для борющихся польских друзей. Особенное значение мы придаем самому факту обращения поляков к русским с призывом к борьбе против общего врага — коммунистического режима. Листовка польских солидаристов называется «Наше кредо», и мы надеемся, что ее содержание вызовет отклики российских солидаристов на затронутые проблемы.

Наше имя: «Борющаяся Солидарность».

Наш девиз: Свободные и Солидарные.

Наша эмблема — *соединение буквы S (солидарность) с символом надежды — якорем. Наша родословная: христианство, демократия, Польша, социализм, профсоюз «Солидарность».*

Специальное издание организации «Борющаяся Солидарность»: наше кредо, 1983 г.

Почему борьба? — Чтобы победить, — чтобы защитить слабых и тех, кто беден, голоден или находится в заключении, — чтобы вернуть растоптанные права гражданам и народу, — чтобы не дать лишиться себя свободы, — чтобы быть верным традициям отцов и дедов: «За нашу и вашу свободу», — чтобы показать миру, что злу и насилию можно и нужно дать отпор, — чтобы отпор этот был действенным, а не молчаливым, — чтобы прийти к справедливому социальному соглашению, — чтобы не опорочить нашей чести, — чтобы жить.

Почему солидарность? — Чтобы не поддаться чувству ненависти, чтобы быть с теми, кому мы больше всего нужны, — чтобы возродить независимую и самоуправляемую «Солидарность», — чтобы исполнились наши надежды, — чтобы Польша могла быть польской, — чтобы один за всех и все за одного, — чтобы не было «равных и самых равных», послушных роботов и могущественных товарищей, — чтобы бороться против войны, — чтобы жить.

Наша гордость и обязанность: служение польскому народу в его стремлении к независимости и демократии; служение всему

цивилизованному миру в его стремлении к справедливости, миру и благосостоянию.

Наша далекая цель: свободная и независимая Речь Посполитая Солидарная, солидарность между людьми и народами.

Наша близкая цель: а) рост общественного самосознания и самоорганизации в стране; б) легализация деятельности профсоюза «Солидарность».

Наш противник: тоталитарный коммунистический режим, извращающий идеи и затемняющий сознание людей и народов.

Наш союзник: каждый, кому дорога правда, свобода и демократия.

Наше «нет»: соглашению с властью, интеграции в эту систему. Потому что: а) власть нарушает любые соглашения, как она нарушила Гданьское Общественное Соглашение 1980 г.; б) народ не должен вступать в соглашение с навязанной ему властью, он должен сам ее себе демократическим способом выбрать.

Наше «да»: проведению свободных демократических выборов, которые оставят ПОРП такую часть государственной власти, какой процент она получит в конкуренции с другими свободно действующими политическими партиями. Мы хотим добиться осуществления важнейшего пункта Ялтинской конференции: демократического правления в Польше.

Наши методы:

1) Информационно-издательская деятельность, обращенная к широким народным массам нашей страны (листовки, газеты, радио), а в будущем также в соседних странах. Борьба с ложью. Самообразование.

2) Сотрудничество и соглашение с независимыми движениями и организациями в нашей стране и за границей, которые стремятся к демократии.

3) Поддержка и помощь в организации массовых протестов (крупные забастовки, уличные демонстрации), как заранее спланированных, так и стихийных.

4) Восполнение в меру своих потребностей и возможностей помощи, которую оказывает Католическая церковь и подпольная сеть профсоюза „Солидарность” репрессированным лицам и их семьям.

5) Организация и поддержка активной общественной самозащиты в следующих формах: а) заводские забастовки в случае ухудшения условий труда и сокращения заработной платы, а также в случае преследований и увольнений; б) преследование стукачей и доносителей; с) наказание наиболее жестоких исполнителей коммунистического террора. В каждом отдельном случае выбор мер самообороны должен соответствовать уровню непосредственной угрозы и вины.

6) Проникновение в репрессивные органы (армия, милиция, ГБ, тюрьмы).

7) Оказание помощи независимым организациям и движению за мир в коммунистических странах. В особенности: ведение анти-военной пропаганды среди советских войск, расположенных в Польше; снижение темпа работы и саботаж производства на военных заводах.

8) Развитие и улучшение своей организации, чтобы она могла выступить на стороне народа в экстремальных ситуациях — таких, как внешняя интервенция, война, либо в других сложных ситуациях.

В настоящее время успешное использование каждого из вышеприведенных методов выходит за рамки наших возможностей. Поэтому каждый из них будем рассматривать в качестве задачи, средства и цели будущего.

Наша мечта — видение будущего: *Манифест Солидарности*.

I. Что? Заря солидарности встает над миром. Встает в виде революционной идеи, в виде предложения новой социальной системы. На зло силам власти и денег. На зло тоталитаризму и частной собственности. Капитализм отражает общие интересы в качестве суммы интересов индивидуумов. Коммунизм отражает интересы партии и государства за счет интересов индивидуумов. Солидаризмом же можно назвать такой обще-

ственный строй, который блюдет интересы индивидуумов и заботится об их совместной с интересами общества реализации. Для этого общественного строя характерны условия и институты совместной жизни, необходимые, чтобы все почувствовали себя гражданами. Поэтому:

1) парламентское правление, форма которого определяется в результате свободных выборов среди кандидатов противоборствующих партий и политических программ;

2) рыночная экономика, исключающая крупную частную собственность на средства производства и основанная на рабочем самоуправлении в качестве основной формы управления предприятиями;

3) свобода слова и собраний;

4) территориальное самоуправление, избираемое и ответственное перед жителями данного района;

5) независимый суд.

В рамках этого солидаризм предусматривает:

6) независимый рабочий союз, объединяющий, на условиях добровольности, людей труда всех профессий. Таким союзом был в Польше на протяжении 16 месяцев профсоюз „Солидарность”.

Труд — основа общества. Присвоение чужого труда является источником социальной несправедливости. От этого, от эксплуатации человека человеком и государством, и должен защищать союз. Он должен защищать людей и их труд от расточительства, от унижения и использования в чужих интересах. Он должен действовать на всех уровнях: на заводе, в отрасли, в регионе, в стране.

Так мы представляем в общих чертах солидаризм. Однако солидарность — это нечто большее, нежели права и институты. Это единство в борьбе за общие цели, это сплоченная защита слабых и обиженных, это осуществление лозунга: „Один за всех, все за одного”. Она не является проектом „нового прекрасного мира”. Это — проект мира, немного лучшего, чем тот, что существует на Востоке и на Западе. Без злоупотребления властью и без резкого социального неравенства. Мира, в котором труд каждого будет справедливо оплачиваться и не будет безработицы. Солидарность — это проект мира труда, который очеловечивает Землю и облагораживает человека.

II. Для чего? Для того, чтобы жить. На Востоке, в странах так называемого социали-

стического лагеря, у власти стоит партийная каста, не считающаяся с желаниями и нуждами людей. Господствующая тут система превратила граждан в подданных и подчинила страны советскому империализму. Он стремится править миром путем безумного увеличения своей военной мощи и представляет собой смертельную угрозу для цивилизации, для 20 столетий нашей веры, труда и борьбы.

На Западе же общественное мнение озабочено инфляцией и стагнацией, люди стремятся к прибылям и обогащению. За исключением США, руководство которых начинает понимать нависшую над миром угрозу, страны Запада тешат себя надеждами на Разрядку. Экономическое неравенство бросает тень на демократию. Молодое поколение, стремясь к лучшей жизни, протестует против расходов на вооружение. Оно не сознает опасности советского империализма и того, что народы Восточной Европы страдают от неслыханного социального и национального угнетения. Запад мечется и не видит выхода из нескончаемой спирали роста ядерных вооружений.

Есть два выхода: 1) Единая позиция западных обществ, отказывающая СССР в технологической помощи при одновременном решительном укреплении армии и ограничении потреблении. Всё для достижения военного преимущества над потенциальным агрессором. 2) Приобретение права голоса трудящимися Востока, которые, как и трудящиеся Запада, хотят жить. Они знают, кто их обманывает и угнетает, кто принуждает к труду за минимальную заработную плату, кто стремится к могуществу, созданному их руками — это коммунистическая верхушка.

Первое условие выхода, если оно не приведет ко второму, само по себе ничего не решает. Второе условие выхода может быть обеспечено только массовым выступлением трудящихся в странах Востока — выступлением, подобным тому, какое было в Польше в 1980 году. Только солидарные усилия, смелость и надежда могут спасти мир. Солидарность — это мир, а мир — это солидарность.

Нет другого пути для Польши. Без „Солидарности” не будет над Вислой ни справедливости, ни благополучия. Если поляков кнутом и голодом принуждать к рабскому труду, то они будут и дальше прозябать в нищете. Всплеск свободы, пришедшей с „Солидарностью”, вдохновил молодежь и широкие народные массы. Ясно, что для того, чтобы

Польша была польской, она должна быть Польской Речью Посполитой Солидарной.

III. Как? Сражаясь. Солидарность — это не только новая идея, но и способ ее реализации. Способ одержать победу над восточными режимами и западным эгоизмом. Необходимо только, чтобы люди труда в городах и деревнях осознали собственную солидарность, нашли в себе силы проявить ее. И тогда рухнут красные и золотые троны.

Поэтому самым главным оружием в этой борьбе является информация. Царящее в нашей стране принуждение основано на лжи, свободу нам принесет только правда. Правда, которую надо провозглашать и на Востоке и на Западе. Будем стремиться к строительству радиостанции „Солидарность”, ведущей передачи на весь мир. Мы хотим обмена мнений, а не обмена пулями и ракетами. наших противников мы хотим убеждать, а не убивать. Хотим убедать, что им будет лучше и безопасней в Польше солидарной, в солидарном мире.

У нас есть право, и мы обязаны выражать свои мысли и стремления. Как это сделать? С помощью независимой прессы, радио, групп самообразования, с помощью уличных манифестаций, забастовок, — отказываясь отдавать результаты своего труда тем, кто его у нас отбирает силой и террором. Самыми действенными являются забастовки солидарности. Такие, которые начинаются стихийно (а в том, что они начнутся, нет сомнения) в каком-либо крупном заводе или промышленном центре, и тогда весь народ должен поддержать тех, кто больше не мог терпеть. Это явится самым лучшим сигналом для начала сплоченного сопротивления.

На нас всегда лежит обязанность активной защиты преследуемых людей и растоптаных идеалов. Мы строим организацию „Борящаяся Солидарность”. Она открыта для всех, кто выбрал борьбу за Солидарную Речь Посполитую, за солидарность людей и народов, и кто для достижения этой цели согласен пожертвовать своим временем, кровью, а если потребуется, и своей жизнью. Мы не претендуем на монополию борьбы за профсоюз „Солидарность”. Борьбу эту в разных формах ведут лучшие сыновья Польши. Мы стремимся к сотрудничеству и соглашению со всеми, кто желает социальной справедливости. Мы против соглашения с властью, за которой стоит чужое государство. Мы хотим лишить эту власть власти.

Реально ли это? Нереально только до тех пор, пока люди сами не убедятся в реальности. До тех пор, пока они не поймут, что пришел час взять свою судьбу в свои руки.

Мы не рассчитываем на быструю победу в результате одного сильного удара. Нас ждет длительная подготовительная борьба. Мы понимаем угрозу открытого противоборства. У нас нет танков. Мы хотим убедить тех, у кого они есть, чтобы не использовали их против безоружных. Наше дело правое. Зло может одерживать временные успехи, однако солидарность — это правда и добро, и она победит.

Председатель Совета
„Борющейся Солидарности”
Корнель Моравецкий

13 декабря 1982 г. Польша.

*

*Наш комментарий**: Под солидаризмом здесь понимается общественный строй, основанный на демократии, плюрализме и самоуправлении, учитывающий основной закон экономического развития: обмен и рыночную конкуренцию, с ограничениями, положенными на власть крупного капитала и на власть государственную. Последний должен контролировать независимый рабочий союз (или федерация таких союзов). Демократическое представительство этого союза (федерации) в масштабах всей страны будет дополнительным вариантом власти в государстве — рабочей властью. Представительство союза на разных уровнях будет являть собой форму защиты общества от произвола государства (гражданской власти) и его институтов: администрации, правосудия, армии и милиции. Эта точка зрения объясняется европейской традицией и практикой контроля общества над властью, с одной стороны, с помощью демократических выборов, а с другой, — с помощью ее разделения на такие формы, как: законодательная, исполнительная и судебная власти. Первым примером подобной системы явился профсоюз „Солидарность”, с которым пришлось считаться даже такой могущественной и монолитной власти, как коммунистическая. Поэтому она и делает все возможное для уничтожения „Солидарности” как организации, идеи и символа.

* Это комментарий составителей листовки. — Ред.

Новейшая история подтверждает, что демократия не является достаточным гарантом от тоталитаризма (пример: гитлеризм). С другой стороны, отсутствие крупной частной собственности на средства производства не гарантирует от эксплуатации (пример: коммунизм). Подобный рабочий союз должен вместе с другими демократическими структурами власти и управления защищать наиболее уязвимых — индивидуумы и группы — от экономической и гражданской дискриминации. Из этого следует и его название: „Солидарность”. Его происхождение восходит к начальным формам христианства: любви, помощи бедным и обездоленным.

Солидаризм не догма и не окончательный вариант. В области концептуальной он еще требует доработки: размер частной собственности на средства производства, соотношение ограничения частного капитала с законами рынка, компетенция и обязанности рабочей власти и власти государственной и т. п.; он также требует проверки практикой (первой проверкой, в экстремальных условиях коммунистического режима, были 16 месяцев существования „Солидарности”). Мы рассматриваем это в качестве направления социальной эволюции, которая ведет к материальному благополучию и духовному совершенствованию отдельных личностей и народов. Не путем индивидуального успеха, достигнутого за счет более слабых, и не путем коллективистской уравниловки всех. А путем развития, достигаемого в результате личной и общественной конкуренции усилий, труда, талантов. При этом развитие совместное, истинно солидарное.

Мы еще раз подчеркиваем, что не рассматриваем солидаризм в качестве лекарства от всех болезней и трудностей в обществе. Мы считаем, что он в состоянии сделать жизнь людей и народов несколько лучше и гуманней западного капитализма и во сто крат лучше и всесторонней восточного коммунизма. Здесь, в Польше, борьба за осуществление этой мечты является одновременно борьбой за национальное и социальное освобождение. Это борьба за освобождение народов Востока из-под коммунистического ярма, а всего мира — от оков отчаяния ядерного самоуничтожения.

Наш устав и место: Мы начали с июня 1982 г. Мы — независимая национальная организация. Наша борьба — одна из форм общественного сопротивления. Мы отдаем должное нашему противнику и себе. В ос-

новном мы поддерживаем решения руководства профсоюза „Солидарность”. Оставляем за собой, однако, право критики этих решений и собственных инициатив.

Наша структура: а) в процессе формирования, как и вся наша организация; б) иерархическая структура с высоким уровнем демократии внутри отдельных территориальных и профессиональных звеньев. Руководящим органом является Совет, избирающий председателя. Основной организационной единицей является группа „Борющейся Солидарности”. Членом БС может быть каждый (независимо от национальности и принадлежности к другим организациям) при условии принятия присяги.

Сколько нас? — Сегодня несколько сотен, а завтра и ты с нами. Наша сфера действия: всюду там, где есть и действуют члены нашей организации.

Наши лозунги: Самоуправление, Солидарность, Независимость.

Наш праздник: 31 августа.

Наше отношение: а) к народам Чехословакии, Украины, Белоруссии, Литвы — желаем этим народам независимости, не имеем к ним никаких территориальных претензий; б) к русским — хотим дружбы, равноправных отношений с великим русским народом, отношений, основанных на правде; в) к немцам — надеемся на дружеские, равноправные отношения с великим объединенным немецким народом.

Наше предложение: Если хочешь бороться за независимую Речь Посполитую Солидар-

ную, отдать все свои силы, время, а если требуется и жизнь для создания такой Польши (России), если хочешь бороться за солидарность между людьми и народами, если хочешь и обещаешь развивать идеи нашего движения и добросовестно исполнять как порученные тебе, так и задуманные тобой задания — вступай в наши ряды. Если тебя удовлетворяют наши цели и методы, уже сейчас, не ожидая контакта с нами, создавай вокруг себя, на заводе, по месту жительства, в деревне группы „Борющейся Солидарности”. Ищи нас — встреча близка.

Мы уверены: Нашим существованием и борьбой мы поддерживаем великое стремление людей, народов и культур, открытых для обмена благами и целями, объединяющихся для уважения индивидуальности, ищущих новые и сохраняющих старые правды. Это стремление к братству и прогрессу преодолевает закрытость укрепленных лагерей, разрушает закрытые на замок границы, ложь и страх. Так будем же мы, люди, мы — поляки (русские) и мы — члены „Борющейся Солидарности”, свободными и солидарными.

Издает наше агентство: Информационное Агентство Борющейся Солидарности.

Наша просьба: переписи, передай знакомым, оставь в общественном месте.

Сентябрь 1983 г. (Перевод с польского)

Наш братский привет:

Да здравствует солидарность между людьми и народами Польши и Советского Союза!

СОЛИДАРНОСТЬ

1980—1982

Сборник „Солидарность”, вышедший уже 3-м, переработанным, изданием, стал сам частью истории „Солидарности”, истории сотрудничества польских и российских солидаристов в деле освобождения наших стран от коммунистической диктатуры.

Первая часть сборника — о горячем польском Августе 1980 г. — написана поляком, членом „Солидарности” А. Поморским (Варшава); благодаря большому количеству приведенных документов и хронологии событий она может служить ценным справочным пособием.

Анализ польских событий в применении к России (части II и III) и проблемы российского рабочего движения (часть IV) — вторая половина сборника, написанная членом НТС М. Назаровым. Дается информация о создании, развитии и новом этапе деятельности СМОТ, о программах новых подпольных групп, отклики из России на польские события, перечень ставших известными забастовок.

● Лауреат Нобелевской премии мира 1983 года Лех Валэнса отказался от поездки в Осло на торжественное вручение премии (10 декабря), опасаясь, что его могут не выпустить обратно в Польшу; за премией ездила жена Валэнсы Данута и 13-летний сын Богдан. Золотую нобелевскую медаль Валэнса с женой и сыном отвезли к Ченстоховской Божьей Матери и передали Ясногорскому монастырю (Валэнса сказал, что премия мира присуждена „Солидарности” и принадлежит польскому народу). Связанную с Нобелевской премией крупную сумму Валэнса передал католическому фонду помощи частным земледельцам Польши. На обратном пути из Ясной Горы в Гданьск семью Валэнсы и сопровождавшего ее священника 13 раз останавливали и подвергали тщательному обыску, держа на холоде, в результате чего Валэнса заболел.

О югославском кризисе

Милован ДЖИЛАС

У югославского кризиса, начавшегося еще при Тито и за последние 3 года все обостряющегося, — два облика: внешний и внутренний. Внешний кризис (удорожание сырья и кредитов), сколь тяжелым бы он ни был, — вторичен и был бы преодолем, если бы не переплетался с непрекращающимся кризисом внутренним, структурным. Дело в том, что в Югославии не функционирует система как целое. Поэтому более, чем сам экономический кризис, важны его первопричины, происходящие из политической системы — из неэффективности политических решений.

Корни, основы этой неэффективности — в политически-социальных отношениях: в привилегированном положении политического аппарата и в его доминировании над экономической жизнью. В этом Югославия мало чем отличается от любой коммунистической страны. Но эти общие для всех коммунистических стран пороки в конкретной югославской реальности выливаются в специфические югославские формы и проявляются по-югославски.

После разрыва с Москвой в 1948 г. экономическое и социальное развитие Югославии во многом пошло иными путями, чем в других восточноевропейских странах. Как в этих странах, так и в Югославии, индустриализация проводилась быстро, но не синхронно. Экономика Югославии все же осталась рыночная, а около 90% обрабатываемой земли принадлежит крестьянам. Экономические, технологические, туристические и культурные связи Югославия поддерживает главным образом с Западом, что в значительной мере влияло и влияет на способ ведения дел и на образ мышления. Унаследованное же неравенство югославских республик — несмотря на общий прогресс — не уменьшилось, если даже не увеличилось.

Под властью Тито Югославия стала средне-развитой страной. Но политическая система в ней, несмотря на более либеральную практику, не претерпевала значительных изменений и не теряла сходства с системами Восточной Европы. И индустриализация тут тоже проводилась не только по экономическим причинам, а и по идеологическим, и по бюрократическим соображениям, причем по последним двум — в первую очередь. Форсиро-

ванно развивали тяжелую промышленность, наибольшее количество фабрик построено на привозном материале — в угоду местным бюрократиям („политические фабрики”). В то же время непрерывно росла безработица, достигшая сегодня 15% по отношению к количеству работающих. В стране сегодня 900 000 безработных, не считая 700 000 выехавших на заработки в западноевропейские страны. Росли, в особенности в последние 5 лет власти Тито (1975—1980), и внешние долги государства, перевалившие сейчас за 20 миллиардов долларов.

Такое развитие дел привело к расслоению югославского общества — югославские социологи уже широко обсуждают этот факт. Расслоена и сама правящая, ленинистская партия, распалась и партийно-бюрократическая идеологическая монополия. Изменились и взаимоотношения югославских республик, и их отношение к центральному правительству. По расчетам некоторых социологов, 10% югославов присваивает себе 45% национального дохода, а республики уже достигли статуса членов конфедерации. Фактически, в конфедерацию, потеряв идеологическое единство, превратилась и сама правящая партия, несмотря на то, что только она одна и существует.

Тито сохранял единство своим авторитетом и своей авторитарной властью, хотя уже и в его время власти в отдельных республиках стали настолько самостоятельными, что ввели автаркию на „свою” экономику — таким образом распался единый югославский рынок. Оставляя за собой „коллективное руководство”, созданное на принципах равенства республик и ежегодной смены носителей главных функций в стране („принцип ротации”) — Тито и в самые ответственные государственные органы запрограммировал медлительность и неэффективность, хотя целью его было — не допустить явлений гегемонии и автократии. Эта неэффективность наложилась и на упомянутый экономический кризис, и на кризис структурный (запущенное сельское хозяйство, невозможность „мелкого хозяйства”, низкая продуктивность всей системы, нестимулирующая система наград, отбор кадров по

идеологическому признаку, удушение альтернативных идей и т. д.).

Вся система охвачена кризисом и слепо скатывается в него все глубже. Перерасчет долгов и значительная финансовая помощь Запада, конечно, замедлят и на время смягчат экономический кризис, но они по самой своей природе не могут значительно повлиять на кризис, происходящий в социальных основах и в политической структуре системы. Выход из него должны были бы искать и найти сами югославы — четко осознав действительное положение вещей и мобилизовав свою энергию и реформистские силы.

В Югославии есть силы для внутреннего реформирования и для выхода из экономического и социального кризиса. В стране достаточно — и даже слишком много — обученных кадров, и ни один из югославских народов не высказывает желания выйти из государственного объединения.

Кризис в Югославии не вызван никакой оппозицией, хотя функционеры — сторонники „твердой руки” и „идеологии” — с великим шумом ополчаются против „всех врагов”. В Югославии вообще не существует значительной, организованной оппозиции — несмотря на все растущее в стране недовольство. Кризисом охвачена система и политические верхи — и поворот на путь реформ может быть начат только из самой системы, из властвующей партии, вернее — из реформистских течений в самой партии и вокруг нее.

В настоящее время на партийных верхах нет ни ясных творческих идей, ни личностей, которые настаивали бы на изменениях системы. В то же время и в партийной, и в иной интеллектуальной среде идет большая дискуссия, критически анализируется нынешнее положение. Ощущается и негодование среди рабочих и иных бедных слоев трудящихся. Настаивая на сохранении унаследованных форм власти и окостеневшей идеологии, партийные верхи парализовали не только альтернативные, реформистские демократические взгляды и течения, но и самих себя и систему в целом.

Если внутри самой системы, самой правящей партии, в ближайшие годы не начнется недвусмысленное и коренное реформистское движение, вся система неудержимо ринется навстречу социальным и национальным беспорядкам. Если нынешний кризис продолжится еще несколько лет, то Югославия

снова станет в ряд малоразвитых стран, — а с этим ни один народ не смирится без сопротивления. А поскольку режим герметически закрыт и отбрасывает любую „чужую” альтернативу — и сама Югославия как государственное образование слабеет и стоит перед неизвестным будущим, несмотря на то, что в ее умах, в ее народах есть силы для преодоления нынешнего кризиса системы.

Вмешательство армии, несмотря на то, что многонациональная югославская структура полностью в ней сохранена — не разрешило бы надолго ни одну из главных проблем. Не только потому, что в структуре армии преобладает тот самый дух „титоизма”, который довел систему до кризиса, но главным образом потому, что появление армии на политической арене большинством югославских народов рассматривалось бы как гегемония самой большой нации — сербской, хотя, по мнению защитников этой идеи, это не соответствовало бы действительности.

Перерастание этого кризиса в кризис политический, в социальные и национальные конфликты, нарушило бы существующие взаимоотношения на Балканах. И не только на Балканах. Реформирование же югославской системы означало бы, в более широком плане, увеличение стабильности в этой части света.

(Перевод с сербского Я. Т.)

Белград, 1983 г.

*

Автор этой статьи, Милован Джилас, — в прошлом известный югославский коммунист: с 1937 г. — член ЦК КПЮ, с 1940 г. — член Исполкома ЦК КПЮ, после войны занимал пост министра во временном правительстве Югославии, в 1953 г. был одним из вице-президентов Югославии и председателем Союзной скупщины. В 1953—1954 гг. Джилас резко выступил против превращения компартии в новый правящий класс и против морального ее разложения. За это его исключили из партии, а когда он начал публиковать на Западе свои книги (наиболее известные из них — „Новый класс”, а также вышедшие по-русски в издательстве „Посев” мемуары „Разговоры со Сталиным”), — то Джилас был брошен в тюрьму. В заключении он пробыл, с некоторым перерывом, с 1956 по 1966 г. Сейчас Джилас проживает в Белграде под надзором госбезопасности. — Р е д.

Еще о покушении на Папу римского

Следствие по делу болгарского гражданина Сергея Иванова Антонова и турецкого гражданина Мехмета Али Агджи, обвиняемых в заговоре с целью убить папу Иоанна Павла II, бывшего польского кардинала Кароля Войтылу, было закончено еще в декабре 1983 г. В виновности Агджи нет сомнений: он арестован на площади св. Петра в Ватикане 13 мая 1981 г. сразу после того, как произвел несколько выстрелов из пистолета в главу католической Церкви. Агджа осужден на пожизненное заключение и находится в римской тюрьме „Ребиббия”.

Сергей Антонов (Иванов после имени — это отчество, как по-русски „Иванович”) был арестован позже, в ноябре 1982 г., после того, как уже осужденный Агджа в ноябре 1982 г. захотел встретиться со следователем и рассказал ему о предыстории дела. По словам Агджи, „заказал” убийство „Комитет за държавна сигурност” (КДС), то есть болгарское КГБ, всей операцией в Риме руководили 2 болгарских дипломата, Колев и Айвазов, а также сотрудник римского представительства болгарской авиакомпании „Балкан-эйр” Антонов.

Когда Агджа начал свои разоблачения, Колев и Айвазов уже были отозваны в Софию. За Антоновым же было установлено наблюдение, продолжавшееся несколько месяцев, и только после этого следователь Мартелла, с санкции римской прокуратуры, подписал ордер на арест. После подробного расследования, продолжавшегося примерно год, следователь передал дело в суд, чего он несомненно не сделал бы, если бы не считал, что обвинения против Антонова достаточны для судебного разбирательства.

Конечно, если Антонов замешан в попытке убить Папу, то его роль, надо думать, была второстепенной: об этом говорит уже то обстоятельство, что два названные Агджой дипломата были после преступления отозваны, хотя обладали иммунитетом и судить их итальянские власти не могли бы. Антонова же, дипломатическим иммунитетом не обладавшего, „хозяева” оставили в Риме, очевидно считая, что он мало знает и даже если бы и заговорил, то не смог бы раскрыть подлинной подоплеку дела. Тем не менее, если бы суду и не удалось ничего установить, кроме

одного-единственного факта, что к делу покушения на Папу приложил руку КДС, то это вызвало бы огромный международный скандал. Всем ясно, что КДС не мог самостоятельно предпринять такое „сугубо ответственное” и, добавим, рискованное дело, как убийство не только главы всех католиков в мире, но и некоронованного главы Польши, этой пороховой бочки у ватерлинии советского корабля, которая ведь в случае гибели Папы могла и взорваться. „Принципиальное” решение несомненно принималось в Москве, в Политбюро и в КГБ, возглавляемым которого в 1981 г. был Андропов — позднее председатель президиума Верховного совета СССР и генеральный секретарь КПСС.

Это, надо думать, и есть главная причина того, что римская прокуратура, у которой теперь находится дело Агджи-Антонова, еще не назначила дату начала суда. Предполагают, что за кулисами подготавливается политическая сделка, чтобы избежать этого процесса.

Напомним, что после ареста Антонова в Риме, в Софии были арестованы два итальянских туриста, Паоло Фарсетти и Габриелла Тревизин, — по обвинению в шпионаже. Несмотря на смехотворность улик против них (среди многочисленных фотографий, сделанных туристами, следствие обнаружило снимок марширующей по улице колонны солдат и идущих, тоже по улице, танков), итальянцев приговорили к 10 и к 3 годам заключения. И не обладая большой фантазией, можно понять, что это — заложники, которых хотят обменять на Антонова.

Именно такой вариант и вырисовывался в последнее время. Антонова перевели под домашний арест, „по состоянию здоровья”. Тут же из Софии стали поступать слухи, что итальянцам в болгарской тюрьме тоже „нездоровится”. Конечно, об „обмене” как таковой речь не шла бы: просто обе стороны проявили бы „гуманность к больным людям”. А дело было бы закрыто и — концы в воду.

В то же время средства пропаганды в Софии (привлекшие к этому сестру Антонова) стали высказывать „опасения”, что подлинные организаторы покушения на Папу могут попытаться убить Антонова, и потому-

де надо его поскорее отпустить на родину. Однако римский прокурор, за две недели до этого с большой неохотой подписавший ордер на перевод Антонова под домашний арест, решил, что раз болгары так опасаются за жизнь Антонова, то пусть он отправляется снова в тюрьму — там безопаснее всего. Прокурор к тому же обратил внимание, что Антонов, состояние здоровья которого оказалось не таким уж плохим, отбывал свой домашний арест в квартире, принадлежащей болгарскому посольству, откуда ему не представляло бы труда бежать.

Окончательная судьба Антонова пока не решена, его защитники, Консоло и Ларусса, обжаловали решение прокурора и дело пошло в кассационный суд. Эти судебные „зигзаги“ свидетельствуют о разногласиях между политическими кругами Италии (а может быть и не только Италии), стремящимися закрыть дело, чтобы не затруднять „диалог“ с советским руководством, — и судебными органами, которые располагают достаточным материалом для процесса над Антоновым и отвергают попытки пожертвовать независимостью итальянской юстиции в угоду „высшим“ соображениям.

Болгария и СССР, естественно, решительно отрицают свою связь с попыткой убить папу Иоанна-Павла II. Их кампания самозащиты достигла высшей точки летом 1983 г., когда „Литературная газета“ опубликовала серию статей И. Андропова „По волчьему следу“. Автор утверждает, что покушение на Папу организовало ЦРУ — чтобы дискредитировать итальянских коммунистов и социалистические страны, приписав им ответственность за преступление...

Андронов пытается доказать это с помощью „свидетельских показаний“, ссылаясь, главным образом, на итальянского гражданина Кризафи, который якобы по заданию агента ЦРУ Глории Донован должен был похитить промышленника Аньелли, а вину за это свалить на коммунистов. Римский корреспондент „Радио Свобода“ Франческо Сартори отыскал Кризафи. На вопрос корреспондента, тот заявил, что никогда не обвинял ЦРУ в намерении кого-то похитить, как об этом писали газеты, а также не уверен, что упомянутая дама работает на ЦРУ, и никогда такой уверенности не высказывал. Интервью с Кризафи, с записью его голоса, было передано по „Радио Свобода“ 27 ноября 1983 г.

Ян Влох

Кто заказывает музыку в ЮНЕСКО

Соединенные Штаты заявили, что с 1 января 1985 г. они уходят из ЮНЕСКО — организации ООН по вопросам образования, науки и культуры. Представитель госдепартамента США сказал, что „взгляды, господствующие в этой организации, резко партийны и направлены против сил свободы, в первую очередь против США“.

Между тем именно по инициативе США и других западных стран была создана ЮНЕСКО (в 1945 г., работать начала в 1946 г.). Ее первый генеральный секретарь, Джулиан Хаксли, мечтал о „мировой культуре, универсальной научной философии, благосостоянии и безопасности“. В 1949 г. президент Трумэн, выступая в ЮНЕСКО, говорил:

„Мы должны начать новую, смелую программу, чтобы поставить на службу совершенствованию и подъему развивающихся стран наши преимущества, наш промышленный прогресс... семья народов может достичь достойной и счастливой жизни, на которую имеют право все народы, если эта семья будет помогать своим менее счастливым членам найти самих себя“.

Вначале в эту организацию вошло 30 стран и работа ее шла нормально. Советский Союз вошел в нее только в 1954 г., когда увидел, что есть возможность заставить ЮНЕСКО работать на себя. Это было время, когда колонии получали независимость и многие из них немедленно переходили в „социалистический лагерь“, получали место в ООН и в ЮНЕСКО, где их голос весит столько же, сколько и голос США: по уставу — „одна страна, один голос“. Кроме СССР — он ввел в ЮНЕСКО (и в ООН) еще Украину и Белоруссию и голосует „три“!

В 1974 г. в ЮНЕСКО входило уже 135 государств (в 1984 г. — 161), большинство — „неприсоединившихся“ и „народно-демократических“. Но уже и до этого ЮНЕСКО стала заниматься не только своими прямыми обязанностями, а, как сообщает Большая советская энциклопедия,

„...активно участвовала в проведении международных кампаний, связанных с юбилейными датами мирового значения. Среди них — 50-летие Великой Окт. социалистич. революции (1967), 50-летие рождения К. Маркса (1968), 100-летие со дня рождения В. И. Ленина (1970), 50-летие образования СССР (1972)“.

ЮНЕСКО начала приглашать на свои конференции представителей „национально-освободительных движений”, признала ООП (и смогла на время исключить Израиль).

Сегодня в ЮНЕСКО „менее счастливые члены семьи народов” представляют большинство в 2/3. Многие из них, как говорит один из западных представителей, „занимаются агрессивной риторикой и строят нереальные планы”. Насчет планов он ошибается: многие из планов, вероятно, преступные — но они вполне реальны. Это планы перенесения несвободы в свободный мир. Например, есть план постепенной ликвидации рыночного хозяйства и замены его „плановым”. Есть план реорганизации системы информации так, что в конечном счете она стала бы похожей на советскую. „Для делегаций демократических стран униительно, — писал „Нью-Йорк таймс” (16. 12. 1983 г.), — делать вид, будто Советский Союз и другие поборники этого „нового порядка” являются их подлинными партнерами по защите свободы печати”.

Униительно — это еще полбеды, да и не в первый раз. Это смертельно опасно: ломать за ломтем у свободных стран урезает их свободу, сумма мелких побед СССР все увеличивается. И это — почти без шума или с малым шумом. Большой шум концентрируется вокруг ракет. Причем, если в ракеты, в Кубу, в Афганистан и другие „операции” СССР приходится вкладывать громадные средства, в ЮНЕСКО, вопреки пословице „кто платит, тот и музыку заказывает” — платит США, а музыку заказывает Советский Союз. Если в 1946 г. бюджет ЮНЕСКО составлял 7 млн. долларов, то сейчас — 374, 41 млн. долларов. США из этого платит 25% (!), Япония — 10,32%, ФРГ — 8,44%, Франция — 6,51%, Великобритания — 4,67%, Италия — 3,74%, Канада — 3,08%. СССР платит 10,54%, все остальные страны меньше чем 2% каждая. Косвенно западные страны частично оплачивают даже работу советских шпионов, которых немало среди служащих ЮНЕСКО, особенно в его штаб-квартире в Париже. Несколько из них были недавно высланы из Франции. Генеральный директор ЮНЕСКО, сенегалец Амаду Махтар М’Боу, вскоре после этого посетивший СССР, принял двоих из этих шпионов снова на службу.

Если бы СССР вошел в ЮНЕСКО сразу, в 1945 г., неосмотрительность западных союзников можно было бы еще понять: тогда была „весна любви” между ними и Стали-

ным. Но СССР вошел в ЮНЕСКО в 1954 г., когда Запад уже на личном опыте испытал коммунистические методы. Или думали, что вся беда в Сталине и что после его смерти СССР одемократится? Или считали, что образование, наука и культура, которыми должна заниматься ЮНЕСКО, — вещи, которые невозможно использовать в политических целях?

Если простой обыватель неверно оценил что-то, то беда от этого чаще всего не всемирная. Если же неправильную оценку в важном деле совершают политики, в особенности политики больших стран, то нередко получается то, что получилось. Есть умная восточная пословица: „Тыквы, которые ты сажал вместе с дьяволом, когда-то разобьются о твою голову”.

С. То м и ч

Юбилей сахарного острова

25 лет тому назад, 1 января 1959 г., на Кубе окончилась 25-летняя диктатура Батисты и началась новая диктатура — социалистическая.

Кубинцы, и в далеком прошлом, и при Батисте немало боровшиеся против угнетения, видели в Кастро противника всякой диктатуры и помогали ему — иначе как объяснить, что имевший 70-тысячную армию Батиста в конце концов бежал от партизан Кастро, которых в начале было около 80 человек и никогда не было больше тысячи? Кубинцы не предполагали, что попадут из огня да в полымя. При ненавистном Батисте все же существовало 7 политических партий, в том числе и враждебные диктатуре; среди них и коммунистическая, которую Батиста прикрыл лишь через 14 лет после прихода к власти (и которая продолжала активно работать нелегально). Выходили оппозиционные журналы, газеты, происходили массовые забастовки, даже вооруженные выступления. Так 26 июля 1953 г. группа во главе с Фиделем Кастро совершила вооруженный налет на военные казармы в Сантьяго-де-Куба (отсюда „Движение 26 июля”), во время которого солдаты Батисты захватили брата Кастро. Он пробыл 3 года в тюрьме, был... амнистирован и уехал за границу.

Батиста был диктатором весьма неприятного, но уже устаревающего латиноамериканского образца. Притесняя свой народ, он не ощущал потребности расширять власть и на другие страны, а тем более насаждать си-

лой какую-либо идеологию — ее у него и не было. Кастро сперва считали освободителем не только кубинцы — популярен он был и в США, которые, по всем данным, поддерживали его борьбу против Батисты. Однако Кастро установил диктатуру уже не южно-американскую, а новую, тоталитарную, с помощью СССР построив на Кубе Советский Союз в миниатюре. И если бастовавшие и демонстрировавшие при Батисте кубинцы сейчас молчат, то только потому, что цепи, сковывающие их сегодня, намного прочнее тех, что сковывали их тогда.

До Кастро Куба по уровню жизни населения занимала второе место среди латиноамериканских стран. Это еще не так много, но кубинцы, вспоминая то время, говорят, что у них тогда была надежда на улучшение, которой сегодня нет; в крайнем случае, они могли уезжать на заработки за границу. За кубинский песо всюду можно было что-то купить: он котиrowался наравне с американским долларом. Теперь песо на международном рынке вообще не котируется, да и ввозить и вывозить его Кастро запрещает. Уровень жизни кубинцев ухудшается из года в год, и если они не дошли еще, то рискуют вскоре дойти до полного социализма.

Западные страны продолжают торговлю с Кубой и все еще оказывают ей помощь. Но главным ее торговым партнером, стал, естественно, СССР (около 50% внешнеторгового оборота), он же, начиная с 1960 г., предоставляет Кубе заем за заемом. Куба должна СССР около 8,8 млрд. долларов — по официальным данным. Помогает СССР Кубе и косвенно, покупая у нее сахар по цене, втрое превышающей цену на мировом рынке. Так что реальный размер громадного кубинского долга СССР и другим соцстранам трудно установить.

Трудно также определить рыночную стоимость того, чем Кастро оплачивает долги, ибо он, кроме прочего, платит живым товаром и кровью кубинского народа: когда советским руководителям удается насадить социалистическую власть в очередной стране, то для обеспечения и укрепления нового „народного строя” они заказывают у Кастро очередные воинские части, несущие потом в боях потери, а иногда и погибающие полностью (Альенде в Чили, например, придя к власти, получил личную охрану из кубинцев, которые потом погибли вместе с ним).

Кубинский „общественный деятель” и поэт Роберто Ратамар, выступая по поводу

25-летия захвата власти, описал эту поставку вооруженных отрядов так: „Мы в неплатном долгу перед... Советским Союзом, всем социалистическим содружеством. И сейчас этот долг отдаем, помогая тем народам, что борются за свое освобождение”. Посылает Кастро во многие страны также учителей, специалистов, строительных рабочих, которые — как это было на Гренаде — могут мгновенно превратиться в воинские подразделения.

Благодаря советской военной технике, а также советским и иным специалистам, Куба за эти 25 лет стала самой сильной страной в Латинской Америке, центром, из которого коммунизм впрыскивается в другие страны. СССР поставляет Кастро также и наступательное оружие, угрожающее США, хотя в 1962 г. президент Кеннеди заключил джентльменский договор с джентльменом Хрущевым, что такое оружие Кубе поставляться не будет.

Кастро усиленно учит кубинцев грамоте (раньше в городах было до 40% неграмотных, в деревне — до 70%), и это единственное положительное, что можно сказать об этом строе (и то лишь отчасти, потому что не только учат грамоте, но и вдалбливают ложь). Но все положительное оказывается для диктаторских режимов палкой о двух концах; чем просвещеннее становится неграмотный вчера кубинец, тем он успешнее может разгадать ложь, распространяемую диктатурой, и противостоять ей — хотя бы сначала внутренне. Он начинает все лучше понимать, почему страна из бедной стала нищей, почему его отец мог свободно выезжать за границу на заработки, а теперь за это пришьют измену родине. Он начинает лучше понимать, почему другие народы считают его страну агрессором. Он вскоре поймет, что своей политикой Кастро довел страну до той черты, когда соседи от пассивного осуждения могут перейти к действиям, как было с Гренадой. Неизвестно, понимает ли ставший грамотным кубинец, что в этом случае советские руководители будут „помогать” своему верному вассалу только истошными криками. Сам Кастро, надо думать, это уже хорошо понимает, хотя открыто этого не показывает.

*

Через 5 дней после празднования 25-летия „новой Кубы” президент Рейган обратился по радио непосредственно к кубинскому населению. Поскольку президент недавно обра-

щался уже прямо к населению коммунистических стран (см. „Посев“ № 11, 1983 г.), надо думать, что в этом плане в США приня-

то какое-то принципиальное решение и обращение президента к кубинцам — результат этого важного решения. Я. М а р к о в

Советская экспансия в Юго-Восточной Азии

Как странно это ни звучит, но советские ракеты СС—20 (каждая имеет три боеголовки и может даже с Урала поражать большинство западноевропейских городов) — для европейцев больше не представляют собой ничего особенного. Общественность уже привыкла к их существованию и к ведущимся в этой связи дискуссиям и переговорам, — так же, как привыкают к большинству других проявлений угрозы с советской стороны.

Новостью, однако, стало сообщение, что эти единственные в своем роде ракеты среднего радиуса действия уже установлены во Вьетнаме, — информация об этом поступила из кругов высшего военного командования в Таиланде, от генерального секретаря тайландского Совета национальной безопасности П. Сонсири, от японского информационного агентства Киодо. Если это так, то возник еще один очаг угрозы прозападным и нейтральным государствам, ибо из Вьетнама ракеты СС—20 могут поражать цели не только в Юго-Восточной Азии и Китае, но и в Японии, Индии, Австралии...

По данным из надежного тайландского источника, эти ракеты прибыли несколько месяцев назад во Вьетнам морским путем и были переняты находящимися там советскими военными; пусковые установки СС—20 мобильны и поэтому трудно засечь их местонахождение.

Сообщение о появлении советских ракет во Вьетнаме дополняет целый ряд сведений о проводимом в глубокой тайне усилении советских войск на Дальнем Востоке. Только за первые 6 месяцев 1983 г., по данным оперирующего в Юго-Восточной Азии американского 7-го флота, в этом районе появилось 15 новых советских кораблей и подводных лодок. Советский флот имеет на южновьетнамском побережье военно-морские базы в глубоководных и хорошо отстроенных портах, которыми в свое время пользовались американцы; в последнее время увеличилось и число советских грузовых судов в этих портах. Если ранее советские военные корабли оперировали лишь в границах

Автор статьи, немецкий журналист, собрал информацию во время поездок в страны Юго-восточной Азии.

Южно-Китайского моря, то с начала 1983 г. они стали появляться у берегов Таиланда и в водах индонезийских островов. Возможно, это связано с сооружением советской военно-морской базы в камбоджийском порту Компонг-Сом, которая находится в опасной близости от берегов Таиланда и Малайзии.

Как особенную угрозу для себя страны Юго-Восточной Азии (прежде всего Таиланд, Индонезия, Малайзия и Филиппины) рассматривают усиление действий советской авиации, базирующейся во Вьетнаме. Наряду с истребителями и транспортными самолетами, с некоторого времени в воздушном пространстве Юго-Восточной Азии стало расти число советских стратегических бомбардировщиков Ту—20 и Ту-95. Эти тяжелые бомбардировщики, имеющие радиус действия в 12 500 км, могут также использоваться для борьбы с подводными лодками и для дальней разведки. По тайландским и американским сведениям, советские стратегические разведывательные самолеты (типа BEAR—D по классификации НАТО) базируются в районах Хюэ, Кам-Рань и Хошимин (бывший Сайгон) и совершают полеты над территориями стран АСЕАН, а также над Китаем, Японией и северной частью Австралии. Около 10—15 самолетов типа BEAR—F, базирующихся в Дананге, используются для разведки и противолодочных операций над Южно-Китайским морем, Сиамским заливом, над Тихим и Индийским океанами. По данным НАТО и американского министерства обороны, во Вьетнаме базируются свыше 100 советских стратегических самолетов-разведчиков. Число советских военнослужащих во Вьетнаме увеличилось за прошедший год с 5 000 до 7 000 человек (эти цифры не включают различных советников и экспертов, которых СССР широко использует во Вьетнаме). Если учесть еще агрессивную экспансионистскую политику Вьетнама, то недаром его называют „южноазиатской Кубой“...

Заметное увеличение советского военного присутствия во Вьетнаме говорит о том, что и при Андропове советское руководство не думает уходить из Юго-Восточной Азии. Размещение в этой части света ракет СС—20 и стратегической авиации не только продолжа-

ет сдвигать глобальное военное равновесие в пользу СССР, но и делает все более и более вероятной дальнейшую советскую политическую — и, возможно, военную — экспансию Советского Союза в этом регионе.

Успешное политическое и экономическое развитие в прозападных странах блока АСЕАН уже давно ощущается советским руководством как бельмо на глазу. То же касается нейтральной позиции Бирмы, которая, хоть и „строит социализм“, все же не заинтересована в помощи Советского Союза, — возможно, как раз Бирма может быть избрана следующей целью советской экспансии, к тому же этим завершилось бы стратегическое окружение Китая. Благоприятным обстоятельством для советского захвата Бирмы являлись многочисленные партизанские и племенные отряды в этой многонациональной стране, правительство которой контролирует лишь половину своей территории. (В этой связи стоит обратить внимание на недавний взрыв бомбы в Рангуне, где в октябре 1983 г. была убита почти половина членов правительства Южной Кореи, находившихся с визитом в Бирме. Этот террористический акт был организован Северной Кореей, и вполне возможно, что за ним стоит Советский Союз.)

В других странах Юго-Восточной Азии тоже, в течение долгого времени, действуют вооруженные подпольные группы, в большинстве случаев — возглавляемые запрещенными компартиями этих стран (до сих пор об этих компартиях заботились в основном китайские коммунисты). После раскола в тайландской компартии, в результате чего ее сильное крыло переориентировалось на Вьетнам и Советский Союз, не исключена возможность, что подобное возможно и в других коммунистических группах, тем более, что после смерти Мао политика КНР руководствуется другими приоритетами.

Советское руководство придает большое значение усилению своих позиций в Юго-Восточной Азии: только содержание вьетнамских оккупационных армий в Камбодже (200 000 чел.) и в Лаосе (50 000—60 000 чел.) обходится Советскому Союзу примерно в 3 миллиона долларов ежедневно. К этому добавляется угроза стратегическим оружием и использование хорошо вооруженных подрывных отрядов — все это сделало Советский Союз доминирующей сверхдержавой в этом регионе, государства которого (за исключением Китая) ничего не могут противо-

поставить усилению советского влияния. Таким образом, нужно считаться с тем, что под прикрытием многочисленных „мирных инициатив“ и переговоров о разоружении, до вооружении и т. п. — советское руководство готовит очередной ход на шахматной доске своей глобальной политики экспансии.

Г. Франц Шмайдель — Рельман

Зарубежная хроника

● В ноябре в Западной Европе началась установка американских ракет „Першинг“ с целью установления равновесия в области ракет средней дальности действия. Еще в 1979 г. НАТО приняло так называемое „двойное решение“: убедить СССР за столом переговоров демонтировать ракеты СС-20, направленные на Западную Европу, а если это не удастся — то установить аналогичные западные ракеты. Переговоры не дали результатов и были прерваны. СССР заявил, что предпримет ответные шаги, в частности установит в восточноевропейских странах тактические ядерные ракеты.

● В „Белой книге“, изданной министерством обороны Западной Германии, приводятся данные о сегодняшнем соотношении сил НАТО и стран Варшавского договора: численность войск НАТО — 4,4 млн. (на 1,2 млн. меньше, чем в 1970 г.), Варшавского договора — 5,7 млн. (на 1,4 млн. больше, чем в 1970 г.); танков — 13 тыс. у НАТО и 42,5 тыс. у Варшавского договора; противотанковых ракет у Варшавского договора в 4 раза больше, чем у НАТО; пушек у Варшавского договора 30 тыс., у НАТО — 10 тысяч.

● Представитель министерства обороны США сообщил, что Советский Союз поставил Кубе в 1981 г. 66 тыс. тонн вооружения, в 1982 г. — 68 тыс. тонн. Оружейные склады острова, очевидно, переполнены, так как поставки уменьшились: в первом полугодии 1983 г. из СССР на Кубу поступило только 20 тыс. тонн военного снаряжения. Зато увеличилось количество советских военнослужащих: сейчас на Кубе находится около 3 тыс. солдат. Военных и гражданских советников из СССР на Кубе от 8 до 11 тысяч.

● В Никарагуа, по данным военного министерства США, находится более 7,5 тыс. кубинцев, из которых около 2 тыс. — гебисты и военные. Кроме того, в Никарагуа около 70 советских военных советников.

● Советский Союз полностью возместил потери Сирии в ливанской войне, поставив Асаду за истекший год на 2,5 млрд. долл. военного снаряжения. Теперь у Сирии более 3 600 танков, среди них — Т-72 (в 1980 г. — 2 000) и вместо двух танковых дивизий стало три. До ливанской войны у Сирии бы-

ло 450 боевых самолетов, теперь 600, среди них новые МиГи и Су. В особенности увеличено количество ракетных установок: их около 2 000, и наиболее важные из них обслуживаются советским персоналом. В то время как сирийская армия нормально должна состоять из 270 тыс. чел., сегодня в ней почти 400 тыс. И лишь число советских советников уменьшилось: было 7 тыс., а теперь около 4 тыс.

● Комиссия международных экспертов, расследовавшая обстоятельства, предшествовавшие уничтожению корейского гражданского самолета советским истребителем, отвергла выдвинутое СССР обвинение в шпионаже; она отвергла также предположение, что советский летчик мог спутать корейский Боинг-707 с американским разведывательным самолетом. Комиссия считает, что советская сторона не пыталась установить контакт с корейским самолетом, не было и требования приземлиться; не было даже предупредительного обстрела — хотя представители СССР утверждают обратное. Причиной отклонения корейского самолета Комиссия считает либо ошибку при вводе информации в навигационную систему самолета, либо запоздание при включении автопилота; первое предполагает недостаточную внимательность наземного персонала, второе — команды самолета.

● У населения Франции нет достаточной защиты от ядерного нападения, — заявил премьер-министр Моруа в секретном докладе, отрывки из которого попали во французскую печать. Только сейчас принято решение строить во всех общественных зданиях противорадиационные убежища: в городах с населением свыше 50 тыс. жителей — обеспечивающие достаточную (не максимальную) защиту от ударной волны; в городах с населением около 10 тыс. жителей — обеспечивающие защиту от радиации. Специалисты считают, что самое надежное противорадиационное убежище Парижа находится в здании советского посольства на бульваре Ланси.

● Правительство Бангладеш выслало 18 советских дипломатов за то, что они „занимались не дипломатической, а иной деятельностью“, и потребовало закрытия советского культурного центра в Дакке, насчитывающего свыше ста (!) работников (из них 36 с дипломатическим паспортом): многие из них тоже занимались не культурной, а „иной“ деятельностью. Решение о высылке было принято через два дня после крупных демонстраций, во время которых 7 человек было убито и около 500 ранено. Работники советского посольства активно поддерживали (а может и организовывали?) демонстрации и забастовки.

● Представитель Европейского отдела министерства иностранных дел США, выступая на комиссии Конгресса, наблюдающей за выполнением Хельсинкского соглашения, заявил, что в СССР принудительным трудом занято около 4 млн. человек, то есть примерно 1,5% населения страны.

● Посол США в Москве в начале ноября снова вызвал протест против облучения американского посольства микроволнами (после того, как в 1976 г. американцы установили, что их посольство подвергается „обработке“, они проводят там регулярные проверки). Официальный советский ответ: если в посольстве США действительно обнаружены электромагнитные поля, то они происходят от промышленных предприятий Москвы, а тот факт, что посол снова поднимает вопросы, на которые в свое время „компетентные советские органы дали исчерпывающие ответы“, свидетельствует о намерении ухудшить отношения между США и СССР.

● Чаушеску дал интервью итальянской газете „Паезе сера“, в котором выступил против установок ракет в Европе. Западный оборонительный союз НАТО и Варшавский оборонительный договор он назвал „анахронизмами“: уже одно их существование является „причиной нынешней международной напряженности“. Не только поведение румынского вождя, но и поведение других глав социалистических стран свидетельствует о том, что они, под давлением растущего в их странах беспокойства населения, всячески стараются избежать размещения в их странах новых советских ракет.

● „Подготовительный комитет свободных профсоюзов“ Чехословакии передал представителям официальных профсоюзов в Праге петицию, в которой указывается на необходимость проведения всеобщего опроса населения о желательности или нежелательности размещения на территории их страны советских ракет среднего действия. Петиция предлагает провести подобные референдумы во всех странах Европы. Подписи под петицией собирались в Праге, Брно, Пльзене, Остраве, Кладно и других городах.

● Агентство Рейтер сообщает, что заведующий отделом международной информации при ЦК КПСС Л. Замятин сделал иностранным корреспондентам за два дня до смерти Андропова следующее заявление: „Юрий Владимирович Андропов очень много работает, это видно уже по тому, что он опубликовал письма, заявления и воззвания. Я уверен, что он находится на пути к выздоровлению“.

● Многие политические деятели Запада, бывшие на похоронах Андропова и говорившие с Черненко, на вопросы журналистов отвечают, что во главе СССР оказался снова больной старик. Так, сопровождавший М. Тэтчер врач сказал, что у Черненко астма в тяжелой форме. Американский сенатор Мойнихен выразил мнение, что „Черненко больше, чем нездоров“. И только вице-президент США Буш отделился шуткой, сказав, что от встречи с новым генсеком у него осталось положительное впечатление, „поскольку последние фразы господин Черненко даже не читал по бумажке“.

Андропов: год на посту генсека

А. АВТОРХАНОВ

Уже прошел год, как Андропов стал генеральным секретарем ЦК КПСС. Естественно, что в связи с этим советские люди мысленно подводят итоги этого года и невольно спрашивают себя: что же изменилось?

Слов нет, брежневское наследство, которое досталось Андропову, было чрезвычайно тяжелое и совершенно необычное даже в истории самого советского режима. Ведь речь шла не об отдельных изъянах или о невыполнении тех или иных хозяйственных планов. Речь шла о начавшейся экономической стагнации и политическом гниении самой системы. Поэтому естественно и то, что от Андропова ожидали экономических и политических реформ по ее оздоровлению.

Хотя ко власти пришел верховный чекист, да еще жестоко подавив диссидентское движение и отправив в бессрочную ссылку гениального русского гуманиста Андрея Дмитриевича Сахарова, Андропова все же сопровождала молва, что он реформатор и либерал. Трудно судить из эмигрантского далека, насколько эта молва была распространена внутри страны, но на Западе почти во всех ведущих органах печати в один голос твердили: в Кремле к власти пришел интеллигент и либерал с прозападным уклоном, который проведет широкие реформы и ослабит международную напряженность. Несомненно, мудрый правитель, как это часто бывало в истории, мог бы воспользоваться ситуацией смены главы власти со всеми связанными с ней надеждами в собственной стране и выгодным психологическим климатом за границей, чтобы, во-первых, вывести страну из кризиса, во-вторых, укрепить и возвеличить свою власть. Вот такая ситуация и сложилась, когда Андропов пришел ко власти после длительного разгула брежневщины.

А кризис был тяжелый и небывалый, такой, который большевики вот уже 60 лет все предсказывают Западу, — всеобщий кризис системы. Чтобы выйти из этого кризиса в рамках самой системы, Андропов должен был провести, по крайней мере, следующие сами по себе напрашивающиеся мероприятия:

1. Реорганизовать систему руководства сверху донизу с радикальным его омоложением.

2. Реорганизовать всю экономическую структуру в городе и деревне, освободив ее от самодержавного ярма госплановской бюрократии и некомпетентного вмешательства в хозяйственные дела со стороны местных партаппаратчиков.

3. Поднять эффективность советского производства и дисциплину труда не лозунгами Брежнева („экономика должна быть экономной“) и не цитатами Ленина („В конечном счете решает производительность труда...“), а избытием товаров и продуктов в хозяйственных магазинах, чтобы везде было, как, например, в „Березках“ для иностранцев и в закрытых распределителях для советской бюрократической элиты. Вот тогда труд будет эффективным и производительным, взяточников и расхитителей социалистической собственности будет мало (успешно бороться с коррупцией невозможно и без свободной печати — об этом говорит опыт демократических стран).

4. Перейти от бесконечных деклараций о необходимости термоядерного разоружения к самому разоружению на началах равновесия сил между Варшавским договором и НАТО, что разрядило бы международную обстановку и дало бы возможность Кремлю перебросить освободившиеся от прожорливой военной машины средства на поднятие советской экономики.

5. Прекратить субсидирование международного революционно-террористического движения и содержание на советском бюджете коммунистических режимов в странах Азии, Африки и Латинской Америки, направив эти средства на подъем полунисенского материального уровня жизни советских людей.

Таковы были узловые проблемы, решения которых как раз и ожидали от Андропова, сосредоточившего в своих руках всю полноту верховной власти — партийной (генсек), государственной (председатель Президиума Верховного Совета), военной (председатель Совета обороны).

Ожидания не оправдались. Выяснилось, что „рожденный ползать летать не может”.

Каждый генсек начинал свою эру с формирования высших партийных органов из кадров, им самим подобранных и выдвинутых. Андропову этого не дали сделать. Андропову целиком навязали тот аппарат власти, вплоть до технических работников, при помощи которых правил Брежнев (происходившие перемещения брежневцев с одного места на другое никакого значения не имели). В области экономической политики точно подтвердились слова самого Андропова, которые он произнес, принимая пост генсека на ноябрьском пленуме ЦК 1982 г.: „В общем, товарищи, в народном хозяйстве много назревших задач. У меня, разумеется, нет готовых рецептов на их решение”. („Правда”, 23.11.1982 г.).

И действительно, прошел целый год, а воз и ныне там.

Вместо коренных реформ обанкротившейся экономической системы — умножили количество повторяющих друг друга пустопорожних резолюций, бесконечно подчеркивая излюбленный термин партаппаратчиков: „Совершенствовать!” „Совершенствовать хозяйственные кадры”, „Совершенствовать хозяйственное планирование”, „Совершенствовать хозяйственный механизм”, а теперь даже пишут „совершенствовать развитой социализм”. Партаппаратчики никак, видимо, не могут понять, что дело не в „совершенствовании” (совершеннее и абсолютнее бюрократии, чем советская, в мире не было и нет), а дело в ф у н к ц и о н и р о в а н и и советского хозяйственного организма. Этот организм плохо функционирует, потому что он болен. Точный диагноз этой болезни поставил еще Ленин: принудительный труд нерентабелен, ибо у труженика нет личной материальной заинтересованности. Поэтому Ленин и перешел от „военного коммунизма” к нэпу.

Андропов не захотел и не сумел последовать примеру своего учителя: перейти от военно-полицейского социализма, названного „развитым социализмом”, к новому нэпу, чтобы хозяйственный механизм не совершенствовался бесконечно, а функционировал нормально, как он функционировал при нэпе. Ведь первый и последний кризис перепроизводства хлеба в СССР был при нэпе, когда советское правительство не знало куда вывозить излишки русского хлеба. А пришел Сталин, ввел колхозы — и с тех пор у

нас другой кризис: перманентный кризис недопроизводства хлеба, масла, мяса, овошей, фруктов... Всего не перечислишь, ибо легче перечислить, что есть, чем то, чего нет!

Даже в той области, в которой казалось, что Андропову как полицейскому и карты в руки — в области борьбы с коррупцией — Андропов потерпел всем очевидное уже поражение. Да это и понятно. С коррупцией можно бороться, если она частное и спорадическое явление, но когда вся система по вертикали и горизонтали пронизана ею, то никакая борьба тут не поможет. Именно так обстоит дело с советской коррупцией. Поэтому тот, кто в советских условиях берется ликвидировать коррупцию, — по существу объявляет войну самой системе. Систему же возглавляет партийная бюрократия, многочисленные привилегии которой — та же коррупция, но только легализованная самой бюрократией, то есть партаппаратом. Андропов пришел к власти в обход партии, опираясь на армию и КГБ. Но править страной можно, лишь опираясь на партию. И эта партия успешно саботирует его борьбу с наследством Брежнева.

Только в одном преуспел Андропов: продолжая курс на сверхвооружение для удержания достигнутого превосходства советских вооруженных сил над всеми странами НАТО, или еще точнее — над всем остальным миром, включая Японию и Китай, Андропов накалил международную атмосферу до предела. И это тоже понятно. Силы, которые привели его к власти — армия и КГБ — полны решимости не только удерживать свое превосходство, но и продолжать политику советской глобальной экспансии, а для этого нужно вооружение, вооружение и вооружение. (...)

Андропов вступил во второй год своего правления физически больным и политически безуспешным лидером. За кулисами, вероятно, уже плетутся нити интриг и формируются враждующие группы партийных бояр в борьбе за андроповское наследство...

*

Эта и две последующие статьи в данном квартальном выпуске „Посева” печатаются с некоторыми сокращениями. Цель сокращений — из-за ограниченности места избежать повторений одних и тех же фактов и мыслей. — Р е д.

Черненко — это Брежнев сегодня

А. АВТОРХАНОВ

Ироническое замечание Николая I, что Рос- сий правит не император, а столоначальник, стало былью наших дней: во главе великой советской империи стал классический столо- начальник — Константин Устинович Чернен- ко. Однако столоначальник столоначальнику рознь. Мы знаем, что у Сталина более четве- ри века столоначальником был пресловутый Поскребышев, перед которым дрожали даже члены Политбюро, но тому едва ли приходи- ла в голову мысль, что он когда-нибудь зай- мет кресло Сталина. А вот Черненко тоже ра- ботал более четверти века столоначальником Брежнева, из них 18 лет, когда Брежнев был генсеком. Работал интенсивно, усердно, лояльно, как и Поскребышев, но никогда не забывал конечной цели своей карьеры: ког- да-нибудь занять трон своего повелителя. Этот трон ему полагался, по всем внутри- партаппаратным законам, еще 15 месяцев то- му назад, когда умер Брежнев, но оберче- кист Андропов, опираясь на чекистский кор- пус партии, опередил его.

По своему образовательному цензу Чер- ненко занимает последнее место в Политбю- ро — он окончил только среднюю школу, что же касается других школ, которые, по утверждению казенных биографий, он окон- чил, то тут речь идет об известной практике улучшения биографий руководящих партий- ных кадров еще во времена Сталина: одним сочиняли „пролетарское происхождение“, если они происходили из семей чиновников (типичные примеры: Маленков, Булганин, Брежнев, тот же Андропов), другим вручали дипломы высших школ по общественным наукам, которые они не кончали. Так полу- чил диплом Кишиневского пединститута и Черненко, работая заведующим отделом пропаганды и агитации ЦК партии Молдавии, где первым секретарем ЦК был Л. Брежнев.

Сказанным я не хочу присоединиться к хо- ру западных публицистов, которые назы- вают Черненко бесцветным, серым функцио- нером. Черненко принадлежит к тому типу людей, которых американцы называют „селфмейдмен“ — человек, обязанный всем самому себе. В Советском Союзе есть одна уникальная наука, о которой нет даже упо- минания в „классических“ трудах по исто- рии КПСС. Наука эта называется „партийное строительство“. Этим неуклюжим выраже-

нием названа ленинская наука и искусство — как totalmente и тоталитарно руководить пар- тией, государством и народом. Вот этой нау- ке Черненко учился более 50 лет внутри партаппарата, начиная с секретаря первичной парторганизации и кончая ЦК КПСС. Причем поразительно, что за всю эту полувекую деятельность он всегда находился на вторых ролях, даже тогда, когда работал в низовом партаппарате, но зато каждый его новый на- чальник убеждался, что на вторых ролях Черненко просто незаменим именно как усердный службист и скрупулезный испол- нитель.

Самый нескромный из лидеров больше- визма — Сталин однажды выразился, что „скромность украшает большевика“. Это из- речение Сталина Черненко, вероятно, принял к руководству, ибо все известные высказы- вания о нем говорят о его исключительной внешней скромности. С такими личными ка- чествами в логове партийных волокодав с их законом „естественного отбора“, когда сильные съедают слабых, Черненко остался бы вечным столоначальником, если бы слу- чайно дороги Черненко и Брежнева не скре- стились в Кишиневе в 1950 г. Вот с этих пор Черненко — неизменный спутник и „второе Я“ Брежнева.

Эту встречу двух партаппаратчиков сегод- ня уже можно назвать исторической. Психоло- гически они разные типы, в отношении ор- ганизаторских талантов они дополняли друг друга. В быту Брежнев был мешанин, живе- люб с повадками советского „плэйбоя“, осо- бенно с тех пор, как он стал генсеком. Чер- ненко, наоборот, был сухим педантом и, по выражению Брежнева, „беспокойным“ рабо- тягой, но, сделавшись начальником „внутрен- него кабинета“ Брежнева, он работал за дво- их — за себя и за Брежнева. Благодарный Брежнев ответил взаимностью, назначив его секретарем ЦК, членом Политбюро, да еще явно метил его в свои наследники. У Чернен- ко было и другое качество, нужное генсеку, но которого часто был лишен сам Бреж- нев — дар теоретического анализа и обобще- ния партийного опыта по руководству пар- тией и государством.

В связи с характеристикой Черненко мне кажется, что будет кстати, если я напомним, что писал о Черненко за пять лет до смерти

Брежнев, когда на ноябрьском пленуме ЦК (1978 г.) Брежнев ввел его в состав членов Политбюро. Вот это место:

„Если это будет зависеть от воли Брежнева, то его наследником и должен быть Черненко, который сделал беспрецедентный в истории партии взлет карьеры в столь короткий срок — за неполных три года он стал из личного секретаря Брежнева сначала секретарем ЦК, потом кандидатом в члены Политбюро, теперь членом Политбюро... Для такой стремительной карьеры, кроме помощи Брежнева (впрочем, помощь была взаимная), надо было иметь нечто и свое личное — талант организатора, комбинатора, мастера власти плюс то, что на партийном языке называется „теоретической подкованностью“. В отношении первых качеств он счастливо дополняет своего патрона, в отношении партийной теории он превосходит Суслова (это почувствует каждый, кто сравнит начетничество в произведениях Суслова с творческой жилкой в произведениях Черненко о партийном строительстве).

Однако все сказанное совсем не означает, что вопрос о наследнике Брежнева уже решен положительно и в один прекрасный день Черненко займет кресло генсека. Совсем нет. Остаток пути к вершине власти у Черненко более крутой и потому более опасный”.

В заключение я добавил:

„...неожиданным выдвижением своего протеже на вторую роль после себя Брежнев провоцирует обиденных соперников Черненко — и законных претендентов на кремлевский престол — на интриги, подвохи и продолжение глухой борьбы не только против Черненко, но и против самого себя”. („Сила и бессилие Брежнева”, 1979, сс. 180—181, изд. „Посев”).

У всех на памяти, как эти интриги и подвохи захлестнули власть генсека Брежнева, особенно в последние месяцы его жизни, когда он, ввиду тяжелой болезни, потерял контроль над аппаратом власти, а вопрос о его наследнике стал актуальным. Как раз в это время враги Черненко объединились вокруг Андропова, чтобы предупредить приход ко власти Черненко. Заодно чекисты взялись за дискредитацию наиболее преданных Брежневу сотрудников, более того, за дискредитацию самого Брежнева — дело его дочери Галины, убийство его шурина Цвигуна, создание уголовных дел на министров и на его личных друзей Щелокова, Медунова и других, оскорбительная пародия с явным намеком на „писателя” Брежнева в ленинградском журнале „Нева”. Все это только верхушка айсберга, под которым чекисты решили утопить не обреченного на смерть Брежнева, а „кронпринца” Черненко.

Брежнев еще не умер, но чекисты начали обрабатывать западное общественное мнение, конечно, втихую и доверительно: наследником Брежнева будет не высокочка Черненко, а „интеллектуал, либерал, реформатор” с „прозападным уклоном” — Юрий Андропов! Насчет „либерала” и „реформатора” оказалось обычным чекистским трюком, а насчет будущего наследника Брежнева все подтвердилось. Опираясь на КГБ и армию, Андропов захватил власть. Партаппарат молча признал свое поражение и трусливо выжидал дальнейшего развития событий.

Очень скоро выяснилась и программа „либерала” и „реформатора” Андропова, которую можно было бы охарактеризовать в нескольких словах: „во всех областях жизни закрутить гайки до предела”. Что же касается объявленной им борьбы против коррупции, должно быть очень популярной в народе, то и она на деле обернулась против него самого. И это вполне естественно. Кто в советских условиях объявляет войну коррупции, тот по существу объявляет войну всей советской системе властвованию, тотально пронизанной коррупцией снизу доверху. В нынешнее время такую войну не мог бы выиграть не только Андропов, сомнительно, выиграл бы ее сам Сталин без новой ежовщины.

Катастрофическим для Советского Союза оказался и внешнеполитический курс Андропова. В отличие от своего предшественника, который сверхвооружение советской армии умел ловко маскировать политической „разрядки”, Андропов повел глобальное агрессивное наступление против США и их союзников по НАТО, открыто угрожая, что если американцы в ответ на советские ракеты СС—20, нацеленные на Европу, привезут сюда свои „Першинги 2” и „крылатые ракеты”, то СССР ответит грозными контрмерами и откажется от дальнейших переговоров в Женеве в отношении как стратегических ракет, так и ракет средней дальности. Одновременно Андропов развернул в Европе не только так называемое „движение за мир” против Америки, искусственно разжигая психоз страха перед атомной катастрофой, которую якобы готовят США, больше того, Андропов начал шантажировать европейских членов НАТО, чтобы они отмежевались от США и не допустили размещения американских ракет на своих территориях. Однако Андропов своими угрозами достиг противоположных целей: европейские члены НАТО

именно из-за страха перед СССР сплотились вокруг Америки, и американские ракеты размещены в Европе. Это было самое большое поражение советских милитаристов, спровоцированное их верховноглавнокомандующим, полицейским генералом Андроповым.

Какая же будет внутренняя и внешняя политика нового генсека Черненко?

Я пишу эти строки через три дня после назначения генсеком Черненко. Поэтому очень рано и рискованно отважиться на какой-нибудь удовлетворительный прогноз. Однако одно кажется мне весьма вероятным: переходное правление Черненко будет не продолжением курса Андропова, а возвращением к режиму Брежнева. Это Брежнев превратил Советский Союз в атомно-ракетную сверхдержаву. Это он, опираясь на КГБ и советскую дипломатию, создал дюжину новых марксистских государств в Третьем мире, а еще большому числу стран в том же Третьем мире сумел навязать просоветскую и антиамериканскую политику. Это он, лицемерно проповедуя „существование” и „разрядку”, выкачивал у западной буржуазии капитал, технику и технологию, чтобы еще эффективнее форсировать советскую программу вооружений не только для себя, но и для экспорта в страны Третьего мира, обогнав в этом даже Америку.

Во внутрипартийной политике Брежнев выдвинул популярный среди гигантской высшей и средней партийной и государственной бюрократии лозунг: „Бережно относиться к кадрам”, то есть держать их на насиженных местах пожизненно и не посягать на их узаконенные или ими присваиваемые привилегии и на их образ жизни. В разработке такой политики Черненко был первым советником Брежнева. Однако Черненко, в отличие от своего предшественника, натура не волевая и не вождистская, что может сделать его не хозяином, а слугой Политбюро. В этом я вижу и причину, почему соревнующиеся партийные бояре, а также армия и КГБ, легко сошлись на его кандидатуре в качестве генсека. Причем Черненко знает, что верховная власть в Советском Союзе держится не давно обанкротившимися идеями партии и не волею народа, а опирается на свою материальную базу — армию и на свою вездесущую и бесчеловечную террористическую машину — КГБ. Поэтому старая формула „треугольника” верховной власти — „партаппарат, полиция и армия” остается в

СССР и сейчас, хотя партаппаратчики дали реванш чекистам за свое поражение в ноябре 1982 г. и вернули себе руководящую роль в этом „треугольнике”.

(...) Андропов явно толкал мир к катастрофе. Черненко должен выправить положение, руководствуясь тактико-стратегическим заветом Ленина, который наказал своим ученикам:

„Связывать себе наперед руки, говорить открыто врагу, который сейчас вооружен лучше нас, будем ли мы воевать с ним и когда, есть глупость, а не революционность. Принимать бой, когда это заведомо выгодно неприятелю, а не нам, есть преступление, и нигде не годны такие политики..., которые не сумеют проделать „лабиринты”, чтобы уклониться от заведомо невыгодного сражения”. (Ленин, Соч., 4-е изд., т. 31, с. 58).

Мне сдается, что, неуклонно продолжая безопасную Советскому Союзу политику глобальной революционной экспансии в Третьем мире, новое коллективное руководство будет вести со странами НАТО и в первую очередь с Америкой указанную выше ленинскую политику „лабиринтов, соглашательства, компромиссов”, но только до тех пор, пока Советский Союз не почувствует себя достаточно сильным и безнаказанным, чтобы начать новую фазу своей извечной агрессивной политики.

К сожалению, в Кремле все еще не поняли, что мы живем не во времена Ленина, который верил, что через мировую войну можно идти к мировой революции. Кто сегодня в мировой политике руководствуется учением Ленина, тот держит курс на развязку мировой войны между коммунизмом и демократией под тем же ленинским лозунгом „кто кого”. Но так как мы живем в атомный век, то после атомной войны будет не ленинская мировая революция, а гибель всего человечества.

АВТОРХАНОВ Абдурахман

Историк, один из крупнейших знатоков „кухни” советской партийной власти и прекрасный аналитик советской действительности. Со времени войны, за границей он выпустил десять книг, первые — под псевдонимом А. Ураглов. Хотя большинство книг Авторханова — серьезные научные исследования, он пишет настолько живым языком, что они читаются исключительно легко. На нашем складе сейчас — 5 самых известных и популярных его книг.

Назад к Брежневу

Н. РУТЫЧ

(...)

Брежневская „разрядка” и „существование” за последние полтора андроповских года отошли на второй план, и, возвращаясь к ним, Черненко снова пытается завлечь западных руководителей на путь одностороннего „детанта”. Повторяя в остальном старые обещания вроде „выполнения продовольственной программы” (по-видимому, подразумевая закупки зерна в США), Черненко на последнем, внеочередном пленуме ЦК ясно дал понять, что для нового возглавления КПСС было бы крайне желательным нечто подобное брежневским „Хельсинкам”, где не задавались бы вопросы ни о вторжении в Афганистан, ни о давлении на Польшу.

Этой, взятой с места в карьер погоней за видимостью миролюбия на Западе, довольно наивно прикрываются опасения за положение внутри страны, в оценке которого, судя по докладу Черненко на июньском пленуме 1983 г., он вполне сходит с Андроповым. Необходимо отметить, что и теперь, на внеочередном пленуме ЦК, Черненко подчеркнул значение своего июньского доклада, напомнив о нем и придав ему характер остающейся в силе директивы. Поэтому, как нам кажется, следует вспомнить об этом докладе, раскрывающем опасения и страх руководства КПСС перед сопротивлением, которое оказывает ему и народ, и интеллигенция.

Тогда, в июне 1983 г., Черненко впервые признал, что пропаганда „противника” вытесняет пропагандно-идеологическую работу, проводимую КПСС. Жалуясь на „суший разбой в эфире”, сокрушаясь, что „мы имеем дело с попытками организовать против нас настоящую информационно-пропагандистскую интервенцию”, Черненко говорил о необходимости развернуть „контрпропагандную работу” (выделено в „Правде”, 15. 6. 1983 г.).

Такие выражения, как „контрнаступление”, „контрпропаганда”, являющиеся признанием того, что наступление какого-то противника имело успех и привело к вторжению, против которого и требуется развернуть контрнаступление. Черненко дал совершенно конкретные указания об этом контрнаступлении „внутри страны”: „Партийные комитеты должны ясно представлять: что, в

какой форме и по каким каналам пытается проташить к нам противник...” Черненко указал, что нельзя оставлять без „партийной оценки” и действия тех лиц, которые „сознательно или несознательно... поют с чужого голоса, распространяя всякого рода сплетни и слухи”.

Кто же эти сознательные и несознательные противники? На этот вопрос Черненко ответил осторожно и уклончиво, лишь указывая, в частности, что это противники партийного господства, которые, поддерживая религиозность, стремятся „придать ей антисоветскую, националистическую направленность”. То, что Черненко говорил о националистической направленности, — более чем характерно. Ведь в самом деле, на фоне нашего исторического прошлого сегодняшний рост национально-государственного сознания неразрывно связан с духовным присутствием русской православной Церкви.

Как справедливо отмечал на страницах „Посева” Д. Поспеловский, — „Трудно сказать, что появилось сначала: обращение к христианству у очень многих предшествовало развитию интереса к собственной истории, к собственной культуре, открытие того, что эта культура — немыслима и невозможна без той Церкви, которой она окармлилась” („Посев”, декабрь 1978 г.).

Нужно ли, после приведенных выше признаний Черненко, говорить еще раз, что ему достаточно известен бурный рост в стране интереса и к истории Гражданской войны, и к периоду Думской Монархии и к предстоящему тысячелетию крещения Руси? Достаточно указать, что в руководящей статье-докладе секретаря Отделения истории АН СССР Тихвинского („О задачах исторической науки по реализации решений июньского пленума ЦК КПСС”, „Вопросы истории” № 1, 1984 г.) подчеркивается, что „речь идет об усилении идеологической партийно-воспитательной функции исторической науки”. В связи с этой партийной „функцией” академику Тихвинскому „...хотелось бы обратить, например, внимание на близящееся тысячелетие принятия древней Русью христианства... Необходима своевременная подготовка научных трудов, которые бы и объективно осветили само событие и аргументирован-

но опровергли его ложные трактовки нашими идейными противниками”.

В связи же с повышенным интересом молодежи к эпохе Гражданской войны и поисками правдивых материалов о ней, согласно академику Тихвинскому, „...приобретает важное значение изучение враждебных революций сил, интервенции, внутренней контрреволюции”.

Добавим, что в порядке выполнения директивы XXVI съезда о необходимости закончить „с отходом от четкой, классовой оценки отдельных исторических событий и фигур” издается, например, в спешном порядке „Энциклопедия гражданской войны”, где нет больше ни слова ни о репрессиях, ни о посмертных реабилитациях. Именно такая Энциклопедия, для справок агитаторам и пропагандистам, должна теперь подменить даже те крохи исторической правды, которые были брошены после XX съезда. Приклеив ярлык „психологической войны” к любой попытке восстановления исторической правды, Черненко в 1983 г. показал, что идеологическая деятельность КПСС будет по-прежнему покрыта догматической чешуей, а историческая наука останется партийной „функцией”.

Очевидный страх перед прежде всего национально-либеральной оппозицией и ее глупой, действительно почвенной связью с народом заставляет Черненко идти на признание явлений, с которыми руководство КПСС бороться не может. Против них оно может бороться лишь формальными запретами или как крайнюю меру применить старый метод запугивания.

Среди таких явлений у Черненко „вызывает беспокойство, что в некоторых произведениях допускаются отступления от исторической правды, например, в оценке коллективизации, проскальзывают ‘богоискательские’ мотивы, идеализация патриархальщины”. Тогда же, на июньском пленуме, были высказаны опасения, что те же процессы, через которые прошла Польша, могут возникнуть в СССР.

Что же будет противопоставлять этому руководство КПСС, с чем оно намеревается, по выражению Черненко, перейти к контрпропаганде?

Все с тем же гибридом, все с той же амальгамой национального патриотизма с пресловутым пролетарским интернационализмом. „Надо добиваться, — требовал Черненко в своем докладе, — органического соединения

патриотического и интернационалистического воспитания...” Но не забыл ли Черненко, что мы не в октябре 1941 г. и что, слава Богу, никакого Гитлера (политика которого так помогла Сталину в эксплуатации русско-го национального чувства) больше нет и не предвидится?

Андропов и не пытался искать выхода из этого тупика, полагаясь на действия полицейского аппарата и почти не считаясь с „дектантом”. Но он не смог окружить себя достаточным количеством молодых, фанатично настроенных выдвиженцев из этого аппарата, для которых забота о своем будущем не ограничивалась бы ближайшими годами. Короче — в его распоряжении не оказалось достаточного количества ни слепых исполнителей, ни партийных идеалистов, способных снова осуществить полицейскую диктатуру, наподобие той, создание которой было завершено на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) в 1937 году.

В итоге болезни и смерти Андропова власть вернулась к тому большинству, которое, живя в „номенклатурных” условиях, думает лишь, как бы прожить в благополучии. Но оно так же больше всего боится идей и идеалов, связанных с национально-государственным сознанием и духовным возрождением страны.

Г Р А Н И

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВА, НАУКИ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Читайте в № 130

ВОСПОМИНАНИЯ. ДОКУМЕНТЫ

Н. РУТЫЧ — Февраль 1917

А. И. ГУЧКОВ — Письмо ген. Д. В. Филатьеву

Н. В. САВИЧ — Воспоминания. Часть III. Февраль
А. В. ТЫРКОВА-ВИЛЬЯМС — Из воспоминаний о
1917 году

Сергей ЛУЧАНИНОВ — Из воспоминаний офицера
а-гв. Петроградского полка

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Альберт ОПУЛЬСКИЙ — Николай Семенович Лесков

ПУБЛИЦИСТИКА

М. С. БЕРНШТАМ — Марксизм и контроль рождаемости
в СССР

БИБЛИОГРАФИЯ

Александр Бахрах — На берегах Сены-Леты

Влад. Сава — О библиографии века и биографии души

Ольга Селазкова — О «Бронзовом веке»

Мирослав Гроссен — Владимир Солоухин в Цюрихе

Кучер на облучке

А. РЯДНОВ

Биография нового генерального секретаря ЦК КПСС плохо известна жителям Советского Союза. Люди знают только, что Черненко долгие годы был чем-то вроде личного секретаря и советника Брежнева, которого Брежнев тянул вслед за собой по всем ступенькам партийной карьеры, пока не втащил в Политбюро ЦК КПСС. Однако в биографии Черненко есть белые пятна и явно смазанные места, вряд ли случайные.

Нигде четко не говорится, какие посты и когда Черненко занимал в конце 30-х годов. Из его биографических данных, опубликованных в газетах 14 февраля 1984 г. или в ежегодниках БСЭ за 1977 и 1981 гг., известно, что в 1941 году Черненко стал секретарем Красноярского крайкома КПСС. Но откуда неясно, чем занимался Черненко в разгар сталинских чисток.

Существует подозрение, что в конце 30-х годов Черненко работал в Днепропетровске на должности заместителя начальника отдела кадров областного управления НКВД и именно в эти годы подружился с Брежневым, бывшим тогда вторым секретарем Днепропетровского обкома*. Фамилия Черненко на этой должности упоминается в брошюре „Ежовщина“, вышедшей на Западе еще в 1958 г., когда имя Черненко было еще никому не известно. В этой брошюре, подписанной псевдонимом А. Днепровец, рассказывается о расстрелах, происходивших по ночам в гараже НКВД.

В гараж никто не допускался, кроме нескольких членов НКВД, двух шоферов и дежурного по гаражу. Прямо из „черного ворона“ приговоренных к расстрелу одного за другим вытаскивали в секцию для мойки машин со связанными руками и с резиновой грушей во рту. Их расстреливали в упор из мелкокалиберных винтовок. После расстрела дежурный смывал кровь шлангом, и наутро никому в голову не могло прийти, что происходило в гараже ночью.

Эти расстрелы работники НКВД называли „свадьбами“ и участие в них было добровольным. Энкаведисты были пьяны или же находились под действием кокаина. Убитых

сваливали на грузовик и, накрыв брезентом, отвозили на местное кладбище.

А. Днепровец наряду с Черненко перечисляет еще несколько фамилий. Большинство энкаведистов, участников днепропетровских расстрелов, потом сами погибли в сталинской мясорубке. Инициалов в брошюре „Ежовщина“ не приводится, поэтому нет прямых доказательств, что тогдашний заместитель начальника отдела кадров днепропетровского НКВД и нынешний Генеральный секретарь ЦК КПСС — одно и то же лицо. Однако на это указывает ряд косвенных обстоятельств.

1. Черненко в начале 30-х годов служил в пограничных войсках, то есть в войсках НКВД, был секретарем партийной организации. Из НКВД в 30-е годы так просто не отпускали.

2. В качестве секретаря Красноярского крайкома с 1941 г. Черненко „курировал“ многочисленные лагеря краевого ГУЛага. Руководителя без тесной связи с органами на такое место поставить не могли.

3. 21 ноября 1972 г. Черненко подписал в „Правде“ некролог бывшему первому секретарю Днепропетровского обкома Задонченко. Этот некролог подписали только те, кто работал вместе с Задонченко на разных этапах его партийной карьеры. Единственным местом соприкосновения Задонченко с Черненко мог быть Днепропетровск. Именно там, в заключительный период чисток, Задонченко стал первым секретарем обкома, а Брежнев — вторым.

4. Последние 6—8 лет жизни Брежнева Черненко неотступно следовал за ним во все поездки по стране. Единственным исключением был Днепропетровск.

*

Война застала Черненко на посту секретаря (не первого) Красноярского крайкома. 30-летний борец за дело Ленина-Сталина на фронт не пошел. В 1943—45 гг., когда страна истекала кровью, Черненко учился в Высшей партийной школе в Москве. После окончания ее три года работал секретарем Пензенского обкома. В 1948 г., вместе со своим партийным дружкой по Пензенской области

* См. статью Михаила Агурского „Кто такой Черненко?“ („Посев“ № 7, 1979 г.)

С. Трапезниковым, переехал в Кишинев на должность заведующего отделом пропаганды и агитации ЦК компартии Молдавии. Фактически это было понижение. То ли Черненко не справился с работой, то ли очень уж хотел уйти на „чистую” идеологическую должность.

Так бы и гнить Черненко на этой малозаметной должности, но в 1950 г. первым секретарем молдавского ЦК становится Брежнев. Два года правления Брежнева в Молдавии были отмечены, по воспоминаниям очевидцев, разгулом веселья и коррупции на республиканских верхах. Уже здесь ярко проявился брежневский принцип: живи сам и давай жить другому партбюрократу. Брежнев собирает вокруг себя группу приятелей-собутыльников, лично ему обязанных прошлой и дальнейшей карьерой, — Щелоков, Цвигун, Черненко, Трапезников, Голиков, Бодюл. Все они потом оказываются в Москве.

С 1956 г., когда Брежнев стал секретарем ЦК КПСС, он начинает стягивать в аппарат ЦК своих людей. Переезжают в Москву Черненко и Трапезников. Когда в 1960 г. Брежнев становится председателем Президиума Верховного совета СССР, Черненко заведует его секретариатом. В 1965 г. Черненко вновь возвращается в аппарат ЦК КПСС: новый генсек Брежнев поручает ему заведовать малозаметным, но крайне важным общим отделом ЦК. Этот отдел, по сути, является отделом кадров при генсеке, через общий отдел ЦК „проходят” все первые и вторые секретари всех республик и областей страны. Общий отдел ЦК осуществляет связь между партией и КГБ, то есть кадровый контроль за партийными номенклатурщиками. Это еще более подтверждает связь Черненко с органами.

„Отделом кадров” ЦК КПСС Черненко командовал почти 18 лет, до 1983 года. За долгие годы совместной работы с Брежневым он становится его доверенным секретарем и советником, его правой рукой во всех делах и планах. За это Брежнев упорно выдвигает вверх своего ставленника и делает его фактически своим наследником. В 1976 г. Черненко становится секретарем ЦК КПСС (оставаясь при этом начальником „отдела кадров” ЦК), в 1977 г. — кандидатом в члены Политбюро, а в 1978 г. — членом Политбюро. К моменту смерти Брежнева в ноябре 1982 г. Черненко считался главным кандидатом на пост генсека. Одна-

ко восхождения на партийный трон не получилось: большинство Политбюро, под негласным давлением КГБ и армии, выдвинуло Андропова. Видимо, не последним доводом в пользу такого решения был тот размах разложения и коррупции, который охватил всю днепропетровско-молдавскую мафию Брежнева, включая его собственную семью. Черненко же был как бы „центральным защитником” брежневской команды.

Андропов за 15 месяцев своего правления успел основательно „почистить” днепропетровско-молдавскую мафию. Еще при жизни Брежнева при весьма загадочных обстоятельствах умер (покончил с собой?) заместитель Андропова и шурин Брежнева С. Цвигун. Уже в январе 1983 г. снят с поста министра внутренних дел СССР близкий друг Брежнева Н. Щелоков: обнаглевший спекулянт иностранными автомашинами выведен из ЦК КПСС, и несколько месяцев ходили слухи, что его будут судить; жена Щелокова покончила с собой, а сына изгнали из ЦК ВЛКСМ. Заместитель Щелокова Ю. Чурбанов, вместе со своей женой Галиной Чурбановой-Брежневой, канули в безвестность. Куда-то исчез и сын Брежнева Юрий, ходили слухи, что его тихо сняли с должности первого заместителя министра внешней торговли и отправили в провинцию. Выведен из ЦК КПСС протже Брежнева С. Медунов, первый секретарь Краснодарского крайкома, долгие годы доивший крупными взятками сначала дельцов Ялты, а потом Сочи.

Существенная дебрежневизация произошла и в аппарате ЦК. Заведующий отделом пропаганды Е. Тяжелников отправлен в Румынию. Отправлен на пенсию многолетний зав. отделом науки и учебных заведений С. Трапезников. (Еще в 1968 г. академик А. Д. Сахаров дал ему убийственную характеристику*. Может быть, лучшей оценкой этому другу Брежнева и Черненко служит то обстоятельство, что за 18 лет его начальствования над советской наукой ученые, пользуясь правом тайного голосования, и несмотря на очень сильное давление, так и не избрали Трапезникова академиком.) Отправлен на пенсию зав. делами ЦК КПСС „днепропетровцев” Г. Павлов. Исчезли с политической авансцены заместитель Черненко по общему отделу ЦК К. Боголюбов, по-

* См. А. Д. Сахаров, „Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе”, изд. „Посев”, 1968 г., стр. 25.

мошники бывшего генсека А. Блатов, В. Голиков и Г. Цуканов.

Андропов успел пополнить Секретариат ЦК КПСС своими сторонниками Романовым, Рыжковым, Лигачевым, а Политбюро ЦК КПСС — Соломенцевым и Воротниковым, явно обиженными Брежневым (а следовательно, и Черненко). Во главе опорных организаций — КГБ и МВД — встали тоже люди андроповской выучки — Чебриков и Федорчук.

Возникает вопрос: почему же при явном преобладании в Политбюро и Секретариате ЦК андроповской группы генсеком стал Черненко? Очевидно, для повторного „восстания” против него в Политбюро уже не было единого контркандидата. Романов — ленинградец, носит неподходящую фамилию и не отличается большим умом. Горбачев, которого Андропов, по выводам иностранных корреспондентов, начал готовить в кронпринцы, по кремлевским меркам слишком молод (ему 53 года) и уже одним этим опасен для большинства членов Политбюро, средний возраст которого никак не спускается ниже 68 лет. Пусть уж лучше во главе будет сугубый аппаратчик Черненко. И по возрасту, и по привычной осторожности он будет „бережно” относиться к кадрам. А это самое главное. Показательные расстрелы при Андропове (директора „Елисеевского” гастронома в Москве, двух руководителей Всесоюзного объединения „Технопромэкспорт” Госкомитета СССР по внешним экономическим связям) чрезвычайно напугали номенклатуру.

Так и пришел К. У. Черненко, или „Кучер”, как зовут его в Москве, к высшей власти. Взобрался, наконец, на облучок и ухватил вожжи старыми натруженными руками. Как-то теперь поскачет советская карета? Да, видимо, так же, как и раньше, только еще более медленно и тряско. И какой же совбюрократ не любит медленной езды?! Лишь бы облучок был удобный, мягкий, и вожжей из рук не вырывали...

Ну, а сам кучер, кто же он, этот новый коммунистический вождь? Образцовый партбюрократ, нудно пережевывающий затруханнные цитаты из Ленина? Или бывший чекист, умело скрывающий свое боевое расстрельное прошлое? Или то и другое вместе? На подобный вопрос „человек из очереди” наверняка лишь рукой махнет: какая нам разница?! Все равно из этой кареты не выскочишь!

И в заключение небольшой эпизод, имеющий, как нам кажется, символическое значение. Когда после смерти Брежнева „андроповские мальчики” осматривали его квартиру, им бросился в глаза оригинальный сувенир — самовар из чистого золота. Это был подарок от дагестанской партийной организации. На запрос органов первый секретарь Дагестанского обкома КПСС М. Умаханов предъявил квитанцию на 40 килограммов золота (больше полумиллиона долларов по нынешним ценам), полученных для подарка. Но самое интересное выявилось при взвешивании самовара: он весил только 20 кг. Другие 20 кг пошли на второй самовар, предназначавшийся для Черненко. Умаханов не сомневался, что именно тот станет вскоре преемником Брежнева. Магомед Ильясович ошибся, и дорого заплатил за свою ошибку: его, впервые за 15 лет, „не выбрали” первым секретарем Дагестанского обкома. Нет, не за самовар, а за то, что он, как сказано в резолюции партконференции, „вмешивался в судебный разбор дел своих родственников”. А то он раньше этого не делал...

Теперь вот неясно: будут ли вознаграждены хорошие намерения и правильные (в конечном счете) расчет Магомеда Ильясовича? Восстановят ли его на законно принадлежащем ему посту? И получит ли Черненко причитающийся ему золотой самовар? Тогда, после напряженного трудового дня, наполненного борьбой за чистоту ленинских идей, Константин Устинович мог бы, сидя с женой у самовара, напевать популярный „шлягер” незабываемых 30-х годов: „У самовара я и моя Маша”...

„По с е в” участвует во внутрироссийской политической борьбе за право, свободу и справедливость. Эта задача определяет направление журнала, который:

поддерживает российское освободительное движение во всех его проявлениях;

стоит на позициях национально-государственных интересов России;

участвует в обсуждении современных и будущих проблем российского государства (политических, экономических, социальных, идеологических, духовных);

стремится к выявлению в России конструктивных сил, осознающих необходимость оздоровительных перемен во всех областях жизни страны и готовых к активному участию в их проведении.

Письма из России

Публикуя в очередной раз несколько писем из России, пришедших по адресу зарубежного центра НТС (Postbus 902, Rotterdam, NL—Nederland), мы сопровождаем их небольшим комментарием. Письма взяты из Информационного бюллетеня НТС „Встречи” № 256—257.

«Рабочие могут показать свою силу»

Первые месяцы этого года принесли много изменений не только на предприятии, где я работаю, но и в нашем городе и крае. Сейчас у нас делают попытки закрепить трудовую дисциплину на промышленных предприятиях и учреждениях, надеясь, что этим можно как-то увеличить производство и производительность труда и добросовестное отношение к работе. Но настроение рабочих и служащих определяется не давлением партийцев и их приспешников и подпевал, а чутким и заботливым отношением к простому трудовому народу, чего у нас в настоящее время нет и не будет. Это я испытываю ежедневно на собственной шкуре.

Помню, как в 1981 году все рабочие у нас с большим интересом следили за действиями польских рабочих и рабочих организаций и открыто говорили в общественных местах нашего города о смелости, выдержке и организованности поляков. И хотя телевидение, радио и печать нашей страны стремились приуменьшить и пригладить серьезные столкновения рабочих организаций с польским правительством, мы отчетливо понимали, что польские рабочие овладели многими руководящими организациями промышленности, профсоюзами и даже полностью захватили государственную власть в отдельных крупных городах, и без кровопролития...

Мы очень надеялись на победу польских рабочих, которая была так близка, так близка... Уже изо дня в день мы ждали сообщения об избрании во главу польского правительства гданьского электрика Валенсы. Но уже прошел год и все постепенно затихло, и весь интерес к польским событиям прошел. Конечно, в наш город мало правды доходило о событиях в Польше, но мы хорошо понимали, что рабочий класс может показать, на что он способен, и постоять за себя, может, при большом желании, показать свою неумную силу...

К. М.

Июнь 1983 г.

«Предпочитаем действовать через официальные организации»

По роду деятельности я теперь в основном имею дело с рабочими. В этом, кстати, я вижу большие возможности для проведения своих убеждений в жизнь, т. к. рабочие часто интересуются моим мнением о происходящих в стране и за рубежом событиях. И здесь уже от меня, от моего умения убеждать, зависит, будем ли мы иметь одинаковую точку зрения, поддержат ли меня и поверят ли мне.

Считаю очень интересным и полезным выпуск „Форума”*. Читая его, видишь, что интересно и волнует единомышленников, есть материал и для анализа.

Не со всем мои друзья и я можем согласиться. В частности, об организациях и забастовках. Вопрос не простой. Мало ли что может произойти, и уже одно слово „организация” ставит нас вне „социалистического” закона, несмотря на все принятые в этом плане международные соглашения. С забастовщиками в наших условиях тоже разговор короткий. Причем ведется он в основном словами граждан, которые говорят, что из-за бастующих отсутствуют предметы первой жизненной необходимости. И этому верят.

Пока, с учетом польского опыта особенно, мы предпочитаем действовать руками официальных организаций: через профсоюзные ячейки, печать, а также самиздат. Идет смена поколений, и некоторые мои товарищи имеют возможность в определенной мере воздействовать на ход событий общественной жизни. Я вижу именно в этом основное направление работы. Единственное, что очень сдерживает темпы, это отсутствие полезной информации. Так что приходится надеяться на зарубежное радио, счастливый случай и ваши письма.

Н.*К.

Июнь 1983 г.

* Имеется в виду предназначенное для распространения в России специальное периодическое изда-

«Неизбежны стихийные выступления»

...У людей, никак между собой не связанных, все чаще совпадают оценки положения в стране. Андропова считают фигурой временной, а его выбор — компромиссным решением. Считают, что от его прихода к власти никаких изменений к лучшему в стране ожидать не приходится. Будущее видят скорее в темных красках. Пока власть не прекратит военное вторжение в Афганистан, не перестанет вмешиваться в дела Польши, не разрешит конфликт с Китаем — она не будет сосредоточиваться на внутренних проблемах нашей страны. Допускают, что может наступить незначительное (и временное) улучшение продовольственного положения, но это не оправдывает надежд на возможность реформ. Реформы власть заменяет усилением внутреннего зажима.

Итоговая оценка прошедших месяцев: отдельные жесты власти общей картины не меняют. Положение в стране, особенно экономическое, все время ухудшается. Отсюда делают вывод, что при такой напряженной ситуации почти неизбежны стихийные выступления. Относятся к такой возможности кто — с опаской, а кто реалистично и трезво. Считают, что если уж взрыв неизбежен, то пусть он происходит под волевым контролем внутренней организации, а то все будет вновь задушено, как в Новочеркасске. Думают при этом о примере Польши и даже не исключают, что у нас возможен похожий ход событий. Такие мнения отражают не только определенные настроения, но свидетельствуют, как мне кажется, о росте политического сознания. Хотел бы еще добавить, что подобные размышления я встречал, в частности, в национально настроенных русских кругах...

С-ов

Июнь 1983 г.

«Растет тяготение к Церкви и национальным ценностям»

Тяготение к национальным ценностям России и своей истории захватывает разные круги общества. Существует даже мнение, что сильнее всего это тяготение проявляется сре-

ние НТС на тонкой бумаге — «Форум», в котором публикуются приходящие из страны письма и ответы на них. Некоторые материалы из «Форума» № 1 см. в «Посеве» № 7, 1983 г. — Ред.

ди офицерского состава армии. Встречаются священнослужители, которые глубоко патристичны и Русскую Православную Церковь считают неотъемлемой частью нации и страны. Но и тяга молодежи к Церкви часто связана с поисками именно этих ценностей прошлого. Ведь даже в проповедях она может услышать о событиях своей национальной истории. Встречаются отзывчивые молодые люди, у которых ощущается это тяготение к старине и истории, и для них подчас тот же «поп» является элементом этой старины. У них, может, и нет углубленных религиозных знаний, но, несмотря на это, они не только крестят своих детей, но и сами принимают крещение.

Общее же положение РПЦ крайне сложно и опасно, особенно из-за зависимости от политики власти. Это понимают лучшие представители РПЦ. Но, отзываясь самым резким образом о политике «лояльности» высшего церковного руководства, они сами склонны оправдывать политику малых шагов и компромиссов как единственную возможность сохранить церковную структуру в атеистическом государстве. Правда, подлинные пастыри добиваются и в рамках этих «малых шагов» результатов, о чем может, в частности, свидетельствовать рост количества молодых священников. Но есть и обратная сторона медали. Чрезмерная зависимость РПЦ от политики власти способствует распространению недоверия к священникам.

П. М.

Июль 1983 г.

От редакции

Прочитав эти четыре письма, нетрудно отметить общность настроений их авторов, озобоченных вопросом: что делать для изменения существующего в стране положения, для коренных перемен?

Сегодня этот вопрос ставится в иной обстановке, чем еще три-четыре года назад. Все более наглядно выявляющаяся неспособность руководства КПСС к оздоровительным реформам (ибо они грозили бы потерей власти), углубляющийся кризис центральной директивной экономики, опасное обострение международного положения вследствие непрекращающейся, идеологически запрограммированной коммунистической экспансии, рост недовольства такой внутренней и внешней политикой КПСС в самых разных кругах населения — вот тот фон, на котором мыслящие граждане нашей страны ищут сегодня выхода из создавшегося положения. Эти настроения дополняются надеждами на то, что какой-то выход, во всяком случае поле для конструктив-

ной деятельности, откроется в результате начавшейся смены поколений в руководстве страной (о чем пишет Н. К., автор второго письма), хотя ясно, что без организованного давления общества ничего достичь не удастся.

Мысли о необходимости действий неизбежно возвращаются к еще одному новому фактору, проявившемуся в эти годы — к опыту польской „Солидарности“, потерпевшей поражение, но не утратившей своего политического значения, и не только для Польши.

Движение польских рабочих не победило, потому что слишком маловероятна победа над коммунистическим режимом в отдельной, периферийной стране советского блока, при сохранении власти КПСС в России. Российское же общество, хотя и с надеждой следило, как пишет в первом письме К. М., за польскими событиями. Оказалось не готово к тому, чтобы их поддержать. Причин здесь много: и большие масштабы страны, и национальная раздробленность населения, и более жесткий режим, и вследствие всего этого — отсутствие 1) организованной оппозиции и 2) ее национально-идейной общности. Рассмотрим подробнее оба эти недостатка нашего освободительного движения.

1) М. К. считает, что наши рабочие способны показать свою силу. Но как это осуществить? Сказать на это в очередной раз, что нужна организация, которая обеспечит связь, распространение информации, подготовку одновременных выступлений в удобный момент на важнейших предприятиях и т. д. — это все будет правильно, но слишком абстрактно. Как такую организацию создать? Как преодолеть тот огромный психологический барьер — ощущение у человека несоизмеримости его личных усилий с поставленной гигантской задачей?

Преодолеть это можно только большой убежденностью в необходимости и а ч а т ь самому и верой в то, что такую же убежденность проявят и уже проявляют другие. Потенциал оппозиционности в нашей стране немал: при всей труднодоступности информации из страны, к нам то и дело поступают сведения о забастовках, распространении листовок, создании подпольных групп. Помочь этим людям почувствовать друг друга, увидеть, что они не одни, — одна из основных задач нашего журнала, издающегося в зарубежье для России. Возможность создания организованной оппозиции на основе такой идейной (и неполной организационной) общности, при желательности связи с координирующим центром в зарубежье — основа так называемой „молекулярной теории“, предложенной НТС. (Об одном из важных направлений деятельности подпольной организации см. помещенную в этом разделе самиздатскую статью „Строить новый Самиздат“).

Автор второго письма, Н. К., предпочитает действовать сверху через официальные организации, рассчитывая на те возможности, которые даст идущая смена поколений. Может быть, по занимаемому положению Н. К. этот путь для него более эффективен. Во всяком случае, искать и создавать себе союзников в управленческом слое, проникать в него —

составная часть деятельности оппозиции. Деятельность наших союзников в управленческом слое и в рабочей среде дополняет друг друга. А замечание Н. К., что „уже одно слово ‘организация’ ставит нас вне ‘социалистического’ закона” и что „забастовщиками в наших условиях разговор короткий”, — верно, но не значит, что без организации можно обойтись. Члены организации должны, однако, раскрывать себя лишь тогда (в частности, в связи с проведением забастовок), когда можно рассчитывать на поддержку и защиту со стороны широких масс трудящихся данного района или предприятия. До тех пор наши союзники и в „верхнем” и в „нижнем” подполье могут действовать лишь закрыто.

Особенно важна роль организованного начала в случае стихийных выступлений, о вероятности которых пишет автор третьего письма. Любые события, впрочем, состоят из сочетания организованности и стихийности. Забастовка в 1980 г. на гданьской верфи возникла стихийно, то и дело грозила сойти на нет, как хорошо видно из рассказов ее участников (см. сборник „Солидарность”, изд. „Посев”). Но из нее не родилась бы „Солидарность”, если бы в этом направлении не предпринимались организованные усилия группы людей в течении нескольких лет.

2) Четвертое письмо дает повод затронуть и вопрос национально-идейной общности — качества, столь ярко проявившегося у поляков. Этот род общности коренится в одинаковом сопереживании людьми более высоких ценностей, чем продовольственное положение, уровень жизни, стремление добиться обеспеченного существования. Недовольство отсутствием продуктов может вызвать стихийные волнения (как в Новочеркаске в 1962 г.), но такое недовольство само по себе не конструктивно. Если оно не будет ориентировано на достижение положительных целей, оно выльется в хаос. Организовать стихийные движения масс можно лишь вокруг общих для всех ценностей более высокого порядка, ради которых становятся осмысленны и терпение, и риск, и жертвы.

Такие ценности для нас, россиян, это — наша родина, наша 1100-летняя государственность, наша национальная культура. Все это из-за продолжающегося господства коммунистов находится под угрозой — теперь уже под угрозой мировой ядерной катастрофы, к которой ведет политика коммунистических вождей. Для людей верующих наши национальные ценности осмысляются еще одной, наивысшей — Богом; вера же в Бога обязует нас и бороться со злом. В российской истории православная Церковь не раз вдохновляла народ на освободительную борьбу, на защиту отечества. Сегодня Церковь в России так же несвободна, как и все наше общество, но она неотъемлемая часть его. И если сегодняшнее возглавление Церкви по тем или иным причинам неспособно возглавить борьбу, то образ Сергия Радонежского продолжает находиться в первых рядах сражающихся. А он — тоже Церковь. Поэтому, при всей неудовлетворенности компромиссной позицией сегодняшнего церковного руковод-

ства и многих священников, национально-религиозное осмысление освободительной борьбы растет, как о том свидетельствует автор последнего письма.

Наибольшая трудность здесь в том, что власть тоже в известной мере пытается играть на российских национальных чувствах, особенно в армии, выдавая себя за защитника наших национальных интересов. При этом, конечно, из всего нашего национального достояния берется внешняя оболочка, форма, а не содержание (политика „национальная по форме, со-

циалистическая по содержанию..."). Однако надо полагать, что тяготение к национальным ценностям среди офицерского состава, о чем пишет П. М., выходит за рамки, предусмотренные партией. Все это говорит о возможности и необходимости ведения освободительной работы в армии, ибо, как показывает и польский опыт, если не удастся привлечь армию на сторону освободительного движения, она останется послушным инструментом подавления в руках коммунистической верхушки...

Строить новый Самиздат

В современной дискуссии о проблемах демократического движения я хотел бы отметить несколько важных для темы моей статьи факторов:

1. Традиционное правозащитное движение в том виде, в котором оно оформилось в 60—70-е годы, претерпевает кризис.

2. Все больше авторов считает, что новые формы работы следует искать в создании подпольных организаций, в том числе и политических.

3. Вопрос о конкретных видах борьбы остается во многом открытым и проблематичным: ясности, да и просто конкретных предложений здесь мало.

4. Большинство авторов признает, что широким слоям населения и даже интеллигенции цели, задачи, методы, проблемы демократического движения попросту неизвестны.

5. Существенной проблемой является ориентация на социальные группы, с которыми сейчас можно и нужно работать. Я считаю, что по культурному и интеллектуальному уровню, а главное — по наименьшей заштампованности мышления, студенчество и вообще интеллигентная молодежь наиболее готовы к восприятию идей демократического движения.

И вот здесь-то главная проблема — где взять литературу? Как донести свободную информацию, культуру, историю, публицистику, философию?

Самиздат в том виде, в котором он существует сейчас, справиться с этой задачей, очевидно, не может. Сейчас он характеризуется следующим:

1. Размножается в основном та литература, которую хочется иметь при себе постоянно, а не литература „одного прочтения”. Предпочтение отдается также различным за-

явлениям, обращениям, протестам и т. д., они-то и считаются самым „серьезным самиздатом”. Что именно печатать — полностью определяется вкусами „издателя”.

2. Тиражи ограничиваются возможностями машинки или, если используется ксерокс или фотопечать, остаются небольшими.

3. Распространяется среди друзей и знакомых „издателя”, то есть в кругу довольно узком.

И сегодня уже ясно, что нужно *строить* новый Самиздат, то есть:

1. Люди, активно занимающиеся этим делом, должны сделать его основным и не „светиться” по возможности.

2. Нужно размножать возможно широкий круг литературы, в том числе и для „одного чтения”, в том числе и для „начинающих” (например, речь Молотова на сентябрьском пленуме ЦК очень сильно действует именно на них).

3. Самиздат должен быть нацелен на производство литературы для всех в ней нуждающихся, для людей лично и незнакомых „изготовителю”.

4. Нужны как можно большие тиражи, они во многом решают вопрос *производительности*. Высокая производительность возможна лишь при известном уровне технической базы, при наличии постоянного места (в нашем случае необходима фотомастерская).

Эти и другие черты *нового Самиздата* позволяют назвать его также *организованным Самиздатом*.

Ну а как же все-таки практически строить этот самый *новый Самиздат*?

Я опишу опыт деятельности одной группы, которая постепенно превращается в настоящее самиздатское объединение или, лучше сказать, *производственно-потребительское объединение*.

Вначале мы, несколько студентов, решили снимать на фотопленку изредка попадавшие к нам книги (в основном Тамиздат) для того, чтобы можно было прочесть самим и дать почитать друзьям. Мы выбрали фотопечать как наиболее доступное нам средство и не очень дорогое (до недавнего повышения цен). Его можно рекомендовать и из-за его универсальности, возможности снять книгу, попавшую буквально на несколько часов, возможности сохранять негативы, делиться с другими группами и т. д. Но возможны, очевидно, и другие формы.

Цель — печатать не только для себя, главным образом не для себя, — появилась у нас с самого начала. Позже мы незаметно перешли к идее печатать некоторые вещи с расчетом именно на внешнее распространение. Поначалу было особенно трудно из-за отсутствия подходящего места для фоторабот (с ним проблемы и сейчас), низкого качества печати, несовершенства аппаратуры и технологии, из-за трудностей с литературой.

Если наше дело не застопорилось, не остановилось, то обязаны мы этим тому совершенно случайному факту, что познакомились в это время с человеком, активно занимающимся традиционной диссидентской деятельностью, и через него мы время от времени получали литературу или даже негативы. Кроме того, через него же мы стали постепенно знакомиться с диссидентским движением, получили некоторую информацию о том, как вести себя на допросе, в случае ареста, обыска и т. д. Со временем мы нашли несколько подобных нашей, хотя и менее продвинувшихся в деле печати, групп молодежи. Возникли связи, само собой определилось некоторое разграничение занятий, „разделение труда”. В конце концов определилось формирование, которое я осмеливаюсь назвать *самиздатским объединением*. Сейчас оно имеет примерно следующую структуру.

1. Вышеупомянутый диссидент, который нашел для нас постоянный канал литературы, вывел нас и на некоторые читающие и печатающие группы, в том числе и в других городах. Через него же открылся канал на Запад.

2. Определилась группа, занимающаяся почти исключительно пересъемкой книг, изготовлением негативов и доставкой их печатающим людям.

3. В „печатающих и читающих” группах один-два человека, постоянно печатающих,

и не менее десяти лично знакомых им читателей. (Вообще же, книги уходят нередко дальше этих групп. А большинство отпечатанных книг ушли „на сторону” безвозвратно. Мы никогда не жалели об этом: ведь совершенно все равно, где и кто читает книгу, главное — она ходит по рукам, не лежит в столе, как у некоторых испуганных „самиздатчиков” 60-х годов.) Возможная производительность печати при более или менее приличной технологии: 2—3 человека могут за ночь легко распечатать 4 экземпляра книги объемом 400—800 стр.; тираж менее объемных вещей доходит до десятков экземпляров за ночь работы. Проблема денег (на оборудование и, главное, на фотобумагу) решается сбором в группах читателей, но, к сожалению, во многом забота о средствах по-прежнему лежит на самих „производителях”, что является серьезным препятствием к выпуску больших тиражей (от десятка и далее).

4. Сам собой выделившийся „центр” составляют наиболее активные и авторитетные ребята („наш” диссидент и представители, неформальные, конечно, от групп). Ими определяется общая „политика” объединения, здесь появляются новые идеи, устанавливаются связи, обсуждаются все насущные вопросы. У нас нет никакой директивности, „демократического централизма”, даже никаких формальных собраний центра (который не имеет четкого состава и выделяется только относительно). Все дело идет на уровне личных контактов, споров, соглашений, компромиссов. Не все даже знакомы друг с другом и вряд ли могут быть арестованы или даже „засвечены” все сразу, что обеспечивает некоторую устойчивость объединения.

5. Кроме этого, несколько человек выполняют специфические функции: некоторую оперативную работу, связь с другими городами, поддерживают каналы литературы и т. д.

Нужно сказать, что мы сами увидели в нашем деле некоторую структуру совсем недавно; сама по себе она изменяется, развивается и к какому окончательному виду придет (если успеет) — неясно.

К сегодняшнему дню итог нашей работы примерно таков: несколько десятков читателей, около десятка активных ребят, несколько десятков распечатанных книг и журналов (крупных), а еще больше — пока на негативах. Но самое, по-моему, главное — тот опыт, который мы успели приобрести и

которым *спешим* поделиться, опыт, возможно, уникальный: возможность самозарождения и развития подобных групп.

Жизненность нашего опыта доказывает тот факт, что к нам время от времени присоединяются новые группы или мы их сами создаем через личные знакомства. Некоторые из них, вероятно, могут превратиться в объединения. (Впрочем, время покажет. Становление нашего собственного объединения составило около двух лет, но это — путь от нуля, можно на порядок быстрее).

Возникают, конечно, в группе и идеи, не связанные непосредственно с Самиздатом, но пока не хватает времени и людей для их реализации. В перспективе возможно, впрочем, что часть группы переориентируется на деятельность другого рода.

А если бы удалось выйти на уровень больших тиражей (несколько десятков экземпляров), стало бы опасно распространять их вокруг себя, разумнее *целиком* отправлять их на сторону по специально отстроенному каналу. В этом, кстати, заметнее всего качественное отличие *нового Самиздата*.

Еще хочется особо отметить, что предлагаемой нами работой можно начинать заниматься даже не имея еще твердых и разносторонних политических убеждений: распространение культуры, идей и информации полезно в любом случае и не может привести к каким-либо катастрофическим последствиям, чего многие боятся.

Более того, я убежден, что в моральном аспекте просто *нельзя не заниматься Самиздатом*, поскольку нельзя в нашей стране не способствовать распространению правды. И с этим, надеюсь, согласятся все.

А согласившись, помогут. Ведь всем группам и направлениям демократического движения нужны „группы Самиздата“. А „независимые“ группы, с другой стороны, нуждаются в связи с диссидентами для получения литературы и информации различного рода (наша группа без „своего“ диссидента была бы, повторяю, немыслима), и не менее они нуждаются в связях с заинтересованными людьми среди эмиграции: нам нужны на высоком техническом уровне изготовленные негативы, нужна аппаратура для размножения негативов, нужны, наконец, деньги.

(Группы Самиздата могут работать и в рамках тех или иных форм демократического движения, например, профсоюзов, политических партий, правозащитных групп и т. д. Здесь мы этого вопроса не касаемся совсем.)

Не знаю, многих ли убедил этой статьей, но тех, кто поддерживает идею *нового Самиздата*, я призываю приложить максимум усилий к его пропаганде и организации: без этого мы так и не выберемся из тупика, в котором ныне оказался Самиздат.

А. Л.

Москва, апрель 1983 г.

Народно-Трудовой Союз российских солидаристов

Народно-Трудовой Союз российских солидаристов (НТС) существует с 1930 г. Основная идея НТС, отразившаяся в названии организации — построение свободного Российского государства, основанного не на насилии и классовой борьбе, а на выявлении народной воли, свободном труде граждан и солидарности всех слоев общества в служении общему благу. Сегодня НТС борется за отстранение КПСС от власти, устранение существующего режима и проведение в нашей стране следующих перемен:

- отказ от насаждения во всем мире „братских“ режимов и от помощи им; нормализация отношений с Западом; возвращение всех наших войск из-за границы: сохранение боеспособности армии на уровне, достаточном для отражения иностранного вмешательства в наши дела;
- обращение всех средств и усилий на разрешение внутреннего, углубляющегося кризиса во всех областях жизни;
- поднятие жизненного уровня, для чего надо: освободить огромные средства, расходуемые на ненужные нашему народу, идеологически обусловленные цели; отказаться от системы тотального планирования; ввести в экономику принципы свободного рынка, поощрять частную инициативу, заинтересованность людей в результатах своего труда;
- восстановление правды о прошлом России; устранение препятствий для развития национальных культур всех народов нашей страны; обеспечение свободы религии;
- создание открытого общества и условий для политического плюрализма; введение правовых норм регулирования общественной жизни; освобождение политических заключенных; привлечение всего населения к обсуждению дальнейших мер по оздоровлению жизни в стране; подготовка и проведение выборов в органы управления на всех уровнях.

Никто за нас нашего дела не делает. А делать все возможное, пока не поздно, нужно сейчас. На территории СССР группы НТС действуют подпольно: распространяют литературу, листовки, информацию о положении в стране, фактах сопротивления; привлекают к работе надежных людей, способствуют созданию независимой атмосферы и росту веры народа в свои силы. Между собой эти группы не связаны, но имеют связь с зарубежным центром, который обеспечивает их литературой, печатной техникой и осуществляет координацию их действий. Если невозможно установить связь с зарубежным центром, допускается вступление в НТС самоприемом. Письма в зарубежный центр НТС следует отправлять с выезжающим на Запад надежным человеком по адресу: Postbus 902, NL—Rotterdam, Nederland (Голландия)

Заявление Совета представителей СМОТ

Свободное межпрофессиональное объединение трудящихся (СМОТ) — независимый профсоюз, созданный в СССР в октябре 1978 г. Первый период деятельности СМОТ был открытым, но в результате репрессий КГБ в начале 1980-х годов профсоюз перешел на закрытую, подпольную деятельность. Публикуемое ниже заявление Совета представителей СМОТ написано как раз в этот переходный период. Оно содержит до сих пор не публиковавшуюся информацию о СМОТ и заслуживает внимания. Текст взят из составленной в 1981 г. самиздатской аннотации на Информационный бюллетень СМОТ № 21, октябрь 1981 г.; печатается по публикации Архива Самиздата Радио „Свобода“ № 2/84, АС № 5127. — Р е д.

От Совета представителей СМОТ

„Переписка с критиками. Некоторые пояснения СП СМОТ...”

„Прежде всего СП считает нужным пояснить, что в настоящий момент мы не считаем целесообразным публиковать документы, касающиеся деятельности СМОТ, а также вырабатываемых СП стратегии и тактики. Однако мы считаем возможным частично ответить на вопросы, со всех сторон обращаемые к СП, а также на критику, возникающую на страницах сам- и тамиздатской периодики.

1. Несмотря на то, что существование СМОТ неприятно как властям, так и некоторой части оппозиции, мы не собираемся прекращать работу. СМОТ существует, число его членов и групп увеличивается и, скорее всего, будет расти и в дальнейшем.

2. Три года, прошедшие с момента объявления о создании СМОТ, подтвердили, что его организационные принципы верны. Структура закрытых и полужакрытых автономных групп позволяет СМОТ выдержать любой удар властей, оставаясь в то же время легальной организацией. Напоминаем, что по советскому законодательству любая группа трудящихся имеет право создавать профсоюз со своим уставом, члены же профсоюза нигде не обязаны регистрироваться.

3. После ареста юриста Рабочей комиссии В. Кувакина редакция „Информационного бюллетеня РК СМОТ” работает анонимно и отдельно от СП СМОТ. „Информационный бюллетень” выходит и будет продолжать выходить независимо ни от чего.

4. В настоящий момент СП рекомендует новым автономным группам СМОТ не спешить с объявлением своих представителей. Мы более заинтересованы в успешной работе и организации групп, нежели в рекламе. Одни и те же действия организованных трудящихся могут вызвать различную реакцию властей в зависимости от того, производятся ли эти действия от имени СМОТ или нет. Мы считаем, что сейчас широкая огласка целе-

сообразна лишь в случае далеко зашедшей конфронтации той или другой группы СМОТ с властями.

5. Мы напоминаем, что СМОТ действует в рамках международных договоров и имеющейся в нашей стране Конституции. Группы, вставшие на путь неконституционной борьбы, из СМОТ вышли.

6. Мы с сочувствием и интересом следим за событиями в Польше и надеемся из опыта „Солидарности” извлечь полезные уроки для себя.

7. Мы благодарны всем, кто говорит и пишет об организации рабочего и профсоюзного движения в России. С особым интересом и пользой мы прочли статьи на эту тему А. Авторханова* и Е. Романова*.

8. В СССР и за рубежом получила некоторое распространение статья Г. Высотина и В. Середы „Критические заметки по поводу желаемого и действительного в 'массовом рабочем движении в СССР' ”*. В этой статье искажены некоторые, касающиеся СМОТ, факты, и мы сочли нужным ее прокомментировать.

„...Структура СМОТ практически не изменилась, но количественный состав входящих в СМОТ групп и, в особенности, персональный состав... СП — постоянно менялись”.

Действительно, вначале так и было. Впервые, это связано с репрессиями властей

* Очевидно, имеются в виду статьи, вошедшие в специальный миниатюрный выпуск „П о с е в а” о польских событиях, предназначенный для засылки в СССР по почте. В ежемесячном „П о с е в е” эти статьи напечатаны в следующих номерах: Е. Романов, „Полусвобода” — в № 10/1980; А. Авторханов, „Исторические уроки 'польской модели’ ” — в № 11/1980; Е. Романов, „Перед решением” — в № 12/1980; Глеб Высотин и Валентин Середя, „Критические заметки по поводу желаемого и действительного в 'массовом рабочем движении в СССР’ ” — в № 1/1981.

Все эти статьи были также опубликованы в соответствующих квартальных изданиях „П о с е в а”, а самиздатская статья Г. Высотина и В. Середы, кроме того, во всех трех изданиях сборника „Солидарность” (изд. „Посев”). Мы рады, что теперь можем напечатать уточнения Совета представителей СМОТ к статье Г. Высотина и В. Середы. — Р е д.

(Сквирский, Волохонский, Никитин), во-вторых, группы Баранова, Николаева и Агаповой состояли из людей, борющихся за право выезда из СССР и объединившихся на этой основе (напоминаем, что, согласно организационным принципам СМОТ, основа объединения его членов в группу может быть любая. Диапазон широк — от создания домов отдыха до организации забастовок). Группы Баранова и Николаева из СССР выехали, что можно считать их успехом. Агапова из СМОТ вышла. В-третьих, в период создания СМОТ в деятельности СП принимало участие т. н. марксистское либеральное крыло во главе с ныне уехавшим на Запад П. М. Егидесом. Крыло это состояло из П. Цапенко, Н. Розанова и В. Самойлова — все они оказались провокаторами. Цапенко был разоблачен еще до объявления о создании СМОТ, Самойлов давал показания на следствии по делу Волохонского, Розанов выступал свидетелем обвинения по делу В. Абрамкина и Ю. Гримма, тут уже под фамилией не то Красоткин, не то Красавкин*/. Естественно, все эти личности в СП более не состоят. СМОТ — не масонская ложа и не Боевая Организация партии СР, а профобъединение, вход в которое открыт. Это одна из основных наших трудностей — с одной стороны, мы действуем в рамках закона, а с другой — власти всячески препятствуют нашей деятельности, что вынуждает к некоторой закрытости. Мы нашли решение в анонимности и автономности групп.

„...Принцип „анонимности“ входящих в СМОТ групп представляется надуманным и открывающим возможности вольного обращения с количественными данными о численном составе СМОТ. Создается впечатление, что даже СП не имеет четкого представления о том, сколько же человек входит в состав СМОТ“.

Действительно, мы в настоящий момент не имеем такого четкого представления. СМОТ растет. Точный учет его членов не представляется нам особенно важным. У нас много других забот. Если этот вопрос для кого-нибудь является первостепенным, то разве что для КГБ, помогать которому мы не обязаны.

*/ Оба варианта ошибочны, мнимый Розанов на судах Абрамкина и Гримма выступал под своей подлинной фамилией — Касаткин. П. Егидес не возглавлял либеральное крыло явно, но поддерживал его. — (Примечание самиздатского составителя аннотации — Ред.)

„...Рабочая комиссия выпустила 6 номеров „Информационного бюллетеня“... Этот бюллетень содержит материалы чисто правозащитного, а точнее „самозащитного“ характера... что, несомненно, снижало интерес к ним, а людей, присматривающихся к первым шагам СМОТ, отпугивало“.

Поскольку за профсоюзную деятельность репрессируют, постольку редакция бюллетеня считает нужным предавать это огласке, и очень хорошо, что это кого-то вовремя отпугивает, т. к. мы вовсе не заинтересованы в присоединении к СМОТ людей робких.

„...В числе организаторов СМОТ оказалось некоторое количество „диссидентов“, по тем или иным причинам нигде не работающих. В состав СП вошло 8 человек (из 14 членов СП), которые к моменту вступления в СМОТ не состояли на работе... Но обыкновенный советский гражданин такого положения понять не может и не хочет. А посему, узнав, что СМОТ организован и возглавляется людьми, нигде не работающими, — „тунеядцами“, этот гражданин в СМОТ не вступит“.

Тут фактическая ошибка. В первоначальном составе СП людей, не состоящих на работе, не было. От обвинения членов СП в „тунеядстве“ вынуждены были отказаться даже власти, которые, основываясь на подобных сплетнях, пробовали предъявить обвинение членам СП Никитину и Волохонскому. Кроме того, мы считаем, что, в идеале, активисты СМОТ работать не должны, т. к. у них достаточно дел и в СМОТ. К сожалению, мы очень бедны и не можем себе этого позволить. Сейчас, как и раньше, все члены СП работают. СП сейчас состоит преимущественно из рабочих. То, что в него сейчас входят несколько т. н. „диссидентов“, вовсе не означает, что СМОТ — „диссидентская“ организация. Не считая зарубежных представителей Файнберга и Борисова, „диссидентов“ в СП сейчас всего трое: Якорева, Никитин и Волохонский. Их участие в правозащитном движении является их личным делом. Это такие же равноправные члены СП, как и все другие, за исключением того, что, учитывая специфику их положения, СП не дает им поручений, связанных с закрытостью, таких, как издание и распространение бюллетеня и т. п.

„...Неофициальное профсоюзное движение является частью демократического (или правозащитного) движения...“

Это неверно. Профсоюзное движение не является частью правозащитного. Это за-

блуждение связано, очевидно, с тем, что правозащитная деятельность является сейчас наиболее заметной частью профсоюзной, что вполне естественно, т. к. в остальном мы заняты нерекламируемой организацией.

„...Мы полагаем, что вряд ли в ближайшие годы власти позволят возродить или вновь организовать какой-либо независимый профсоюз”.

Тем не менее мы существуем и будем существовать, невзирая на неблагоприят-

ность власти и предсказания Высотина и Середы, комментировать теоретическую часть статьи которых не считаем нужным.

В заключение скажем, что мы сами недовольны деятельностью СМОТ и считаем, что можно делать больше и лучше. Все же будем продолжать, т. к. считаем, что развитие независимого профсоюзного движения — единственный бескровный выход из сложившейся в нашей стране тяжелой ситуации.

СП СМОТ”

Политическое освобождение и нравственное обновление

С. СОЛДАТОВ

Пользуясь предоставленной мне трибуной, хочу выразить свое восхищение многолетней деятельностью Народно-Трудового Союза за лучшую, более человечную Россию. По моему мнению, в деятельности Народно-Трудового Союза воплотились положительные, здоровые принципы. И эти принципы остаются — даже если не разделять некоторых идеологических и программных установок НТС.

Это, во-первых, принцип организации. Во-вторых, принцип подпольности, конспиративности. В-третьих, принцип программности. (Хотя как раз организацию, подпольную работу, политическую программу многие инакомыслящие в России считают совершенно ненужными.)

Наконец, практическая работа на Россию — четвертый принцип. По моему мнению, даже очень скромная и может быть не всегда результативная практическая работа гораздо ценнее, чем любая, даже самая умная, риторика. Наконец, в-пятых, это книжное издательство и, в-шестых, это прекрасные журналы „Грани”, „Посев”. Не желая обидеть редакторов других журналов, я хочу сказать, что „Посев” для меня — самый политически заостренный и боевой журнал, который я регулярно читаю.

Выступление на XXXV Посевской конференции.

XXXV Посевская конференция на тему „Россия и эмиграция”, проходила 1 и 2 октября 1983 г. во Франкфурте-на-Майне. В дискуссии за Круглым столом (см. „Посев” № 11 и № 12 за 1983 г.) приняли участие писатели, поэты, публицисты и общественные деятели: Г. Г. Бонафедэ, Г. Е. Брудерер, Г. Н. Владимов, Ю. Н. Вознесенская, Н. М. Коржавин, В. Е. Максимов, Р. Н. Редлих, Н. Е. Хохлов.

Второй день был отведен для выступлений других участников конференции (см. № 12, 1983 г.).

Для меня деятельность НТС кажется построенной на очень здоровых, очень положительных началах: это работа искренняя, серьезная. Поэтому я так же искренне и серьезно хочу поделиться некоторыми соображениями.

Хочу сначала сказать несколько слов об эмиграции, — ни в коем случае не пытаюсь поучать, наставлять или что-то требовать. Это будет просто некоторое отображение личного опыта, личных впечатлений.

Я на Западе всего два года, а до этого много читал об эмиграции в советской прессе. Здесь, за границей, у меня создалось впечатление, что советская пресса идеализирует политическую эмиграцию. Я не оговорился. Советская печать утверждает, что политическая эмиграция на Западе выступает единым сплоченным фронтом; что политическая эмиграция щедро финансируется здесь миллионерами и разными спецслужбами — в общем, что на нее сыплется какой-то золотой дождь; и что любой диссидент, оказавшийся на Западе, имеет неограниченные возможности действовать, как они говорят, „против Родины”. На самом деле все обстоит иначе.

Действительно, нормально было бы, чтобы политическая эмиграция была единой и сплоченно действовала бы против общего врага. Естественно было бы, чтобы западные организации оказывали поддержку — моральную, информационную, финансовую, И совсем хорошо было бы, если бы диссидент, инакомыслящий, оказавшийся на Западе, получал бы те возможности действовать, о которых пишет советская пресса.

Повторяю, я новичок на Западе, только в 1981 году я вышел из советских лагерей. И даже за этот короткий срок жизни в эмиграции у меня сложилось впечатление как раз обратное. Эмиграция не едина, среди эмигрантов очень много трений, средств не хватает: если нужно что-то напечатать, что-то предпринять, то, к сожалению, возникают трудности, подчас непреодолимые. Что касается „неограниченной возможности действовать“, то и об этом можно было бы многое сказать. Например, у меня есть хороший друг еще по подпольным делам в России, который честно вел себя на следствии, в тюрьме и лагере, очень способный человек, хорошо пишет, обладает даром красноречия... И вот уже три года здесь без работы.

За два года пребывания на Западе я, кроме того, заметил, что между русской и нерусской политическими эмиграциями существует стена недоверия. Эта стена, я думаю, выросла из-за определенного рода взаимных обвинений. Деятели русской эмиграции часто обвиняют нерусскую эмиграцию в том, что она ждет своего часа, чтобы раскромсать, расчленив историческое тело России. Нерусская же эмиграция обвиняет русскую в том, что та, стремясь сохранить великую державу в нынешних ее границах, не хочет учитывать интересов малых наций. В результате таких вот обвинений и существует недоверие, а как его следствие — отсутствие, за редкими исключениями, сотрудничества.

Я думаю, в каждом из этих взаимных обвинений есть доля правды. Я лично считаю, что такая великая нация, как русская, не должна искать своего величия в обширности земель, а тем более в стремлении безостановочно расширяться по земному шару. Русский народ нуждается во внутреннем строительстве, трудностей у него очень много и, мне кажется, именно это очень важно. Но должен также сказать, что не каждая нерусская нация готова к самоопределению, и не каждая нация захочет такого самоопределения, даже если провести плебисцит. Кроме того — не каждая нация может самоопределиваться, даже если захотела бы, — по экономическим соображениям и по ряду других причин. Например, Эстония, Латвия, Литва, имеющие опыт самостоятельной государственности, могут, хотя и бесспорно высказались бы за самоопределение и отделение. Иной вопрос — Белоруссия. Я совершенно уверен, что 9-миллионный белорусский народ, если ему пришлось бы голосовать, по

ряду причин высказался бы против отделения от России. Предполагаю, что Армения захотела бы остаться в федеративных связях с будущим русским государством, — хотя бы из-за постоянной и непосредственной турецкой опасности.

Я согласен с В. Е. Максимовым, что эмиграцию политически объединить невозможно. Но мне кажется, что ее можно объединить нравственно, или, по крайней мере, можно попытаться разрушить стену недоверия, которая существует.

В июльском номере „Посева“ (за 1983 год) я прочел прекрасную статью Зои Крахмальниковой „Спасение России — живая реальность“. Как вы знаете, Крахмальникова сейчас репрессирована за свою религиозную деятельность. Она высказала в этой статье очень важные мысли: Россия ждет просвещения, а просвещение может прийти от людей, живущих праведной жизнью, от людей, как она написала, готовых каяться. Напомню также известный призыв А. Солженицына, который тоже призвал к самоограничению, к покаянию, к жизни не по лжи. В этом, мне кажется, его величие, что он нашел и мужество, и силу поставить эти вопросы.

И в том же номере „Посева“ я прочел статью г-на Полякова „Будет ли русский народ каяться?“ Проводится мысль, что если русский народ и будет, в лице своей интеллигенции, каяться или признавать за собой какую-то вину, то только при условии, что то же сделают другие народы.

Профессор Курганов считал, что советская власть загубила 60 миллионов человек. В швейцарской газете „Дер кларе Блик“ в 1967 году говорилось, что число жертв в России 33, 5 миллиона человек, не считая жертв войны. Позволительно спросить: для того, чтобы уничтожить эти 60 или пусть 33 миллиона — должна же была существовать огромная армия доносчиков, мучителей, палачей? Говорят, что в большевистском аппарате подавления было много нерусских: латыши, украинцы, грузины, евреи, армяне. Верно, так оно и было. Но в то же время мы знаем, что хотя бы по простой статистической раскладке (русские — стержневой, доминирующий народ в стране), по крайней мере половина этой армии подавления должна была состоять из русских. В этом — национальная трагедия, в этом — необходимость, мне кажется, национального раскаяния — безо всяких предварительных условий.

Я считаю, что такое раскаяние, о котором

вы писали и говорили люди в России, и здесь, за рубежом, имело бы большое значение, очистительное для русской мысли, для русского чувства, для русского деления. Акт национального раскаяния, как и религиозного раскаяния, не может происходить в условиях гордыни и самоутверждения. Когда исходят только из гордыни и самоутверждения, то часто пишутся очень незавидные страницы истории. И наоборот, когда исходили из мужества и самоотречения, которые являются основами каждого раскаяния, именно тогда писались лучшие страницы русской истории.

Второй вопрос — о России. Общий знаменатель, под которым действует русская политическая эмиграция, можно выразить двумя словами: спасение России. На первой странице „Посева” хорошо и четко сформулировано, что журнал „Посев” стоит на национально-государственных позициях. Я совершенно уверен, что борьба, которая ведется с национально-государственных позиций за устранение порочной системы, существующей сейчас в России, — увенчается успехом, что она будет победоносной и что режим, который сейчас там, уйдет с исторической арены. Вопрос лишь — как, когда, при каких обстоятельствах, под действием каких сил? Этот вопрос тоже часто в „Посеве” ставится, ставится правомерно, по-деловому, интересно, и как будто бы этим одновременно и снимается. То есть как будто авторы статей уверены, что с устранением большевистской системы все вопросы разрешатся сами по себе. Такого оптимизма, к сожалению, я теперь уже не разделяю.

Попробуем посмотреть на будущее развитие России не с точки зрения национально-государственной и не с точки зрения замены одной государственности, коммунистической, на другую, человеческую, а с точки зрения национально-общественной. Что произойдет в ближайшее время после исчезновения большевистской системы? Если задать этот вопрос разным политическим силам, то и ответы будут разные. Сторонники, скажем, А. И. Солженицына скажут: настанет возможность начать строительство новой, религиозной России, основанной на авторитете. Руководители Народно-Трудового Союза: настанет возможность построить солидаристическую Россию. Если спросили бы у представителей того движения, в котором когда-то, до ареста, участвовал я, они бы ответили: настанет возможность построить демократи-

ческую Россию, которая копировала бы классические образцы демократии Запада. К сожалению, все эти предполагаемые ответы страдают известной неполнотой. Если проследить процесс развития российского общества, то я — очень упрощая — сказал бы, что до 1917 года в России шел процесс *о б е з б о ж и в а н и я* человека. Об этом говорил Достоевский, об этом говорил Владимир Соловьев, об этом говорилось в сборнике „Вехи”. Общая тенденция развития была очень нездоровая. Первая мировая война, революция, гражданская война показали дальнейшее углубление этого процесса: зверства, которые творились во время революции, то, что происходило уже в советское время, в эпоху великого террора, коллективизации и т. д., показывают, что происходил процесс *о б е с ч е л о в е ч и в а н и я* человека.

Сегодня в России всеобщее пьянство, распад семьи, массовая преступность, самый высокий процент заключенных в мире. Ведь осуждают не только за противостояние режиму, ведь большая часть осужденных совершила преступления против других людей. И у меня большие опасения, что преступный потенциал, накопившийся в советском обществе, при смене власти может захлестнуть страну волной хаоса, а здоровые, конструктивные силы просто не в состоянии будут справиться с этой стихией.

Это не значит, что наша деятельность по устранению советской диктатуры бессмысленна. Работать во имя политического освобождения России необходимо, но мне кажется, что дело политического освобождения следует более интенсивно сопровождать делом нравственного преобразования, о котором здесь говорили некоторые выступавшие. Вопрос о нравственном обновлении России надо ставить очень серьезно и стремиться не только к тому, чтобы Россия была свободной, но и к тому, чтобы в ней совершилась не только политическая революция, а и духовно-нравственное возрождение. Эти процессы, мне кажется, должны идти параллельно, не подменяя друг друга и не отрицая один другого, но гармонично друг друга дополняя. Если политический процесс должен принести России свободу, то второй, нравственный процесс, должен принести завет любви, о котором говорит нам христианство и о котором говорили нам великие мыслители России.

Сергей Иванович Солдатов, известный деятель демократического движения, после отбытия заключения (1975—1981 гг.) выехал на Запад. — Ред.

За Россию — против варваров

1965-й год. Идет к закату так называемая „вторая оттепель”, открывшаяся потоком очередных разоблачений „отца народов” на XXII съезде КПСС. Сталинские последыши постепенно поднимают голову и энергично проталкиваются к ключевым позициям в стране. Именно в такой безрадостной обстановке, совершенно неожиданно для многих, появляется на страницах журнала „Молодая гвардия” (№ 5, 1965 г.) поразительное по форме и содержанию обращение: „Берегите святыню нашу”. Подписано оно известными художниками П. Д. Коринным и С. Г. Коненковым, а также крупным писателем (к тому же признанным и властью: лауреатом Ленинской и Государственных премий) Л. М. Леоновым. Эпиграфом к обращению взяты слова Пушкина: „Неуважение к предкам есть первый признак дикости — безнравственности”.

В обращении говорится:

„В последние годы довольно усердно производится разгром памятников нашей национальной старины. Мало того, что многие первостепенные памятники истории оставлены без охраны, без какой-либо государственной поддержки, полностью или почти полностью сняты с „казенного довольствия”, но зачастую они просто превращены в щебенку, в щепу, в утиль. Мы потеряли необычайно большое число образов зодческого искусства, обладавших значительной художественной и исторической ценностью. (...)”

Ни для кого не секрет, что на Севере разбираются на дрова, летят в топки пароходов, полыхают яркими кострами на лесосеках маленькие деревянные шедевры, создания безымянных предков, самородных русских зодчих. Гибель этих творений человеческого гения проходит в тишине, как явление вполне законное и закономерное. (...)”

Нам стыдно и скорбно доказывать взрослым людям такие истины, но приходится говорить о том, что древние камни и знаменитые могилы (куда добирается небрежная рука осквернителя, добирается и даже шарит по костям, которые принадлежат векам, ради работ сомнительного научного значения), что эти камни и могилы — часть нашей истории, часть нашего собственного бытия. Горько и стыдно убеждать в очевидной истине, которую должно со школьной скамьи прививать человеку, — доказывать, что эти обветшалые строения, отдаваемые на милость непогоды и хулиганства, — святыни. (...)”

Мы должны встать на борьбу с ханжеским мнением ограниченных людей, будто церкви и другие культовые здания — объекты только религиозного значения, что под золотыми куполами содержится лишь „опиум народа”, потому, что их создатель — русский крестьянин в доступной ему форме запечатлел в них труд, страдания, жертвы, ум, отвагу и подвиг народа, — в этих зданиях высочайшее для каждой эпохи проявление художественного творчества нации. Некоторые пытаются также оправдать сносы памятников некими экономическими причинами, в частности это относится к положению в Москве (...). Прекрасно видна абсолютная бессмыслица большинства сносов (а в Москве снесено более 400 памятников!) ...

Из души, из сердца каждого русского человека исходит требование: „Остановитесь! Берегите нашу святыню!”.

Это обращение глубоко взволновало широкие круги российской общественности, уже потрясенной за три года до того повестью Солженицына „Один день Ивана Денисовича” и выходом в официальную литературу лагерной темы. Отклики появились чуть ли не во всех журналах и газетах страны. „Комсомольская правда” от 4 июня 1965 года писала в частности:

„В крутые годы войны мы призывали на помощь себе наше прошлое: „Пусть вдохновит нас в этой войне мужественный облик наших предков — Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова...” Прошлое тоже стало оружием. Силу его никто не измерил. Но можно сказать, что была она не слабее знаменитых „Катюш”. (...)”

Без прошлого невозможно ни понять хорошо, ни оценить по достоинству настоящее. Дерево нашей родины — одно целое: зеленая крона и корни, глубоко уходящие в землю. Давайте будем помнить об этих корнях”.

По сути дела, ничего особенно нового в аргументах, выдвигаемых защитниками памятников старины, не было. Народ хорошо знал о систематическом уничтожении следов прошлого, свидетельствующих, что могущество российского государства создавалось на протяжении целого тысячелетия, а вовсе не советской властью. Уничтожение церквей и памятников культуры происходило на гла-

зах у всех. Однако обращение „Берегите святыню нашу” дало сигнал к публичному бичеванию вандалов. И возмущение быстро приняло широкие, явно непредвиденные властью масштабы.

Через четыре месяца после опубликования воззвания, та же „Молодая гвардия” писала уже с нескрываемой угрозой:

„Почему действия людей, виновных в гибели памятников, охраняемых законом, остаются безнаказанными? Почему всенародно не клеймят позором их имена? (...) А было бы полезно узнать имена варваров XX века. Кто они? (...)”

Открытые процессы тунеядцев и хулиганов мы проводим, а почему бы не проводить открытые процессы варваров?”

Совершенно стихийно стали повсеместно возникать группы ревнителей старины, стремящихся защищать последние следы прошлого, понимая под этим не только памятники, но и всю дореволюционную культуру в целом. Год спустя, в 1966 г., родилось Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры, охватившее сразу до 2 миллионов человек. Через 5 лет, в 1971 г., в Обществе — уже около 6 миллионов членов. Борьба против уничтожения храмов, за очищение русского языка, за возврат переименованным городам, селам и улицам их настоящих названий стали для многих основным содержанием всей общественной деятельности. Даже Евгений Евтушенко, хорошо улавливающий веяния ветров, счел целесообразным включиться в общий поток и опубликовал в „Новом мире” (№ 11, 1971 г.) стихотворение, начинавшееся словами: „Любовь моя — разрушенная церковь”. Характерное стихотворение, Владимира Липатова (не путать с Вилем Липатовым!), было напечатано в журнале „Байкал” (№ 5, 1971 г.):

„Собор взорвали! На куски
Седые развалились стены,
И застучали молотки
С ожесточенностью военной.

Круша работу мастеров,
Они добыть кирпич старались,
Но кирпичи не отдирались
От тонких известковых швов.

И ветер только прах взметал,
Струющийся из-под зубила...
Так за себя потомкам мстила
Поверженная красота!”

1931 г.: готовят к взрыву храм Христа Спасителя в Москве. Фото из составленного в Самиздате альбома „Разрушенные и оскверненные храмы” (изд. „Посев”).

Но вскоре варвары XX века зашевелились, увидев в движении за охрану памятников старины реальную опасность, ибо оно не только призывало советских людей, и в частности молодежь, к „нездоровому” почитанию враждебных им ценностей, но еще и грозило свести счеты с самими варварами. Не прошло и года с момента опубликования обращения „Берегите святыню нашу”, как в „Известиях” (20 января 1966 г.) появились первые, еще сдержанные, но недвусмысленные нападки на защитников культурных и духовных ценностей:

„...Вполне понятно, что эти вопросы занимают видное место на страницах прессы, собраниях и вечерах, посвященных созданию общества по охране памятников истории и культуры. Вместе с тем... кажется неправильной некоторая односторонность вечеров и собраний... Разговоры, показ диапозитивов и фильмов сосредоточены почти исключительно вокруг церковной архитектуры и живописи (...).

Причины... фальшивых нот и тенденций, которые нет-нет, да обнаруживаются... в отходе от классового, революционного анализа событий, явлений и деятелей прошлого. Едва стоит встать на путь подмены советского патриотизма неким абстрактным патриотизмом, как вольно или невольно в роли наших союзников выступают и страстный собиратель древнерусских икон обер-прокурор святейшего синода Пободоносцев, и создатель знаменитого древнехрани-

лища Погодин, и поборники ограниченной русской самобытности славянофилы, и громче всех кричавший о патриотизме реакционер Катков, и им подобные (...).

Зачем в идиллических красках рисовать тех, кого В. И. Ленин называл худшими врагами нашей родины?..

Таким образом отношение власти к движению по охране памятников старины определялось ясно и категорически: в той мере, в которой это движение является носителем или защитником духовных и традиционных культурных ценностей, оно в корне противоречит ленинским принципам.

Однако момент для пресечения деятельности и развития Общества был упущен. Власть была вынуждена прибегнуть к другому испытанному методу: идейному обезвреживанию движения путем продвижения в него „своих людей” и систематического вкрапливания большевистских лейтмотивов во все информационные и пропагандные материалы. Так, призывы к охране и реставрации старинных соборов зазвучали вскоре вперемежку с разглагольствованиями о „дорогих нашему сердцу ленинских местах”, о памятниках Павлику Морозову и бакинским комиссарам. „Задачи общества — содействие государственным органам охраны памятников, использование памятников в деле коммунистического воспитания народа”, — назидательно изрекла Большая советская энциклопедия. Одновременно предпринимались всевозможные хитроумные меры, чтобы лишить общество каких-либо юридических прав и превратить его в чистую фикцию.

Однако первоначальные цели движения продолжали увлекать патриотически настроенную общественность, и численность Общества неизменно росла. Несмотря на то, что членство в Обществе было, разумеется, абсолютно добровольным и не приносило никаких выгод (в противоположность членству в партии!), в 1981 году, то есть через 15 лет после учредительного съезда Общества, численность его достигла 14 миллионов человек, иными словами, почти сравнялась с численностью КПСС.

В 1980 году вышел первый номер альманаха Общества — „Памятники отечества”. Это богато иллюстрированное издание выходит два раза в год тиражом всего в 50 000 экземпляров (при 14 миллионах членов Общества!) и рассылается по подписке только внутри Общества и только самым привиле-

гированным деятелям. Среди подписных изданий „Союзпечати” он не указан и на Запад почти не попадает. Редакция насчитывает ряд имен истинных поборников русской старины и культуры: академик Д. С. Лихачев, писатель Л. М. Леонов, академик Б. А. Рыбаков и другие. Однако наряду с ними фигурируют и неизбежные „энтузиасты” сохранения всевозможных ленинских и иных мест, которые если и следует сохранять, то только как память о коммунистическом иге.

То же самое приходится сказать и о содержании альманаха. Рядом с несколькими мужественными и полными скорби статьями о варварском отношении к прошлому России и к памятникам русской культуры публикуются бесконечные панегирики октябрьским событиям и призывы к увековечиванию их деятелей. Кроме таких верноподданных сторонников режима, внедренных в общество стараниями КГБ, в нем есть и немало вскормленных властью шовинистов псевдопатриотического пошиба.

Однако, наряду с этой неизбежной пеней, основная часть членов Общества — это миллионы честных и настоящих российских патриотов, стремящихся к расцвету своей родины, восстановлению ее утраченного достоинства, при полном уважении к соседям и нормам демократии.

Знает это, конечно, и власть. Ее последние попытки задуть деятельность Общества совпали с резко усилившимся в 1982 году давлением на сторонников русских национальных и духовных традиций в литературе, искусстве, науке. Достаточно назвать постановления ЦК КПСС о литературных журналах, о музеях, о театре, в которых даны указания вернуться к принципам „советского патриотизма” и „пролетарского интернационализма”; возросло и количество соответствующих материалов в печати.

Именно поэтому мы считаем сегодня необходимым привлечь внимание к судьбе преследуемых защитников русской национальной культуры. За 14 миллионами официальных членов Общества стоят еще многие миллионы людей, разделяющих то же отношение к России. Смогут ли они найти друг друга и объединить усилия, показать власти свою решимость защищать то национальное достояние, без которого народ перестает быть народом?

Долг каждого, считающего себя русским, им в этом помочь.

М. Славинский

«Любовь должна быть действенной»

Ниже печатаются отрывки из нескольких номеров закрытого для широкой подписки альманаха „Памятники отечества”. Они характеризуют позицию подавляющего большинства из 14 миллионов членов Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Именно этим, русским национальным, настроениям объявило войну руководство КПСС.

«Не можем не гордиться»

Сергей В и к у л о в, писатель, главный редактор журнала „Наш современник”:

„В храмах, в их архитектуре, в их настенной живописи, в иконах нашел себе выход художественный талант народа. (...)»

Кому из северян с детства не запала в душу типичная, ставшая прямо-таки приметой Севера картина: вот подъезжаешь ты по пути в город, например, к знакомому тебе селу и ничего-то еще в том селе не видишь, но белую колоколенку заметил давным-давно: на зеленом да синем она особенно хорошо смотрится и греет тебе душу предвкушением встречи с жильем человеческим...

А едва село минуешь, едва колоколенка сзади от тебя останется, как замаячит перед глазами твоими другая, такая же белая и едва различимая, как парень в белой рубашке на заозерном лугу. И вот что удивительно: казалось бы, и местность-то вся ровная, типичная для Севера, и леса высокие, а колоколенки видны... Видны порой за десятки километров. И не потому, что они все в белых одеждах, нет... Это так их мастера поставили, место так выбрали для них... Сколько, должно быть, ходили они, приглядывались, прежде чем бросили шапку оземь и говорили: „Тут будет стоять!” — и крестились на все четыре стороны. (...)»

Нет сомнения, что „хитрецы” (так русский народ звал в древности архитекторов) были в подлинном смысле талантливыми людьми, в совершенстве знавшими архитектурные каноны того времени, владевшие опытом уже ушедших мастеров и способные на собственное творчество, на дерзкий вымысел.

Талантами, а может быть и гениями своего времени были „богомазы”, по-нынешнему, живописцы, украшавшие стены и своды храмов фресками, писавшие для храмов иконы. Можем ли мы после этого смотреть на храмы как на жалкие свидетельства „поповщины” и „мракобесия”, не беречь их, не гордиться ими как выражением художественного гения народа? Нет, не можем”. (№ 2, 1980 г.).

«Зачем же это?»

Виктор Л и х о н о с о в, академик, писатель:

„Возмутительная история произошла с фресками Троицкой церкви на улице Фрунзе в Краснодаре. Они ни с того ни с сего были замазаны белыми несколько лет назад. Их не вернуть. Построенную в начале века церковь расписывали в стиле художника

Васнецова; фрески, конечно же, не поражали несравненной художественной красотой. Но никому и не мешали. Они от десятилетия к десятилетию все более превращались в музейную достопримечательность и, кроме того, как-никак украшали здание, воздвигнутое, кстати, на народные жертвования руками умельцев. Не встало на защиту фресок и местное отделение Общества охраны памятников. Любопытно, что в этом помещении находилась мастерская скульпторов. Редкий случай: мастера изобразительного искусства не подали даже слабенького голоса в защиту живописной работы своих безымянных собратьев!

Разрушение церкви под станицей Казанской, утрата при пожаре уникальной деревянной церкви первых черноморцев в поселке Калинино, распахивание неприкосновенных археологических участков в Темрюкском районе (срыты остатки „Таманского Толоса”, следа древнегреческой архитектуры мирового значения), — зачем же это?” (№ 2, 1980 г.).

«Разве нас не обворовали духовно?»

Дмитрий Л и х а ч е в, академик:

„(...) В юности я приехал впервые в Москву и нечаянно набрел на Церковь Успения на Покровске (1696—1699 гг.). Я ничего не знал о ней раньше. Встреча с ней меня ошеломила. Передо мной вздымалось застывшее облако бело-красных кружев. (...) Ее легкость была такова, что вся она казалась воплощением неведомой идеи, мечтой о чем-то неслыханно прекрасном. (...) Позже я узнал, что такие разные люди, как Наполеон и Достоевский, считали ее красивейшей церковью в Москве. Наполеон во время Великого пожара Москвы выставил у нее караул и тем спас от огня. (...) Но вот пришли люди и снесли церковь. Это было в начале 30-х годов. Теперь на этом месте пустырь с каким-то ларьком. Разве не убито в нас что-то? Разве нас не обворовали духовно? (...)»

Что же эти люди, убивающие живое прошлое, — прошлое, которое является и нашим настоящим, ибо культура не умирает? Иногда это сами архитекторы — из тех, которым очень хочется поставить свое „творение” на выигрышном месте. Иногда же это совсем случайные люди, а в этом уже виноваты мы все. Мы должны подумать о том, чтобы таких „случайных убийц” не было.

Одних заповестей, инструкций и досок с указанием „Охраняется государством” недостаточно. Надо, чтобы факты хулиганского или безответственного отношения к культурному наследию неукосни-

тельно разбирались в судах и виновных строго наказывали. (...) К патриотизму нельзя только призывать, его нужно заботливо воспитывать. (...)

Есть большое различие между экологией природы и экологией культуры, к тому же весьма принципиальное.

До известных пределов утраты в природе восстанавливаемы. (...)

Иначе обстоит дело с памятниками культуры. Их утраты невосстановимы, ибо памятники культуры всегда индивидуальны, всегда связаны с определенной эпохой, с определенными мастерами. Каждый памятник разрушается навечно, искажается навечно, ранится навечно. (...)

Чтобы сохранить памятники культуры, необходимые для „нравственной оседлости” людей, мало только платонической любви к своей стране, любовь должна быть действенной” (№ 2, 1980 г.).

Воля народная — в исторической преемственности поколений

Леонид Леонов, писатель, академик, лауреат Государственных премий:

„(...) с веками кладовые великого и трудолюбивого народа пополняются все новыми поступлениями его трудов и вдохновений... но вот уже и не видеть под ними одного почтеннейшего, на самом дне хранящегося предмета, в давно прошедшие времена называвшегося хоругвью.

Как правило, реликвия эта представляет собой прямоугольный отрезок старой ткани, простеленной, обгорелой местами, с тревожно-бурыми пятнами на ней, но никому и в голову не придет отдать его в химчистку. Опять же изображаются на нем не клешка хоккейная, не экскаватор или мопед или другие эпохальные завоевания технического прогресса, а нечто давно отжитое, порою даже вопиющий анахронизм мистического содержания вроде ликов ангельских, как известно, полностью ныне опровергнутых посредством прогрессивных наук. И почему-то выясняется на практике — чем старше, чем глубже уходит корнями в прошлое такая, наивной рукой вытканная картинка, тем большей, почти магической обладает она силой воздействия. И оттого, что все на свете подлежит тлению, самые твердокаменные скрижали в том числе, то подобным до крайности хрупким сокровищам полагаются особые ласка и береженье. Предки наши от случая к случаю выносили из-под спуда на воздух его изредившийся лоскуток, под колокольный звон поили ветхим ветром досыта, молодили солнышком отускневшее золотое шитье. Иначе рассудительному государю было никак нельзя, а то в нужде, как примется история еще разок огнем да мечом поверять себя на годность для самостоятельного государственного бытия, сунуть руку в заветный сундук, а там ветошинка одна, вся в плесневых каках да мышьеединых: такая в бой не поведет!

(...) в трагическом сорок первом... почему уже на второй неделе страшного поединка пришлось нам, несмотря на едва ли не каждодневные рассуждения про малую кровь и чужие территории, пускать в ход столь необычные в нашей практике интонации, а в прекрасное суровое утро ноябрьского парада, чептыре месяца спустя, выкатывать на передовые позиции столь устарелую, казалось бы, артиллерию, с клеймами Суворова, Дмитрия Донского и даже неевского Александра? Причем делал это предельного авторитета человек — с гулким на весь свет именем. Нельзя забыть и того, что разговор велся о родном, кровном нашем Смоленске, а не о какой-либо заморской, хоть и дружественной чужбинке!

И тут, забегая вперед, невольно приходится в память ретивые администраторы, чуть не позавчера призывавшие иных простаков не слишком-де церемониться со староотеческой рухлядью... И кто знает, как обернулась бы недавняя военная страда, если бы к памятной дате третьего июля сии иносказательные пушки оказались заклепанными чьей-то ночной, недогнущей рукой. О, сколь много вреда способна она причинить мимоходным, кое-куда, ударом преступного зубильца. (...)

Уместно повторить вслух неплохую, двухсотлетней давности мысль Руссо: всякое применение власти для своей правомочности должно быть выражением народной воли... А под волей народной, надо полагать, понимается не только воля всех живущих в известное время индивидов, но и та, что поддерживает идею народную среди сменяющихся поколений. Так раскрывается в полном объеме скрепляющее нацию воседино сотрудничество поколений. Для меня любая на сельском погосте, ромашкой да погремком заросшая могильная плита приобретает всеещественную силу национального паролля. (...)

Жизненно необходимо, чтобы народ понимал свою историческую преемственность в потоке чередующихся времен, — из чувства этого и вызревает главный гормон общественного бытия, вера в свое национальное бессмертие. Поэтическая традиция, утверждающая — будто чуть ли не основным источником сего вдохновительного вещества является популярная у нас б е р е з к а, упускает из виду, что поименованное дерево не менее успешно произрастает и в смежных, чужеземных владениях. На мой взгляд, гораздо больше содерётся его в других, скоропреходящих, казалось бы, явлениях, — например, в милых и унывых напевах предпосконого, бывало, девичьего хоровода, или в запахе ржаной краюшки под парное молочко, или в косом мимолетном дождичке над Окой, даже в пресловутом д ы м е о т е ч е с т в а .

Но, пожалуй, богаче всего этим живительным эликсиром, почти вровень с молоком материнским, те молчаливые, на любое кощунство такие безответные, грубой побелки мемориальные камни, что раскиданы кое-где по лицу нашей державы щедрыми и простодушными предками. Подразумеваются старинные здания нередко архаического замысла, творения изрядных русских плотников, самородных

тоже гениев каменного дела, воздвигнутые на потребу стародавних чувств и обычаев, почти сплошь, — извиняюсь за их творцов перед нахмуренными передовыми мыслителями, — культового, то есть церковного назначения. Большинство их — величавые соборы вкупе с онемевшими, порою жалостно-дивными звонницами, давно и жестоко истощенные континентальной непогодой, поросшие по карнизам мелким кустарничком, как на гравюрах Пиранези... Атеистический топор в руках воинствующего невежды, о чем предупреждал еще Гете, оборачивается для культуры величайшим бедствием, потому что сопровождается уже невозместимым для человечества ущербом.

Не вдаваясь в теологические дебри, также и в обсуждение религий как социального инструмента правящих классов, беру на себя мужество вкратце объяснить по существу довольно ясного, но будто нарочно запутанного вопроса. На протяжении тысячелетий понятие бога, как исходного начала всех начал, вместившее в себя множество философских гипотез, национально окрашенных фантастических мифов, когда-либо двигавших людьми моральных стимулов, служило емкой и неприкосновенной копилкой, куда Человек — мыслитель и мастер, художник и зодчий — вносил наиболее отборное, бесценное свое, концентрат из людских озарений и страданий, беззаветной мечты и неоправдавшейся надежды, наконец, свершений нечеловечески тяжелого, исполненного труда. Неизменно, сверх положенной даги в размере десятины от трудов своих, люди отдавали небу и треть, и половину, и все достояние целиком, включая самую жизнь иногда. (...)

Непосылные для любой частной мощи, вобравшие в себя всякие первостепенные ценности эпохи, эти великие храмы — от римского Петра до запомнившегося мне на всю жизнь, стрелой устремленного ввысь Йоркского собора, от циклопического Абу-Симбела, сберегаемого с нашей же помощью на месте нильской плотины, до крохотной, радовавшей москвичей несколько веков подряд расписной каменной игрушки, называвшейся Р и з п о л о ж е н ы е и сметенной в яму забвения резвой метлой тридцатых годов, они становились вещественными показателями тогдашнего уровня техники, эстетического мышления и организации коллективного труда — факелами неугасимого творческого духа, интеллектуальными вехами века.

В том беда наша, что вечно возвышающиеся над нами воистину гималайские исполины, так сказать „замаравшие“ себя прикосновением к церковной теме — Леонардо и Рублев, Бах и Микеланджело, иным донье представляются всего лишь тушицами и прихвостнями феодально-купеческой касты, продавшимися в холуйство золотому тельцу. Наступление поздней зрелости во всех цивилизациях знаменовалось скептическим пересмотром потускневших миражей детства, но всегда неприглядной представлялась сомнительная доблесть, якобы в доказательство людского превосходства над божеством — по-свински гадить в алтаре, дыривать финкой Маг-

далину на холсте, отрубать нос беззащитному античному Юпитеру.

Сверхбанальные истины эти требуют неотложного внедрения в сознание подрастающей смены, коей послезавтра, может быть, суждено встать у штурвалов государственного управления. Наравне с обучением незрелых отроков и отроковиц — как надлежит обращаться со школьным имуществом, телефонными автоматами, с лифтами общественного пользования, с древесными посадками, — и вообще как вести себя в лоне природы, которая есть о т ч и й д о м т в о й, полагалось бы не оставлять без внушения и поощряющих их грустную резвость родителей, — разумеется, постепенно и терпеливо, во избежание их умственной перегрузки.

Пока еще не поздно, надо довести до их сознания, что с е г о д н я есть лишь промежуточное звено между ч е р а и з а в т р а, что все мы нынешние — лишь головной отряд бесчисленных поколений пушкai закопанных где-то далеко позади, однако отнюдь не исчезнувших вчистую, а и посмертно взирающих нам вдогонку.

(...) Известно ли подрастающим деткам, что печально ославленные древние наши лавры и монастыри — Валаам и Соловки, Суздальщина и Троице-Сергиева обитель служили в старину боевыми и культурными форпостами русской государственности, так что сныие золота на куполах и звон колокольный звали предков наших к деяниям, в некоторой степени обеспечившим их нынешнее благоденствие?

А знать сие надобно потому, что в наш век обесценения хитроумнейших фортификационных сооружений перечисленные ответшалые твердыни могут и сегодня оказаться крепостями похлеще хваленых линий Зигфрида и Мажино. А лучше всего это сравнивается с материнской ладанкой, что вешалась при разлуке на грудь возлюбленному дитищу: нерушимое благословение на честный хлеб, на ратный подвиг, на сквозное безоблачное счастье до нанюдаленнейших правнучат. Для вчерашних стариков утратить ее — было все одно, что жизни решиться, а недруги русских знают доньне: как сорвешь с нашего брата гайтан с той бедной наивной вешей, тут его без рукавиц можно прямо в карман класть, гнуть-ломать на любое непотребство. Впрочем, довольно на нашем веку было говорено о ничтожестве беспамятных Иванов и неиссякаемой силе Антевой!

Не блажь или перензбыток щедрот была навеяна мысль о создании республиканских обществ по охране национальных памятников, составляющих красу и гордость нашей страны. В их задачи входит не только бережение, но и восстановление порушенных бурями мемориальных сооружений прошлого. И уж конечно, не для праздного любования нужен нам блеск старинных куполов, ажурный узор башен, каменная мощь стен, под сенью которых предки наши отаживали от своего порога гостей непрошенных. Вот почему сам я частным образом голосую за добавочные вложения на сохранение национальной старины” (№ 2, 1981 г.).

«Преступление и наказание» на лондонской сцене

В сентябре в Лондоне шли одновременно две пьесы по романам Достоевского: польский Старо-Краковский театр завез по дороге с Эдинбургского фестиваля постановку Анджея Вайды „Настасья Филипповна“, театр „Лирик“ показал инсценировку Юрия Любимова „Преступление и наказание“. Это точная копия спектакля, идущего в Театре на Таганке в Москве уже много лет. Обе пьесы шли с аншлагом и вновь показали, что русская литература продолжает привлекать пристальное внимание англичан. (В Лондоне сейчас идут также „Жизнь господина де Мольера“ Михаила Булгакова и чеховский „Вишневый сад“).

Текст пьесы „Преступление и наказание“, созданный самим Любимовым в сотрудничестве с Юрием Карякиным, не изменился с переходом на английский язык; роль каждого актера была задана с предельной точностью; сложные световые эффекты и запись звукового оформления (музыка Э. Денисова) привезены с Таганки — вся постановка идет „единым дыханием“ режиссера. Таким образом мы увидели в Лондоне современный русский спектакль в доступной широкой публике форме, и критики были поражены тем, как — оказывается — британские актеры умеют играть, „попадая непосредственно в сердце мишени, без предварительной подготовки“.

В интервью актеры говорили о чисто технических трудностях: во-первых, они, в отличие от русских актеров, не имеют непосредственного доступа к эмоциям, они привыкли работать с подтекстом, постепенно вводить настроение, а тут им нужно было его демонстрировать немедленно, причем на высшей, кризисной точке. Во-вторых, мелодия английского языка совершенно не подходит для экспрессионистского крика (как не подходит она и для оперного пения). Вместо русского „кро-о-о-о-о“, англичане, по словам актера, игравшего Раскольникова, „пают, спотыкаются на согласных“.

Но главное — никто, кроме главного актера, не видел пьесы и не знал, чего именно от него хочет режиссер. Любимов не объяснял, а показывал (он сам — „великий актер“, говорят они), требуя точного воспроизведения „визуального рисунка“ роли, и актеры только постепенно стали понимать, что этот рисунок полностью определяет психологию дей-

ствующего лица. Актеры говорят, что они Любимову абсолютно доверились: „Его вкус столь же безупречен, сколь безусловен его авторитет“.

Как пишет газета „Гардиан“, „постановки Любимова не только поднимают значительные моральные вопросы: это и ошеломляющие спектакли, которые пронизывают зрителя“. „Таймс“ пишет: „Любимов сумел увлечь группу английских актеров на вертикальный взлет в мир человеческих страстей, без единой фальшивой ноты“. Причем самое оригинальное в спектакле — это единство замысла, подчиняющего себе все аспекты оформления и игры. Возьмем к примеру цветовую гамму: белый и черный цвета костюмов, сцены (декораций нет), убогой утвари. Изредка появляются серый и грязно-коричневый цвета, ничего иного. И тут не можешь не отшатнуться, увидев красное: кровь на белой двери, кровь на зеркале, красная ученическая тетрадка, из которой Раскольников (в одежде эзка) читает: „Правильно сделал Раскольников, что убил старуху. Только жаль, что его поймали“ — выдержка из сочинения советского школьника.

Лаконичность и символика во всем. Использование световых эффектов: стробоскопические мигания; прожекторы, направленные на публику; призматический узкий луч, устремленный на одно только лицо; раздвоение тени Раскольникова, когда он обсуждает с Порфирием раздвоение личности; игра теней: когда Раскольников пляшет тенью на стене, как марионетка.

Дверь, которую Раскольников забыл закрыть, когда шел на убийство, обретает жизнь и оказывается активным действующим лицом, границей между жизнью и смертью, между гибелью и спасением. Она множится, угрожает, превращается в постель Со-ни, в крышку гроба... зритель доходит до галлюцинаций, и нарочитая условность театра позволяет перенестись столь необычным путем в кошмар — и в спасение.

Но техника, при всем мастерстве, остается только методом, позволяющим передать смысл, пророчески заложенный Достоевским в образы Раскольникова-Наполеона, Лужина, Свидригайлова. Нельзя руководствоваться в жизни „арифметикой“, расчетливостью, — показывает нам зловещая фигура пошляка Лужина. Смешно, позорно

строить жизнь на книжных теориях — фигура Лебезятникова. Нельзя презирать людей, нельзя убивать, нельзя отказываться от любви; но главное — неправда, что один злой поступок может быть оправдан сотней добрых дел. Это особенно ясно в последней сцене: вся труппа, во главе с арестантом-Раскольниковым идет вперед, звеня цепями — символом раскаяния. Идут и живые, и мертвые. В руках убитых, в руках умершей матери Раскольникова, в руках у него самого появляются зажженные свечи Воскресения — уже не раз заживавшиеся в руках у Сони и Мармеладова — и они все оживают, с радостью поднимаются, тянутся к людям. Но тут Свидригайлов властно давит пальцами пламя всех свечей и заявляет: „Я тоже считаю, что сто добрых дел оправдывают одно злое. Арифметика!“ Все бросает свои цепи, отказывается от покаяния, идут в нынешний мир, где дети считают убийство правильным.

Пророческие слова Достоевского: „Разрешишь проливать кровь по велению совести, это, по-моему /говорит Разумихин/, страшнее, чем официальное разрешение кровь проливать, законное...“ И вспоминаются слова следователя, обращенные к Раскольникову: „Еще хорошо, что вы старушонку только убили. А выдумай вы другую теорию, так, пожалуй, еще в сто миллионов раз безобразнее дело бы сделали“.

Все это звучит до боли злободневно, и параллель с действительностью тоталитарных, основанных на теориях насилия государств, — совершенно неизбежна.

День премьеры „Преступления и наказания“ почти точно совпал с расстрелом южнокорейского самолета и с вспышкой возмущения в адрес советской власти. Именно советской, а не „русской“, как преступно часто выражаются газеты. В это трудное для русских время английские журналисты, однако, много писали о русской культуре, русском стремлении найти Бога, осмыслить жизнь, — причем писали с глубоким интересом и сочувствием. Это в большой мере заслуга Юрия Любимова, его толкования Достоевского, его понимания роли художника. Он дал ряд интервью британской печати (см. „П о с е в“ № 11, 1983 г. — Р е д.), объясняя, почему он сам, а также и его театр „на Таганке“ сейчас стоят на распутье. Любимов с горечью рассказывал, что ему закрыли подряд три спектакля: один — посвященный многолетнему сотруднику театра, покойному Владимиру Высоцкому, второй — по по-

вести „Живой“ Можаяева, и наконец „Бориса Годунова“ (не оперу, а пушкинский текст). В результате Любимов заявил, что уйдет в отставку: „Без этих спектаклей я работать не могу. Не хотите — не надо. Могу не работать“.

От души надеемся, что и в России можно будет увидеть новые постановки Юрия Любимова.

Н. Мельникова

Между родиной и творческой свободой

● Андрей Тарковский, всемирно известный своими фильмами „Иваново детство“, „Андрей Рублев“, „Солярис“, „Зеркало“, „Сталкер“, — уже около 2 лет (с разрешения советских властей) работает на Западе. В 1983 г. в Италии он создал новый фильм — „Ностальгия“, получивший на Каннском фестивале приз за лучшую режиссерскую работу. Этот фильм — о мучительном духовном противоречии художника, который не может свободно творить на родине, а за границей, в условиях свободы творчества, — не может жить без родины. 31 октября в Лондоне с большим успехом состоялась премьера оперы Мусоргского „Борис Годунов“ в постановке Тарковского.

● Мстислав Ростропович, с 1974 г. проживающий в эмиграции, седьмой сезон возглавляет Национальный симфонический оркестр в Вашингтоне и продолжает давать концерты как виолончелист. Редко кто из музыкантов достигал такого международного успеха, как Ростропович в эти годы. Он и Галина Вишневская участвуют также в культурной и политической жизни российской эмиграции.

● Дирижер Максим Шостакович, отказавшийся с сыном вернуться в СССР в 1981 г., в недавнем интервью газете „Нью-Йорк Таймс“ сказал, что это решение у него возникло очень давно. Причины: тяжелая жизненная ситуация отца, композитора Дмитрия Шостаковича, протест против отсутствия свободы творчества и общего политического положения в стране.

● Майя Плисецкая, прима-балерина Большого театра, подписала трехлетний контракт с „Театро дель опера“ в Риме. Она будет руководить балетной труппой этого театра.

● В 1983 г. попросили политическое убежище на Западе музыканты Виктория Муллова, Вахтанг Джордания, Александр Торадзе. Первый скрипач симфонического оркестра советского радио и телевидения Борис Корсаков был найден мертвым в гостинице испанского города Хихон — после того, как обратился за политическим убежищем.

«Выборы» в СССР: как получаются 99%

В стране идет подготовка к очередным „выборам“ в Верховный совет СССР, в которых, очевидно, победу снова одержит „нерушимый блок коммунистов и беспартийных“, набрав 99% голосов. В публикуемом ниже отрывке из самиздатской статьи „Избирательная система в СССР и морально-политическое единство советского общества“ показывается механика этой процедуры.

Советская политическая система вызывает подчас чувство неподдельного удивления: что бы ни происходило в нашем государстве — успехи, неуспехи, урожаи, неурожаи, популярны или непопулярны политические лидеры, — в регулярно проводимых выборах 99% избирателей голосуют за правящую партию.

На Западе сколько угодно могут потешаться над „избирательным фарсом“ в СССР, но сама по себе способность режима столь энергично контролировать массы или мистифицировать избирательной статистикой миллионы людей не может не вызывать интерес.

Мы задались целью проверить данные советской избирательной статистики и выяснить вопрос о правомерности тезиса о морально-политическом единстве советского общества, который основывается в некоторой степени на данных о победах блока коммунистов и беспартийных на выборах.

Наша работа носила характер конкретно-социологического обследования в форме опроса. В системе выборов в СССР есть звено, которое во время выборов располагает реальной информацией о поведении избирателей. Таким звеном является низший орган по проведению выборов — участковая избирательная комиссия. Он, с одной стороны, имеет дело с реальными людьми, приходящими голосовать, а с другой, по нашим данным, именно здесь начинается манипуляция с цифрами. Ответы и данные, полученные нами от некоторых членов этих комиссий, согласившихся ответить на наши вопросы, наш собственный опыт работы в этих комиссиях легли в основу данного обследования.

Оно охватывает три избирательные кампании в представительные органы разных ступеней (1979 г. — в Верховный Совет СССР, 1980 г. — в Верховный Совет РСФСР и в местные советы, 1982 г. — в местные советы). После сопоставления результатов обнаружилась повторяемость ряда явлений во всех трех кампаниях подряд, и мы пришли к выводу, что данные, полученные нами, типичны и характеризуют систему выборов в целом.

Для понимания поведения масс на выборах в СССР необходимо уяснение механизма их проведения.

Участковая избирательная комиссия — это основное низовое звено проведения выборов — основывает свою работу и избирательную статистику по своему участку на списках избирателей, которые находятся в ее распоряжении. В крупных городах на такую комиссию приходится от 2 до 6 тысяч избирателей. Списки эти составляются районными властями на основании данных о прописке. Каждый житель городов и деревень, проживая временно или постоянно в каком-либо доме, должен зарегистрироваться в домоуправлении, представив туда документы местных органов власти и милиции на право занятия жилья и, во-вторых, справку с места работы (где и кем он работает), т. е. прописаться.

Составленные единожды, эти списки перед каждой избирательной кампанией нуждаются в уточнении — кто-то выехал, умер и т. д. Начиная с уточнения списков, в дело вступает второй после избирательной комиссии компонент советской системы проведения выборов — агитаторы.

Название „агитатор“ довольно обманчиво. Агитировать, убеждать — это не основная его функция.

Проведение и организация избирательной кампании строится на том, что все жилые районы города закрепляются за различными учреждениями и предприятиями. Они и обязаны обеспечить явку жителей, закрепленных за данными учреждениями домов, в избирательный участок для голосования. Соответственно членами избирательных комиссий и агитаторами назначаются рабочие и служащие этих предприятий. Далее все распределяется „по цепочке“ — определенное число квартир закрепляется „для агитации“ за каждым отделом, сектором и т. д. данного учреждения. Руководство каждого из этих звеньев выделяет из своих работников агитаторов, которые и вступают в непосредственный контакт с жильцами записанных за ними квартир. В этом контакте взаимосвя-

симы и уязвимы обе стороны. Агитатор и его положение на работе в известной степени зависят от того, придут ли его избиратели голосовать. Избиратели знают, что, если они вызовут энергичное недовольство агитатора, он может передать неблагоприятную информацию к ним на работу. Есть у этих отношений и иной, чисто человеческий, аспект. Избиратели знают, что, отказавшись голосовать, они подведут прежде всего агитатора, такого же трудягу, как и они сами. И это обстоятельство играет немаловажную роль, делая агитатора в какой-то степени заложником в руках властей.

С учетом этого избирательного механизма и следует подходить к оценке поведения избирателей в СССР во время выборов. Наше обследование показало, что никакой однозначной монолитности в поведении избирателей нет. Напротив, имеется несколько крупных групп, поведение которых существенно отличается друг от друга.

Всего таких групп четыре*. Две из них, применяясь к условиям, стремятся действовать только в безопасных рамках, и обнаружить их можно только при детальном знании советского избирательного механизма.

В проведении выборов предусмотрена специальная процедура для лиц, которые в день выборов не могут принять участия в голосовании там, где им положено, т. е. по месту жительства. В этом случае избиратель сообщает агитатору, что он будет в отъезде (или что-либо подобное), и просит вычеркнуть его из избирательных списков, или он приходит заранее в избирательную комиссию и берет так называемый открепительный талон, дающий право голосовать в другом месте. Сама по себе эта процедура не представляет чего-либо необычного. Однако масштабы, которые приняло это явление в Советском Союзе, заставляют взглянуть на него по-иному. По данным последних трех выборов, от 10 до 12% избирателей в крупных городах из избирательных списков вычеркивается (в соответствии с их собственным желанием). Причем, по результатам этих же выборов, только 0,5–1% получивших право голосовать в другом месте этим правом пользуются.

Как же быть после этого с 99% населения, принявшими участие в голосовании? В дан-

* Т. к. далее рассматриваются только три группы, очевидно, еще за одну группу приняты лица, участвующие в „выборах”. — Р е д.

ном случае мы сталкиваемся в очередной раз с чудесами статистики. Дело в том, что лица, открепившиеся в своем избирательном участке, из списка вычеркиваются и списки снова остаются 100-процентными. Этих людей как бы не существует, хотя они существуют. Своеобразное применение идей Павла Ивановича Чичикова в масштабах всей России.

Вторую группу можно обнаружить непосредственно в день выборов. Как показывает наше обследование, она также соблюдает мимирию законности, но от участия в выборах уклоняется. Числящиеся явившимися на избирательный участок на самом деле туда не являются. Хотя в соответствии с законом избирательные бюллетени можно получать только лично по предъявлении документа, на практике многие избиратели это положение обходят. Распространение получило такое положение, когда один голосует за нескольких: сосед за соседей, мать за всю семью, знакомые за нескольких приятелей. Голосование за 3–4 человека весьма распространено. Подобная практика, по нашим данным, охватывает 30% избирателей, числящихся принявшими участие в голосовании. Последние три кампании показывают увеличение этой цифры.

И, наконец, нам удалось обнаружить еще одну (третью) массовую группу, не значущую в официальных статистических данных. Эта группа существенно отличается от двух названных выше. В нее входят люди, которые прямо, не таясь, уклоняются от явки на избирательные участки. В ходе обследования выяснилось, что в нее входят не единицы, а 8–10% общего числа избирателей. Именно такое количество избирателей в среднем к концу времени голосования на избирательные участки не является. И эта группа исчезает — она игнорируется в статистических отчетах. Послать такой процент отсутствующих „наверх” избирательная комиссия, как правило, не решает. После окончания голосования все избирательные бюллетени должны отправляться в районный совет. Перед отправкой нехваткающее число бюллетеней нередко подкладывается, что, в общем-то, встречает понимание „инстанций”. Как тут не вспомнить опыт Луи-Наполеона, который придумал такой порядок, когда хранителем всех бюллетеней во время выборов был местный префект. После этого „хранения” результаты были всегда одинаковы — в пользу императора.

Манера, присущая третьей группе, в наших условиях не может получить слишком большого распространения — велики возможности давления на избирателей. В нее входят лица, не интегрированные в систему, слабо поддающиеся контролю государства.

Сама система подсчета голосов исходит из необходимости соблюдения определенного, фиксированного 1—2-процентного максимума проголосовавших „против” и не явившихся голосовать. Способов реализации этой установки несколько. После окончания голосования избирательная комиссия торжественно удаляется в отдельную комнату, достают из урны бюллетени и затем их... вообще не считают, а увязывают в пачки и отправляют в районный совет, где их тоже никто не считает. А протокол голосования заполняется в соответствии с „установкой”, независимо от результатов голосования и задолго до окончания выборов. Так действуют наиболее опытные комиссии. В других случаях голоса подсчитываются и затем подкладывают недостающие бюллетени (не пришедших голосовать). Если кто-либо в комиссии проявляет педантизм и требует реального подсчета голосов, то его в следующий раз в избирательную комиссию не включают.

Наше обследование неправильно истолковывало так, что большинство населения СССР настроено антиправительственно. Это не так. Оно показало только, что государственные представительные учреждения в СССР доверием не пользуются. Если почти половина населения не участвует в выборах* (а именно это показывает наше обследование), то их правомочность вообще выглядит сомнительной. (...)

(Данная статья подписана от имени „Марксистской общественной группы 68/80”. В соответствии с взглядами авторов, вторая часть статьи исходит из тезиса, что „В Советской России в первые годы ее существования в условиях однопартийности существовал период, когда сохранились элементы представительной демократии”, и лишь „злой” Сталин искажал в общем правильную социалистическую модель, которая, по мнению авторов, вовсе не обязательно должна была привести к тоталитарному режиму. Мы считаем, что этот тезис (типичный для социалистов, различных „нео”-марксистов, коммунистов и др. подобных левых течений) не выдерживает критики и давно опровергнут как в теории, так и на

практике. Поэтому мы вторую часть статьи не печатаем, считая ее неинтересной.

Однако мнение авторов о разнице между так называемым (отсутствующим) „морально-политическим единством советского общества” и патриотизмом нам показалось заслуживающим внимания; приводим его ниже.)

В заключение нам хотелось бы коснуться известного тезиса о морально-политическом единстве советского общества. Для его доказательства довольно часто используются два момента: 1) ссылки на результаты выборов, 2) ссылки на победу советского народа в Великой Отечественной войне. Несостоятельность первого тезиса показана в проведенном нами обследовании. Что касается второго фактора, то при всей его значимости нельзя забывать и того, что войны русские выигрывали и раньше, до установления советской власти. Отечественная война 1812 г. была выиграна, когда армия состояла из крепостных крестьян, в условиях отсутствия морально-политического единства общества.

Кризисные явления в социализме не связаны прямо с кризисом патриотизма. В связи с этим неправильно, нам кажется, рассматривать трудности, которые испытывает советский человек при социализме, под углом зрения ослабления его воли к защите Отечества. Это — ошибка, которую, к сожалению, допускают многие западные политики. Кризис социализма — это еще не кризис идей государственности и национализма.

Г Р А Н И

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВА, НАУКИ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Читайте в № 129

ПОЭЗИЯ

Ирина РАТУШИНСКАЯ — Стихи
Ростислав ВОГАК — Из стихотворений 1977-82 годов

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Мария ШНЕЕРСОН — «Правило последних вершков»
(О романе А. Солженицына «В круге первом»)

ВОСПОМИНАНИЯ

Аркадий СТОЛЫПИН — В Елагинском дворце

ДОКУМЕНТЫ

Н. В. САВИЧ — Воспоминания. Часть II. Государственная Дума накануне и во время войны

ПУБЛИЦИСТИКА

В. БОНДАРЕНКО — Размышления о послебывшей России

БИБЛИОГРАФИЯ

Д. Поспеловский — Размышления над работой М. Фешбаха
Н. Росс — Восемнадцатый год на Урале и в Прикамье

* В странах западной демократии от участия в выборах уклоняется в среднем 20—25% избирателей, однако, чем важнее выборы — тем больше процент участвующих. — Р е д.

Накопление катастроф

А. ЮГОВ

15 сентября в Днестр, считавшийся до этого самой чистой рекой в европейской части страны, хлынуло 4,5 миллиона кубометров „рассола”. Этим, столь приятным для многих советских читателей словом, специалисты называют продукты технологической переработки калийных солей. Жидкий „рассол” Стебниковского завода (возле Дрогобыча) и его обогатительной фабрики имел очень высокое содержание солей: 250 граммов на литр. „Это жесткая, сжигающая все живое среда” — признает министр мелиорации и водного хозяйства СССР Н. Васильев. Прорвав земляную (!?) плотину, этот „рассол” хлынул в брешь длиной 60 метров и высотой 14 метров.

„Сначала шла мощная волна высотой до шести метров. Ударившись о полотно железной дороги, она снесла 400 метров колеи. Сбавив здесь свою высоту и гидравлическую силу, рассол устремился дальше, к Днестру”.

По дороге „рассол” затопил две реки, накрыл около 200 гектаров колхозных полей и приусадебных участков, разрушил жилые дома и производственные постройки в селе Раневичи. За две недели солевой поток прошел 500 километров по Днестру, до плотины Ново-Днестровского водохранилища. Здесь задержалось около миллиона тонн солей.

„Изумительно чистая пресная вода стала более соленой, чем самая соленая морская... Отключалась ее подача в населенные пункты, на предприятия... От переизбытка соли в реке были случаи, когда погибали коровы и птицы. По данным Минрыбхоза СССР погибло 920 тонн товарной рыбы и 1 300 тонн молоди. Уничтожено много водорослей, питательных для рыб, — на их восстановление потребуются годы и годы”.

Не будем, однако, пересказывать все последствия этой жуткой катастрофы, для ликвидации которых понадобилась „координация усилий двух республик — Украины и Молдавии”. Желающие узнать дополнительные подробности могут обратиться к газете „Известия” от 27 октября 1983 г. В ней под заголовком „Выброс” напечатано интервью

с указанным министром Васильевым, который одновременно назначен председателем правительственной комиссии по ликвидации последствий аварии, вызвавшей загрязнение Днестра.

Однако стоп. Почему только 27 октября? Почему первое сообщение о столь тяжелой по последствиям катастрофе появилось лишь через 1,5 месяца после самой катастрофы? Ответ на этот вопрос нетрудно вычитать из „Известий”: поползли слухи, что в таких городах, как Кишинев и Одесса, совсем отключены водопроводы. И слухи эти достигли заграницы (самое страшное!). А Кишинев и Одесса, по утверждению Н. Васильева, по-прежнему получают хорошую воду, правда, „несколько меньше, чем раньше”. Министр делает хорошую мину:

„Известно, что слухи возникают тогда, когда нет ясной и точной информации. А это уже в первую очередь ваша забота, работников прессы. Утаивать же здесь нечего. Охрана природы, всей окружающей среды невозможна без широкой гласности”.

Абсолютно прав тов. Н. Васильев! Вот только советская практика прямо противоположна этим красивым заявлениям. Если бы подобная катастрофа случилась в любом некоммунистическом государстве, включая страны с авторитарным правлением, то сведения о ней уже назавтра были бы во всех газетах, а все средства массовой информации неделями бы обсуждали причины катастрофы, докапываясь до корней случившегося.

Разумеется, катастрофы и серьезные аварии случаются и на Западе. Более того, у непривыкшего читателя и телезрителя создается впечатление, что ежедневная жизнь на Западе буквально пронизана катастрофами и авариями. „Хорошая новость — не новость, лишь плохая новость интересна читателю, слушателю или телезрителю”, — вот принцип западных средств массовой информации. Однако можно с уверенностью сказать, что подобной катастрофы в свободной стране произойти не могло. Почему? Прочитаем опять министра Н. Васильева:

„Дважды — в декабре 1982 года и в мае нынешнего (1983 — А. Ю.) года — органы государственного надзора систем Минводхоза СССР и Госгортехнадзора требовали улучшить состояние плотины. Но эти требования остались невыполненными”.

Можно себе представить, что было бы, если бы сведения об угрозе подобной катастрофы попали в независимую прессу! А они бы обязательно попали: в свободных странах в прессу обращаются порой даже быстрее, чем к прямому начальству. Какой шум, какое возмущение поднялись бы по всей стране! Да исходи подобная угроза от самого архиважного и ультрагосударственного предприятия, — его бы прикрыли немедленно. О частных фирмах и говорить нечего. Катастрофа на Западе может произойти, если частная фирма производит опасные и противозаконные действия в строгой тайне от общественности — как это было, например, с экологической катастрофой в Севезо (Италия). Но чтобы угроза катастрофы открыто нарастала, чтобы специалисты об этом знали и ничего не могли поделать, — нет, такое невозможно.

В этом — первая причина незащищенности населения тоталитарной страны от подобных катастроф. Только независимая пресса может служить надежным гарантом. А в основе независимости прессы, или, скажем шире, средств массовой информации, может быть только *политическое разделение властей*. Сегодня в свободном мире сама пресса уже как бы стала властью — информационной властью, ничуть не меньшей по силе, чем, допустим, судебная власть. И даже в странах с авторитарной системой правления и информационной, и судебная власти обладают высокой степенью независимости, особенно во внутренних вопросах экономического или экологического характера.

Но еще важнее другой гарант, другой блокировочный механизм, предохраняющий общество от возможности подобных ужасных катастроф. Я бы назвал это *экономическим разделением властей*.

В самом деле, зададим вопрос: почему не сработали двукратные требования Гостехнадзора? Каковы психологические основы принятия руководящих решений в подобных конфликтных ситуациях?

Чтобы предотвратить назревающую катастрофу, нужно, как минимум, прекратить подачу новых порций „сжигающего все живое” рассказа. То есть на неопределенное вре-

мя остановить предприятие. Кто может взять на себя ответственность сорвать государственный план? Ведь „государственный план — закон для предприятия”, а также для треста, главка, министерства. Нужна ли в действительности выпускаемая продукция или не нужна — никакой роли не играет. Удобрения, выпускаемые Стебниковским заводом, могут потом в колхозах мокнуть под открытым небом или втаптываться в грязь — это неважно. Тот, кто из своекорыстных соображений или страха перед начальством не хочет остановить работу своего предприятия, все равно будет доказывать, что такая остановка — катастрофа для десятков потребителей его продукции. Да и что делать с рабочими? Ведь в Советском Союзе нет страховочных пособий по вынужденной безработице.

В таких условиях нечего удивляться, что никто не хочет взять на себя ответственность решения. Кто может доказать, что катастрофа обязательно произойдет и что он не выступает в роли паникера и перестраховщика? Поэтому и будут отфутболивать решение ко все более высокому начальству. А то, в свою очередь, — страховаться созданием комиссий. Пока не произойдет катастрофа.

Свободная рыночная экономика демонстрирует нам иной механизм принятия решений. Местные, муниципальные власти, получив подобный сигнал от специалистов, немедленно прикроют опасное предприятие. То, что при этом соответствующая фирма может обанкротиться, их мало волнует: хозяева фирмы должны были думать раньше. Отрицательные последствия такого закрытия для самих местных властей (уменьшение дохода от налоговых сборов, увеличение квоты безработных и пр.) несопоставимы с последствиями возможной катастрофы. Решения на закрытие от Центра, как правило, не нужно: муниципальные власти обладают высокой степенью автономности решений. Если же таковое почему-либо нужно, то из тех же соображений оно будет немедленно получено. Никакой беды для заказчиков закрывшегося предприятия не будет: в дело быстро „впрыгнут” его конкуренты, лучше предусмотревшие и надежнее решившие проблемы экологической безопасности.

Благотворным „блокировочным механизмом” представляется в данном примере автономность, независимость местных властей. Но не менее благотворным может быть и обратное явление: независимость предприятия

от местной или центральной власти. Это хорошо видно на примере недавней катастрофы в Чукотском море.

Как она произошла? В конце сентября тяжелые льды близко подошли к материку на протяжении от устья Колымы до Берингового пролива. Суда могли проходить лишь по узкой ниточке воды между льдом и суровым Айонским массивом. 3 октября, надеясь на благоприятный прогноз, Москва отдала приказ каравану идти на Запад. Однако уже 5 октября налетевший северный ветер начал гнать льды на караван. Суда и сопровождавшие их ледоколы оказались в ледовой западне. Более десяти ледоколов, в том числе атомоходы, оказались бессильными против тяжелых арктических льдов. В результате затонул теплоход „Нина Сагайдак“, едва не затонул теплоход „Коля Мягوتين“, а десятки других получили повреждение. Многомиллионные убытки, но зато „героическая борьба за спасение моряков“, демонстрировавшаяся даже по телевидению. (Если уж нельзя замолчать многодневную катастрофу, то надо снять с нее „навар“ героики).

События осени 1983 года — отнюдь не исключения, разве что по масштабам. Суда Северного морского пути были сильно покоряжены в результате ледовой навигации и в 1977, и в 1981 годах. Каждый год навигация в Арктике сопряжена с огромным риском для жизни людей, не говоря уже о больших убытках.

„Но вопрос — идти или не идти в Арктику, даже при самых сложных навигационных условиях, — не стоит. Конечно, идти! Только морем можно завезти северянам все необходимые грузы. На долю авиации приходится здесь ничтожная их часть.

Другое дело, что эти грузы поступают в порты не всегда ритмично, и, как правило, в неудобном для перевозок виде. От этого затягиваются сроки погрузки и выгрузки, ухудшается качество продукции...”

(Заявление заместителя начальника Главного управления эксплуатации флота и портов Б. Черепанова, „Известия“, 12 октября 1983 г.)

Ну, а если бы Северный морской путь обслуживался частными компаниями, пошли бы они на такой дико неоправданный риск? Разумеется, нет, ни в коем случае. И никто — ни обком, ни министерство, ни Госплан, ни Совет министров — их бы не заставил. У их заказчиков, взявшихся разрабатывать богатства Чукотки и вообще Севера, остался бы

единственный выход: поставлять и принимать грузы строго ритмично, в обусловленный срок. Это бы вызвало их требование к грузоотправителям поставлять грузы исключительно в контейнерах, удобных в условиях Севера. Это бы, в свою очередь, вынудило различные грузоотправительные компании заказывать в следующих фирмах специальные контейнеры... и т. д. Цепочка разматывается до полной технологической сстыковки, в основе же такой размотки — принцип автономности решений исходя из наилучшего соотношения между выгодой и риском. То есть опять-таки принцип экономического разделения властей.

Катастрофы и аварии при освоении труднопроходимых районов Севера (а навигационные — не единственные из них) отнюдь не случайны. В основе их лежит чисто социалистический характер освоения: „Давай-давай! Быстрее!! Государственный план — закон!!”.

Американцы тоже осваивают Аляску, а канадцы — север своей страны, но ничего похожего там не наблюдается. Потому что освоением Севера там занимаются частные фирмы, руководители которых по своей функции обязаны думать, предвидеть и рассчитывать, а не смотреть в рот вышестоящему начальству. Уже начиная какое-то дело, они должны знать — как, какие грузы и по каким дорогам они будут транспортировать. Там невозможна типичная для советского „освоения” ситуация, когда сначала строят, а потом думают: а как мы будем туда добираться? а как транспортировать грузы?

В статье „Суровый лик Арктики” („Известия”, 30 октября 1983 г.) владивостокский корреспондент „Известий” А. Пушкарь очень осторожно касается первопричин происшедшей в Чукотском море катастрофы. Он обратился к крупнейшему знатоку Северо-востока академику Н. А. Шило, возглавляющему Дальневосточный научный центр. Напомнив, что на Чукотке в последние годы открыты крупные месторождения металлов и угля, которые, безусловно, будут разрабатываться, корреспондент пишет:

„...академик давно уже ратует за развитие дальневосточных транспортных артерий. Еще несколько лет назад выступал в „Известиях” со статьей „Где сходятся дороги”, в которой говорил, что нужно строить крупный порт на северо-западном побережье Тихого океана и автотрассу, которая связала бы его с горнорудными районами Чукотки, что надо создавать комбинированные магистрали круглогодичного действия...”

„Нужно”, „надо было”, „еще несколько лет назад говорил”... Почему же не строят? Почему такая практика все время повторяется? Корень один — отсутствие автономности экономических решений, которые только в этом случае становятся наиболее целесообразными, выгодными и безопасными.

*

Учащаются катастрофы в стране. Экономические, экологические, просто катастрофы, связанные с большим числом человеческих жертв. О некоторых становится известно сразу, большинство же удается скрыть, и слухи о них, часто искаженные и преувеличенные, просачиваются через плотину замалчивания. О некоторых становится известно только через несколько лет. Вот список наиболее серьезных катастроф (о которых нам стало известно) лишь за последние полгода.

В июне на Волге налетел на железнодорожный мост теплоход „Александр Суворов”; погибло более 170 человек.

В июле явно произошла какая-то катастрофа на волгодонском заводе „Атоммаш”. „Правда” сообщила о „грубых нарушениях при проектировании, строительстве и эксплуатации”, „Атоммаша”; на виновных (в чем?) „наложены строгие взыскания”. 19 июля 1983 г. образован Госкомитет СССР по надзору за безопасным ведением работ в атомной энергетике.

В августе поднята на поверхность затонувшая у берегов Камчатки советская атомная подводная лодка. Экипаж ее — примерно 90 человек. Об этом сообщило... министерство обороны США.

В сентябре произошел взрыв на космодроме Байконур: во время старта взорвалась ракета-носитель. При автоматическом катапультировании три космонавта получили ранения. Лишь через 1,5 месяца космонавт К. Феоктистов в интервью западным корреспондентам „признал” происшедшую катастрофу.

В октябре более 30 судов были повреждены в результате недельного ледового плена в Чукотском море. Видимо, из-за растянутости по времени эту катастрофу замолчать не удалось.

В начале ноября возле берегов Америки терпела бедствие атомная подводная лодка. Из кубинского порта Сьенфуэгос ей навстречу вышла плавбаза советских подлодок.

Подробности неизвестны. Сигналов бедствия подлодка, естественно, не давала...

Столь частые катастрофы нам представляются отнюдь не случайными. Отсутствие экономического разделения властей ведет и к отсутствию оптимальных, наиболее взвешенных и безопасных решений. А отсутствие политического разделения властей и, как следствие, независимой прессы ведет и к отсутствию своевременной профилактики. Иными словами, отсутствуют элементы саморегуляции системы.

В то же время, система эта непрерывно в движении, и ход ее не замедляется. Наоборот, и масса, и обороты ее все время возрастают. Принцип социализма „Давай-давай! Быстрее! Государственный план — закон!” не может нарушить никто, от рабочего до генсека. Накладываясь на естественное старение компонентов системы — оборудования, технологических процессов, субъективных человеческих факторов (усталость, незаинтересованность, формализм и т. п.), — отсутствие ее саморегуляции создает предпосылки для все более частых катастроф. Система предстает как бы в виде перетянутого механизма, а частые катастрофы — в виде сорвавшихся от перетянутости гаек.

„Рассол” катастроф непрерывно накапливается. Какую бы вокруг ни воздвигала власть плотину замалчивания, земляную, бетонную или стальную, — это не поможет. Это может лишь на время создать иллюзию благополучия и стабильности, но бороться с первопричинами катастроф такая „плотина замалчивания” мешает. По-настоящему бороться с первопричинами катастроф можно только введением элементов саморегуляции.

«ВАХТА»

Газета для моряков торгового и рыболовного флота, портовых рабочих и служащих морских профессий

„ВАХТА” предназначена для распространения среди советских моряков в западных портах. Издатель газеты — Комитет трудовой солидарности, созданный по инициативе НТС. В Комитет входят и советские моряки — как попавшие в эмиграцию, так и плавающие под советским флагом. Цель газеты — главным образом добиться улучшения материального и правового положения моряков советского флота.

Адрес редакции „ВАХТЫ”:
Postfach 1735, D-6380 Bad Homburg, West Germany.
Для распространения газету просим заказывать у
А. А. Кандаурова по адресу издательства „Посев”.

О возможности экономической реформы в СССР

Дмитрий МИХЕЕВ

Двенадцать лет назад следователь упрекнул меня в том, что я не читал советских газет. Теперь он должен быть мной доволен: в эмиграции я почти ежедневно читаю советские газеты, в особенности их первую и вторую страницы, которые раньше не мог заставить себя открыть.

Четыре темы доминируют на этих страницах: продовольственная проблема, дисциплина, качество и транспорт. Пытаясь понять происхождение этих проблем, неизбежно приходишь к выводу, что все они начинаются и заканчиваются склеротичностью инфраструктуры. Но она же является и главным препятствием на пути перестройки директивной экономики на рыночное регулирование. Я хочу с этой точки зрения рассмотреть различные варианты реформы и внести посильный вклад в дискуссию на страницах „Посева”*

Мне представляется, что можно выделить четыре основных подхода. Первый предусматривает расширение приусадебных участков и разрешение частного предпринимательства на уровне обслуживания и мелкой торговли. Второй — переход к единоличному сельскому хозяйству и мелким предприятиям. Третий — отстройку параллельной рыночной экономики и постепенное расширение числа предприятий, в нее вовлеченных. Постараюсь доказать, что ни один из этих путей не эффективен, либо неосуществим. Я предлагаю четвертый путь: одновременный частичный переход всех предприятий страны на рыночные отношения между собой и потребителями, а затем и с государством.

Поскольку продовольственная проблема становится критической, все варианты так или иначе начинаются с сельского хозяйства.

46 тысяч колхозов и совхозов страны, которые я буду для краткости называть просто колхозами, имеют каждый в среднем 4,5 тыс. га обрабатываемой земли, 500 человек рабочей силы и 1 200 жителей. Колхоз — это центральная усадьба, на которой живет

80% трудоспособного населения, и десятка полтора деревенек. В центральной усадьбе — правление колхоза, почта, школа, больница, магазины, автобусная станция и большинство капитальных сооружений: электроподстанция, мастерские и т. п. Центральная усадьба связана с райцентром телефоном и дорогой. Колхоз, таким образом, построен по той же схеме, что и вся советская империя: здесь своя „столица” и своя „провинция”. Жители „столицы” во многих отношениях привилегированы. Жители „провинции”, в особенности молодые, всячески стремятся в „центр”. Это стремление стало важнейшей особенностью образа жизни и психологии крестьян. Всякая реформа должна иметь ее в виду: нельзя приглашать крестьян к жизни, которая в их глазах ассоциируется с вчерашним днем.

С точки зрения технической оснащенности средний колхоз имеет 20—30 комбайнов, 70—80 тракторов, 60—70 грузовых 3-тонных машин и сеялок, жаток, культиваторов и пр. Вся эта техника громоздка, неэкономична и узкоспециализирована. Кроме того, 60% ее не работает. Пятая часть рабочей силы колхоза — это „специалисты”: механизаторы, агрономы, зоотехники и т. п. Вместе с бригадиром, учетчиками, бухгалтерами это составляет около трети работоспособных колхоза. Остальные — преимущественно женщины без каких-либо специальных знаний или профессий.

Теперь, допустив, что никаких политических препятствий не существует, рассмотрим возможные варианты реформ.

1. Расширение приусадебных участков

Многим это кажется самым простым и безболезненным решением проблемы. Всегда указывают на поразительный факт: на 3% обрабатываемой в стране земли выращивается 60% картофеля и 95% укропа. Отсюда, якобы следует, что производительность крестьянки, с ее тяпкой и лопатой, в 20 раз выше производительности колхозника со всеми его тракторами. Почему же не позволить крестьянам иметь в 2—3 раза большие участки?

* Предыдущие статьи на эту тему см. в №№ 4 (важная поправка в № 11), 8, 9, 10, 12 за 1982 г.; №№ 1, 2, 4, 9, 10, 11 за 1983 г.

Надо сказать, что за последние 6 лет партия приняла целый ряд постановлений, поощряющих производство на приусадебных участках. Последнее из них даже разрешает держать лошадей, не говоря уже о коровах. Но несмотря на это продукция приусадебных хозяйств неизменно сокращается, что заметно и по тому, как опустели рынки в больших городах.

Приусадебные хозяйства так же далеки от частно-собственных ферм, как вязание бабушкой рукавичек — от частной трикотажной фабрики. Десятки миллионов людей занимаются своим приусадебным хозяйством не из любви к земле, а из необходимости обеспечить себя минимумом продуктов, которые государство отказывается им поставлять. Приусадебные участки являются жестокой необходимостью, тяжкой повинностью. В век агропромышленности — с ее компьютерами, роботами и генной инженерией — каторжный ручной труд уже сам по себе унижен для человеческого достоинства. Его производительность столь же низка, как и 5 000 лет назад. Подчеркиваю — производительность, а не урожайность. Последняя может быть достаточно высокой, но даже она, вероятно, ниже урожайности на американских фермах, где применяются пестициды, особые гибридные сорта и специальные удобрения. Если же мы хотим открытого общества, значит наше сельское хозяйство должно будет конкурировать с американским.

Если кто-то думает, что от приусадебных участков можно перейти постепенно к частным хозяйствам, он жестоко ошибается. Последнее не есть приусадебный участок, увеличенный в 10 или 100 раз. Между ними принципиальная разница. Одно дело производить для себя, другое — для потребителя. Одно дело копать картошку лопатой, другое — содержать и управляться с целым арсеналом машин и механизмов, владеть специальными знаниями.

В 1980 году Китай пытался разрешить свои продовольственные трудности путем доведения доли земли обрабатываемой в приусадебных хозяйствах, до 15% от всей обрабатываемой в стране земли. Результатом было падение сельскохозяйственного производства.

Приусадебными хозяйствами сейчас выгодно заниматься только пожилым людям, освобожденным от работы в колхозе и имеющим доступ к городскому рынку.

2. Переход к единоличному хозяйствованию

Часто ругают немцев за то, что они во время оккупации не начали немедленно роспуск колхозов. Однако технически распустить колхозы было невозможно, так как мужиков в деревне почти не осталось, а поголовье лошадей в целом по стране составляло лишь четверть уровня 1929 года. Немцы, которые остро нуждались в продовольствии для армии и изнемогавшей от напряженности промышленности, немцы, которые не хуже нас знали преимущества фермерского хозяйства, понимали, что с колхозами придется какое-то время мириться.

Как это ни странно будет звучать, но с тех пор в основе своей ситуация в деревне мало изменилась, и реформатору пришлось бы столкнуться все с теми же проблемами транспорта, инфраструктуры, кадров, финансирования, налаживания отношений между производителем и потребителем. Сразу же отмечу, что такие проблемы, как трудолюбие, честность, частнособственнические инстинкты и пр. — не самые важные. Даже проблема кадров является второстепенной и состоит не в их отсутствии, а в их рациональном использовании. Я глубоко убежден, что знаменитая „русская лень“ не закодирована ни в наших генах, ни в нашей религии. Точно также и честность является результатом среды. В большинстве случаев люди перестают врать, когда к этому нет необходимости, и воровать, когда это не нужно. Мне кажется, что проблема реформы в СССР упирается не в морально-этические, а в политические и сугубо технические проблемы. И первая из них — отсутствие инфраструктуры, проблема транспорта.

Положим, нашлись бы сильные семьи, которые пожелали бы выйти из колхозов и начать возделывать собственный надел земли. Первое, в чем они будут нуждаться, это маленькие грузовички-вездеходы грузоподъемностью в 700–800 кг. Колхозные грузовики слишком велики, неэкономичны и дороги, чтобы быть универсальным средством передвижения для единоличника. То же самое относится к механизации. 150-сильные тракторы, комбайны с 6-метровым захватом и прочая подобная техника совершенно неприменима в единоличном хозяйстве, даже если бы удалось найти способы ее финансирования и распределения (техника, рассчитанная на лошадиную тягу, практически исчезла). А кооперативное пользование техни-

кой — это все тот же колхоз со всеми его болезнями.

Далее: проблема качества машин, их ремонта и обслуживания. В настоящее время в колхозе „на ходу” находится не более 40% техники. Практически ни один трактор, грузовик или комбайн не может работать, сойдя с поточной линии, а тем более по прибытии в колхоз, ибо, помимо заводских недоделок и брака, они будут еще ободраны на своем долгом пути следования. Они доделываются колхозными механизаторами, но и после этого работают до первой поломки в среднем 8,5 часов. (Для примера: американские тракторы работают до первой поломки в среднем 300 часов). Поэтому вспашка продолжается 25 дней вместо 10, посев 7 вместо 3, уборка зерновых 27 дней вместо 8. Четверть зерна поэтому остается на поле, а 40% собранного имеет повышенную влажность.

Качество техники настолько низкое, а плановое обеспечение запасными частями настолько неэффективно, что практически с каждым трактором и комбайном посылается другой — в качестве полного комплекта запасных частей. В 1980 г. в СССР селу было поставлено в 1,5 раза больше тракторов, чем всего произвели США. Сейчас в среднем колхозу поставляется ежегодно 8 новых тракторов и 6 грузовиков, однако строится 14 новых и реконструируется свыше 100 старых заводов сельхозмашиностроения. Советское руководство продолжает накачивать сельское хозяйство техникой: в текущей пятилетке на эти цели намечено израсходовать в 2,2 раза больше средств, чем в предыдущей...

Даже в идеальных условиях очень мобильной промышленности типа американской понадобилось бы 5—7 лет, чтобы перестроиться на небольшие, универсальные и экономичные сельскохозяйственные машины. Закупать в колоссальных количествах такую технику за границей будет не на что на протяжении многих лет. Конечно, радикальная реформа, которая открыла бы двери для западных предпринимателей, могла бы немного облегчить ситуацию путем привлечения капиталовложений из западных стран, но такая огромная страна, как Россия, не может опираться на импорт техники, даже если бы было чем за нее платить.

Таким образом, массовый переход к единому сельскому хозяйству возможен только после перестройки машиностроения на производство другой и качественной тех-

ники, а также после создания ремонтной базы в сельской местности. А это невозможно без перестройки всей промышленности на другие отношения. Ясно ведь, что единоличники не смогут достаточно эффективно вести хозяйство без электричества и артезианского колодца. Для этого либо вся энергетическая система страны должна быть разинтегрирована на независимые электростанции и переведена на рыночные отношения, либо должно быть налажено производство огромного количества маленьких генераторов, насосов и пр. Второй вариант кажется более практичным. Однако он повлечет за собой значительное увеличение потребления дизельного топлива. Энергетическая проблема связана непосредственно с транспортной.

Единоличное хозяйство не может быть связано с потребителем посредством громоздкого и перегруженного железнодорожного транспорта с его 60-тонными вагонами. Продукция сегодня гибнет в огромном количестве во время бесконечных перевалок и складирования. Поскольку во время дальних перевозок ответственные за грузы меняются множество раз, воровство принимает масштабы бедствия. Советские газеты полны невероятных историй: за полгода порт Находка недополучил 6 000 вагонов только под зерно, а из полученных 1000 были совершенно негодными. Завод „Уралкалий” простаивал 2 месяца из-за отсутствия вагонов. Целые поезда стали пропадать — их воруют другие ведомства, чтобы отгрузить свою продукцию. Завод „Гомсельмаш” не может отправить потребителям около 5000 комбайнов, „Белинсксельмаш” — около 2000 сенокосилок и т. п. Техника стоит месяцами под открытым небом, ржавеет, разукрупняется. В результате — „почти каждая четвертая хлопковая сепалка возвращается „Узбексельмашу” и каждый третий комбайн — красноярскому комбайновому заводу, а груды драгоценного (читай купленного за валюту) зерна лежат вдоль дорог на километры от порта Находка”.

Такой транспорт будет одним из главных препятствий на пути децентрализации. Без прямой связи между производителем и потребителем, то есть без автотранспорта, децентрализация невозможна. Для этого нужны дороги, надежные машины и горячее. Но уже сейчас в стране чувствуется нехватка горячего: карагандинское грузовое управление в 1982 г. не перевезло около 2 млн. тонн грузов из-за нехватки бензина, сотни грузо-

виков Северной автобазы в Киргизии стояли 2 месяца и не перевезли 1,1 млн. тонн грузов, а всего Киргизия в 1982 г. недополучила 50 000 тонн горючего. А ведь добыча нефти в будущем практически не будет расти — СССР недавно предупредил об этом своих партнеров по СЭВ.

Только переход на рыночные отношения энергетической промышленности и системы распределения может вернуть хозяйству большую часть тех 57% энергии, которые сейчас, по признанию Байбакова, растранижаются.

Но и этого мало. Для того, чтобы у крестьянина появился стимул зарабатывать больше денег, надо, чтобы он на них мог купить качественные товары. Сейчас у него такого стимула нет. Механизаторы на селе уже сейчас зарабатывают 250—270 рублей в месяц — больше, чем рабочие в городе — но купить на эти деньги нечего. А они хотят к тому же иметь водопровод, газ, туалет, ванну, стиральную машину, горячую воду, мощные дороги...

Без резкого увеличения производства потребительских товаров и бытовых услуг не может быть резкого увеличения сельскохозяйственного производства, даже если бы удалось создать нормальные условия труда. То есть, реформа должна охватить одновременно все отрасли экономики. Но, может быть, возможно выделить во всех сферах хозяйства полный набор предприятий и отстроить из них параллельную рыночную экономику?

3. Параллельная рыночная экономика

Этот вариант предлагает нью-йоркская группа (см. „П о с е в” № 4, 1982 г.). Помоему, он реализуем только в том случае, если мыслима отстройка системы, замкнутой не только экономически, но и социально-политически и даже территориально. Построить, так сказать, внутри Советского Союза — Австрию и вести с ней торговлю по всем законам международной торговли.

Любопытно, что именно такой эксперимент происходит вот уже три года в Китае — в так называемых „зонах свободного предпринимательства”. Китайское правительство выделило значительные территории возле Гонконга и в двух других местах и разрешило западным предпринимателям строить на них заводы, гостиницы и прочее, освободив их от налогов и взимая низкую арендную

плату. Все это в сочетании с дешевой рабочей силой и снабжением энергией и сырьем из Китая должно было привести к расцвету этих зон и резкому увеличению валютных поступлений Китая.

Поначалу новые возможности действительно вызвали энтузиазм среди западных, преимущественно гонконгских, предпринимателей. Однако уже чере год-два выяснилось, что имеются некоторые труднопреодолимые препятствия в сотрудничестве централизованно-планируемых и свободных предприятий. Оказалось, например, что рабочие „свободных зон” должны получать хотя бы часть зарплаты в твердой валюте и иметь доступ к свободному рынку потребительских товаров. Это было сделано, и тогда в свободные зоны хлынули не только западные товары, но и западные стандарты, западная культура, западная жизненная философия. Сотрудничать с государственными предприятиями Китая тоже практически оказалось невозможно из-за их страшной бюрократической неповоротливости, отсутствия личной ответственности, коррупции и т. д.

Китайское правительство оказалось перед выбором: либо вообще прекратить эксперимент, либо пойти еще дальше. Они выбрали второй путь. Отгородили свободные зоны от остального Китая и предоставили западным предпринимателям действовать по всем законам рыночной экономики. Пока что коммунистическое правительство сохраняет свою территориальную, административную и идеологическую власть над населением свободных зон, но уже и здесь возникают серьезные противоречия, которые почти наверняка закончатся созданием как бы расширенных „Гонконгов”. Впрочем, правительство может и национализировать предприятия свободных зон, но уже сейчас ясно, что параллельной рыночной экономике в Китае, даже столь автономной и опирающейся на западный рынок и опыт управления, не удастся сосуществовать с плановой экономикой.

Тем более трудно было бы отстроить параллельную рыночную экономику и заставить ее сосуществовать на одном транспортно-энергетическом каркасе с директивной экономикой в СССР. Поскольку параллельная экономика должна быть достаточно сильной, чтобы компенсировать хаос, который возникнет при переходе остальной части экономики на рыночную систему, она должна захватывать значительную часть производ-

ства и иметь достаточно времени, чтобы переболеть и укрепиться. Это значит, что, скажем, пятая часть всех предприятий должна перейти на рыночные отношения и сосуществовать с плановой в течение нескольких лет. Никакая социально-политическая структура не выдержала бы такой мучительной болезни экономики. Рабочие свободной, рыночной экономики должны будут иметь право на забастовки, на свободный выбор местожительства, на формирование своих профсоюзов и печатных органов, чтобы выражать свое мнение. Со своей стороны, предприниматели должны иметь полное право распоряжаться численностью персонала и финансами, то есть „создавать безработицу”. Кто будет кормить безработных?

Если пятая часть предприятий будет освобождена от плановой повинности, значит государство должно будет вступать с ними в рыночные отношения и покупать у них пятую часть необходимого ему сырья, оборудования, так как никто не снимет с него военных, международных и прочих обязательств. А как быть с военными цехами, которые имеются практически на каждом предприятии? Что, если предприятию невыгодно будет выпускать танки, а выгодно маленькие, универсальные тракторы? Одним словом, создать две совершенно независимых экономики на одной территории и в рамках одной социально-политической структуры невозможно, они будут не дополнять друг друга, а убивать.

С моей точки зрения, существует только одна возможность:

4. Одновременный частичный переход всех предприятий на рыночные отношения

Этот вариант не имеет ничего общего с ущербной реформой 1965 года, которая провалилась как в Советском Союзе, так и в Венгрии. В СССР ее вообще прекратили, а в Венгрии после всех мук пошли дальше, но и сейчас положение весьма скверное именно из-за частичности ее и непрекращающегося государственного вмешательства. Положение в венгерском сельском хозяйстве может казаться удовлетворительным только по сравнению с советским.

Грубо говоря, сущность варианта, который я предлагаю, заключается в узаконении „черного рынка”. То есть, следует позволить предприятиям делать то, что они уже сейчас полулегально делают: обмениваться

своими ресурсами и продавать на открытом рынке потребительскую продукцию, которую производит практически каждое предприятие. Первая стадия реформы не снимает даже плановых заданий с предприятий, но пускает в оборот огромные накопления, которые они имеют.

Всем хорошо известно, что для страховки себя от судорожного государственного снабжения все предприятия создали у себя на пару сот миллиардов рублей накоплений — сырья, запасных частей, оборудования. Вместе с тем, известно, что у населения скопилось не менее 200 млрд. рублей, на которые ему нечего купить. Эти материальные ресурсы и деньги должны войти во взаимодействие. Пусть план на основную продукцию останется прежним, но тот 1%, который в среднем они обязаны выполнять в виде потребительских товаров, с них следует снять: пусть продают эти товары прямо на рынке и сами приобретают необходимое сырье и оборудование для их производства.

Здесь сразу же возникает трудная проблема распределения этих богатств: как предотвратить присвоение их начальством? Государство не должно сюда вмешиваться, да и технически не сможет. Значит, рабочие и служащие должны с самого начала получить право участия в распределении и использовании этих средств. Это возможно через профсоюзы, если их роль „приводного ремня” сместится подлинной ролью защитника интересов рабочих.

Следующим этапом реформы может стать разрешение предприятиям продавать часть своей основной продукции (тех же самых тракторов и комбайнов) на рынке. Для тех предприятий, у которых основная продукция именно потребительская, второй этап будет означать просто замену части плана денежным налогом. В случае колхозов, например. Каждый из них имеет основную продукцию — чаще всего зерно, сахарную свеклу, хлопок и т. д. Кроме того они имеют план по сдаче овощей, фруктов, яиц и т. д. От поставок этих последних, „нестратегических” продуктов, их можно будет освободить на первом же этапе реформы. Пусть производят их, сколько могут, и продают на рынке. Пусть заключают прямые контракты с кооперативными и частными магазинами или обменивают огурцы на карбюраторы и насосы. Тогда и бабки Пелагеи, с их 50 сотками, вдруг станут нужны колхозу, ибо перепродав две тонны огурцов колхоз сможет при-

обрести дозарезу нужную ему коробку передач. Тогда погибающие сады какого-нибудь зерноводческого колхоза Кировградской области, которые дают тонну яблок с гектара, превратятся из тяжелой обузы в важнейший источник доходов.

Разумеется, „узаконить” — не значит просто закрыть глаза на эти сделки. Это означает признание права собственности предприятий и колхозов на „ликвидные ресурсы”, а в дальнейшем и на само капитальное оборудование. Нельзя с самого начала не признать, что узаконивается частная и кооперативная формы собственности. Государство не только не должно устанавливать цены, но должно исходить из цен, сложившихся в результате свободного обмена на рынке. Рабочие и крестьяне должны получить право выбирать руководство своих предприятий, исходя исключительно из его компетентности и честности. В свою очередь руководство предприятий должно иметь право увольнять рабочих и менять их зарплату исходя из интересов эффективности производства.

В сущности, провозгласив обязательным создание каждым предприятием и учреждением собственного подсобного хозяйства — в рамках „Продовольственной программы”, — партия предоставила еще больше полномочий директорам предприятий. Средства на подсобные хозяйства они должны „изыскивать” сами, строительные материалы и оборудование тоже. Директор превращается в подлинного царька, в распоряжении которого все: жилье, детский сад, зарплата, дом отдыха, бытовое обслуживание и продукты. Но, что самое главное, — государству еще труднее будет это контролировать. Директорам предприятий теперь позволяется заключать соглашения непосредственно с другими предприятиями, минуя центральные плановые организации. Государство закрывает глаза на то, что — в обход Госплана — предприятия, обмениваясь сырьем, оборудованием и продукцией, сами устанавливают цены, договариваются о сроках и транспорте. Любопытно, что „самые уважаемые, заслуженные и опытные хозяйственники” — это именно те, кто успешнее всего освоили механизм черного рынка, его своеобразный кодекс. Тут, например, важно понравиться, сдержать слово, найти индивидуальный подход.

И тем не менее, дистанция между рынком и „черным” рынком огромная. Один построен на честной сделке, другой — на воров-

стве и лжи. Один — на денежной основе, другой — на натуральном обмене. Первый довольно легко поддается учету: то, что ты продал, это твой доход, и ты с него платишь налог, но для твоего партнера — это расход, который списывается с дохода. Таким образом, двум дельцам трудно договориться и обмануть государство. В случае же „черного” рынка незаконен сам факт сделки. В ходе ее совершается целый ряд нарушений закона, подпадающих под 4—5 статей Уголовного кодекса, за которые государство может наказать, если ему это понадобится.

Таким образом, государство само поощряет ложь, но когда она принимает определенные размеры, становится его же жертвой. Например, планируется огромный химический комбинат искусственного волокна. Проектировщики, опираясь на данные ЦСУ считают, что сырья, добываемого в стране, для комбината более, чем достаточно. Комплекс построен, и тут оказывается, что сырья имеется только 30—40%. Остальное приходится закупать за границей.

Когда „ошибки” достигают 60%, а из оставшихся 40% продукции большая часть неудовлетворительного качества, тогда государству слишком трудно выполнять свои международные обязательства, которые, например, в виде экспорта и „помощи” составили в 1982 году 72 млрд. рублей. Собственное население можно дурить сколько угодно. Сказать, например, что мяса было произведено 56 кг на человека, и пусть недоумевают, почему нормы продажи в большинстве городов ограничены всего 12 килограммами. А вот с капиталистами это не проходит, даже из Третьего мира. Даже сателлитам и тем подавай настоящие, а не „бумажные” станки, сырье, нефть... Наступает такой момент, когда интересы верхушки, противоречат интересам среднего звена — всем этим директорам, заведующим, первым секретарям и прочим, которые находятся в заговоре против нее. Тогда она вынуждена будет либо сменить их, устроив новый 1937-й год, либо начать отступление.

Я не утверждаю, что такой момент уже настал, но со средним партийно-руководящим звеном надо будет что-то делать. Карательные меры могут взбодрить экономику: если выездная тройка расстреляет директора, то главный инженер сам пойдет грузить вагоны. Но если новый директор не получит права расстреливать каждого десятого начальника цеха, а последний — каждого деся-

того мастера и т. д., то уже через пару месяцев все вернется на круги своя. То есть, в настоящих условиях, чтобы быть эффективным террор должен быть беспощаднее сталинского. Ведь тот был морально-идеологическим: утверждали, что расстреливают носителей другой идеологии и морали. А сегодня в Советском Союзе у всех одна мораль, „все за“. Те, кого надо было бы расстрелять в первую очередь — плоть от плоти „свои“. Это вам не угрюмый крестьянин, у которого на лбу написано, что он „контрик“. Сегодняшний „враг народа“ улыбается, приветлив, радушен, приглашает в ресторан, он от чего угодно откажется, что угодно признает, он — „самый верный ленинец“...

Но даже если бы можно было воспроизвести атмосферу всеобщей подозрительности и страха, государство не сможет оседлать становящуюся все более непокорной экономику, в связи с неразрешимостью проблемы контрольных показателей.

Советские экономисты давно уже бьются над поиском оптимального числа контрольных показателей — своеобразных веревочек, дергая за которые, можно было бы заставить

двигаться экономику-марионетку. Увы, такого магического числа не существует, уже потому, что экономика постоянно усложняется по мере усложнения технологического процесса, который требует введения все большего числа контрольных данных. Однако, экономисты еще 20 лет назад единодушно согласились в том, что увеличение числа плановых показателей парализует экономику. Попытка уменьшить число показателей и была сущностью косыгинско-хрущевской реформы. Но уменьшение числа показателей приводит к тому, что предприятия начинают „гнать вал“ — то есть непригодную продукцию в больших количествах.

Поскольку технологический прогресс обратим и усложнение экономики, в частности удлинение производственной цепочки, неизбежно, то государству рано или поздно придется ввести один, универсальный показатель: рубль, который является поразительно эффективным контролером как количества, так и качества.

Вопрос только в том, удастся ли руководству сделать это сейчас, или придется это сделать после кровавых потрясений.

● РЕЛИГИЯ, ЦЕРКОВЬ

«Церковь может ходить по водам»

о. Владимир РУСАК

Горько видеть, как возглавление Русской Православной Церкви идет на компромиссы с силами зла и теряет авторитет в глазах верующих. Но это не вся Церковь. В нашей стране всегда звучал и голос тех священнослужителей, которые спасали авторитет Церкви, называя вещи своими именами. Сегодня среди них — диакон Владимир Русак. Он окончил Московскую духовную академию, долгое время работал в редакции „Журнала Московской Патриархии“, в 1980 г. был уволен в связи с написанием книги „Свидетельство обвинения“ об истории русской Церкви после 1917 г. (рукопись находится в изд-ве ИМКА-Пресс). После увольнения о. Владимир был переведен в г. Витебск, однако в 1983 г. ему вообще запретили служить — за произнесение проповеди, заключительную часть которой мы печатаем ниже. После нее следует отрывок из открытого письма о. Владимира делегатам VI Генеральной ассамблеи Всемирного совета Церквей в Ванкувере (где оно не было оглашено в результате протестов советской делегации).

(...) Мир с этого момента (с распятия Христа. — Р е д.) разделился на две части: верующих во Христа и не верующих в Него. Меч разделения, который Христос Собой принес в мир, обоими остриями оказался обращенным в сторону христиан. Полилась их кровь. Почти три века жесточайших гонений только за то, что люди уверовали в распятого Христа. Тысячи и десятки тысяч мучеников, имена которых заполняют месяцеслов нашего календаря.

Но Церковь нельзя уничтожить мечом. Ее вообще нельзя уничтожить. Мученики оказались незыблемым фундаментом, на котором выросло прекрасное церковное здание.

А потом было другое время. Вместо пещерных храмов — роскошные храмы-дворцы, вместо убогого убранства — украшенное драгоценными металлами и камнями, вместо гонений — почести и слава. Но именно с этого времени, как ни странно, Церковь по-

теряла самое дорогое, что она имеет, — внутреннюю духовную красоту и привлекательность. Вернее, она не потеряла ее, а за внешним блеском ее стало трудно видеть. За Церковью, Невестой Христовой, как сказал один учитель Церкви того времени, стали ухаживать не из-за ее духовных качеств, а из-за богатых внешних нарядов.

И с Русской Церковью произошло то же самое. В ее фундаменте заложены тела святых мучеников Бориса, Глеба и Игоря, а дальше — та же внешняя роскошь, за которой всегда трудно усмотреть внутренние достоинства. Девять с лишним веков безбедного существования. Но, видимо, недостаточного оказалось жертвы трех мучеников, чтобы Церковь оставалась обществом спасаемых, а не ведомством государственного аппарата, какой она фактически была в последние два столетия.

И вот здесь не случайно совершается наша революция. Она, как ни странно, оказала огромную услугу Церкви. Вас, видимо, корбит такое утверждение, но я сейчас постараюсь объяснить.

Революция и наша нынешняя власть подняли с задворков тот самый меч, который много веков назад святой Константин Великий выбросил за ненадобностью после первых трех веков гонений. Революция подняла его, очистила, наострила и со всей силой вновь направила против Церкви.

И вновь полилась кровь мучеников. Тысячи их: архиереев, священников, мирян, русских, белорусов, украинцев, других национальностей, наших отцов и дедов. Чтобы не утомлять вас, приведу лишь несколько приблизительных цифр.

За время от революции до войны, то есть за каких-то 20 лет, в нашей стране были уничтожены около 300 архиереев: митрополитов, архиепископов, епископов. Почти 200 из них пропали без вести. Вы можете представить, чтобы наш любимый митрополит Филарет, например, взял и пропал сегодня без вести? А ведь пропадали архиереи и даже более высокого ранга.

Перед войной во всей Русской Православной Церкви было только 4 правящих епископа, включая и будущего патриарха Сергия.

От 100 тысяч священнослужителей, которые сохраняли службу в более чем 80 тысячах храмов нашей Церкви, перед войной осталась горстка запуганных и уstraшенных.

Были разрушены десятки тысяч храмов. Большинство сохранившихся было закрыто.

В 1933 году началась вторая пятилетка. Ее официально объявили безбожной. В программе СВБ — была тогда такая организация: Союз воинствующих безбожников — предусматривалось к концу этой пятилетки закрыть в нашей стране последний храм и добиться того, чтобы слово „Бог” было вычеркнуто из нашего языка. Многие из вас ведь прекрасно помнят это время.

Наша Церковь украсилась и укрепилась десятками тысяч мучеников. Им нет памятников, к подножию которых мы могли бы положить цветы, вместе с чувством нашего сострадания. У многих из них нет даже могил: кто — на дне реки, кто — в шахте, кто — сожжен.

Но они сделали свое дело своей мученической кончиной. Они показали нам, каким должен быть христианин в наших условиях. Своей духовной силой, кроме того, они освятили и укрепили церковный организм и показали ограниченность сил безбожия.

Как христиане, и мы не можем миновать чаши, которая уготована нам как детям Божиим. Мы не можем сбросить со своих плеч крест, который взяли вместе с именем Христа.

Что же, мы лучше Христа, у Которого был кровавый крест? Неужели можно думать, что при известной ловкости можно и христианином остаться, и господам безбожникам угодить, и жить беззаботно, и закон Христов исполнить? Или, может быть, мы лучше апостолов, которые почти все окончили свой жизненный путь мученически, да и жизнь-то была у них далеко не сладкая? Неужели же они не достойны были более благой участи в этой жизни? А нам, значит, можно и здесь беззаботно и без страданий прожить, и надеяться, простите, на теплое местечко в будущей жизни?

Нет, и еще раз нет. Крест Христов — всегда тяжел. И путь Христа — всегда тернист. И христианин не может избежать этой участи.

Христос ждет от нас чистого сердца. Но какое же оно может быть чистое, если в нем одновременно уживается и любовь ко Христу, и доброжелательность к Его противникам и гонителям? Чистый человек может быть только в одном лице, а не двуличным.

Конечно, у неверия еще огромная сила. Ваш внук, например, ничего не может сделать, когда у него в школе силой срывают крестик, ваш верующий сын или дочь ни к

кому не могут пойти за справедливостью, когда им занижают отметки в институте или исключают из него, ваши родные часто не могут работать там, где хотят, только потому, что они — верующие. Да мало ли в чем проявляется сила безбожия. Но это уже не та одержимость неверия, которую наша Церковь пережила в 20-е и 30-е годы или в конце 50-х, начале 60-х годов. Мы теперь спокойно выходим из храма после службы, нас не ждет известный „воронок“, мы надеемся прийти и в следующий раз в храм. Кровь наших мучеников не пропала даром.

Но для того, чтобы она была еще и спасительной для нас, с нашей стороны требуется одно: помнить ее, помнить жертву наших дедов и отцов, которые ценой жизни смогли сохранить самое дорогое, что у нас есть, — православную веру.

„Поминайте наставников ваших, — сказано в Писании, — которые проповедали вам Слово Божие, и взирая на кончину их, подражайте вере их“.

Без связи с нашими предками нет нас самих. Наши отцы и деды — наши корни, которые питают нас живительными соками души. Может быть так, что именно жертвенным подвигом наших новых русских мучеников мы спасаемся от гнева Божия. Ведь существует же мнение, что один праведник спасает своих потомков до седьмого колена.

А мы, мало того, что кощунственно забыли их кровь и страдания, но преступно обогнали их подвиг. Вместо того, чтобы прямо указать на виновников их мученичества, мы казуистически возлагаем вину на них же самих: мол, они сами виновны в том, что заняли нелояльную позицию по отношению к власти. А какую же, простите, нормальный церковный человек должен занимать позицию по отношению к безбожной, и даже больше того — антихристианской, власти?

Наши новые мученики своей кончиной показали, какой должна быть вера наша. Мы обязаны подражать вере их, но, во-первых, — хотя бы помнить их.

И если уходя из храма, вы, в свете безмерных страданий Спасителя Христа, вспомните, пусть безымянно, о крови наших новых мучеников, которые отдали жизни за то, чтобы не бесплодны были страдания Христа, то не зря они страдали, и я с радостью буду считать, что не зря утомлял вас своими словами.

Витебск, 28 марта 1983 г.

*

Из открытого письма делегатам VI Генеральной ассамблеи ВСЦ, проходившей в июле 1983 г.:

(...) Воспитанный на прочных основах веры, с пяти лет принимавший участие в богослужениях, посвятивший свою жизнь священнослужению, я оказался в стороне от алтаря, без надежды когда-нибудь служить в храме.

Это моя трагедия. Но не может быть, чтобы моя судьба никого не тронула из сидящих в этом зале, потому что это не только моя трагедия, а трагедия всей Русской Церкви. На примере моей личной судьбы о многом можно говорить в этом высоком собрании.

Можно говорить о том, например, что история Русской Церкви в послереволюционный период как научная дисциплина практически отсутствует в духовных школах, а тем более — в сознании рядовых верующих. То, что преподносится в духовных школах как история Церкви, ничего общего с историей действительной не имеет.

Можно говорить и о том, что попытки отдельных членов Церкви выйти за пределы санкционированных светской властью представлений об истории Русской Церкви жестоко подавляются, зачастую с помощью самого же церковного руководства.

Можно говорить и о том, что церковное руководство, видимо, и само заинтересовано в том, чтобы служители Церкви не знали Ее истории. Более того: усилия церковного руководства явно направлены на то, чтобы служители Церкви меньше всего задумывались над актуальными церковными проблемами. Митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий, который тоже, возможно, сидит в этом зале, в ответ на мою просьбу посидеть в получении разрешения работать в одном из залов (закрытых) Публичной Ленинской библиотеки в Москве (если слушателям непонятно то, что рядом стоят взаимоисключающие слова „закрытый“ и „публичный“, то пусть они обратятся к делегатам из СССР за разъяснением) через своего секретаря ответил, что нечего, мол, этим заниматься, а лучше, если я буду просто служить. Понятно, что любым невежественным обществом, в том числе и церковным, управлять легче.

Можно говорить о том, что всякое не санкционированное церковное творчество,

будь то административно-каноническая область (о. Глеб Якунин, о. Сергей Желудков, Александр Огородников), публицическая (А. Солженицын, А. Краснов-Левитин, З. Крахмальникова) или церковно-социальная (о. Д. Дудко, иеромонах Амвросий), одинаково негативно воспринимается в нашей стране как светской, так и церковными властями.

Можно говорить о том, что главная цель светской власти в эксплуатации церковного руководства — пропагандистская. Это повышает ее политические дивиденды на международной арене и в какой-то мере оправдывает само существование Церкви в условиях торжествующего социализма, поскольку вся межцерковная и международная деятельность представителей наших Церквей направлена на защиту интересов в первую очередь светской (читай: советской, атеистической) власти, в ущерб интересам Церкви и всех верующих.

За пышной риторикой и казуистикой делегатов из СССР, без сомнения, стоят прежде всего политические цели.

Можно говорить и о том, что некоторые церковные деятели искренне считают, будто такой политикой они спасают Церковь от броневого натиска антицерковных сил.

Можно было бы говорить и о наших надеждах.

Надежде, что ВСЦ когда-нибудь перестанет отождествлять делегацию советской Церкви на международных церковных встречах со всей Русской Православной Церковью.

Надежде, что любое международное церковное собрание за внешней пышностью и представительностью делегатов из Советского Союза увидит когда-нибудь боль и слезы наших верующих.

Надежде, что ВСЦ перестанет когда-нибудь оценивать вклад советской Церкви в деятельность ВСЦ по ее чувствительным материальным взносам, а применит более достойную церковной организации шкалу оценок, за внешним благолепием наших иерархов сможет разглядеть скудость нашей духовной жизни и церковной инициативы.

Надежде на то, что Устав ВСЦ (кстати, никто из рядовых верующих нашей Церкви и подавляющее большинство священнослужителей не имеют ни малейшего представления о содержании этого Устава) наконец будет содержать пункт, обязывающий Церкви-члены ВСЦ всемерно отстаивать жизненный принцип веры перед лицом неверия — защи-

ту прав верующих, где бы они ни нарушались.

Надежде, что ВСЦ перестанет когда-нибудь считать единственным источником информации о положении Церквей в Советском Союзе пропагандистские заявления наших официальных делегатов.

Обо всем этом можно и необходимо говорить. Говорить во всеуслышание, и теплится еще надежда, что глас вопиющего будет услышан. Так, открытое письмо священника о. Глеба Якунина, обращенное к делегатам предыдущей Генеральной ассамблеи ВСЦ в Найроби, принесло свои плоды. Изданное в спешном порядке и чаемое миллионами верующих Священное Писание — непосредственный результат этого выступления.

Мое письмо не поднимает таких глобальных проблем, как письмо этого священника, трагическая судьба которого, наверно, известна всем делегатам Ассамблеи (одним из главных пунктов уголовного обвинения о. Глеба было именно это письмо), да и трудно рассчитывать, что мое письмо будет оглашено на одном из заседаний Ассамблеи. Труден к вам путь. Очень труден, труднее, чем к Богу. Но я не могу молчать. (...)

Я верю в Бога, люблю Церковь, болею за Ее судьбу и хочу служить Ей, но, разумеется, не ценой приспособленчества — этой страшной ценой, которую платит церковное руководство, которую предлагают платить и мне.

Я бесконечно убежден в правоте слов церковного публициста А. Краснова-Левитина о том, что Церкви незачем плыть на каком бы то ни было корабле, если она может ходить по водам.

Москва, июль 1983 года.

ВЫШЕЛ ВЫПУСК ДЕВЯТЫЙ

Уникальное издание. Религиозный Самиздат

НАДЕЖДА

Христианское чтение

Самиздатские православные сборники под редакцией Зои Крахмальниковой. Около 400 с. в сборнике.

Отдельный номер	24 мм
За три номера в издательстве	60 мм
За три номера через посредников	72 мм
С целью поддержки	100 мм

Possev-Verlag, Flurschieldeweg 15,
D-6230 Frankfurt a. M.—80

Катастрофические эпохи и христианское понимание конца мира

Кн. Евгений ТРУБЕЦКОЙ

По оценке С. Франка, философ князь Евгений Николаевич Трубецкой (1863—1920 гг.) — „в первую очередь политический мыслитель, один из самых благородных сторонников идеи христианского возрождения общественной жизни“. Профессор философии в Московском университете (с 1906 г.), редактор журнала „Московский еженедельник“ и руководитель религиозного издательства „Путь“ (1917 г.), член Государственного Совета, товарищ председателя Всероссийского Собрания Православной Церкви (1917—1918 гг.) — таковы основные вехи его биографии.

Книга „Смысл жизни“ (Берлин, 1922 г.), заключительная часть которой (с незначительными сокращениями) печатается ниже, была написана в 1918 г. в Москве под впечатлением „мучительного переживания катастрофы, постигшей Россию“ и „мировой бессмыслицы, достигшей в наши дни необычайного напряжения... Потребность ответить на вопрос о смысле жизни в такие эпохи чувствуется сильнее, чем когда-либо“. Предостерегая как против фатализма, так и против ложного максимализма, философ защищает необходимость делания.

Катастрофические эпохи и „последние дни“

Есть пророческие слова в Евангелии, совершенно точно выражающие значение наших катастрофических переживаний.

Не думайте, что Я пришел принести мир на землю: не мир пришел Я принести, но меч. Ибо Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку с свекровью ее. И врази человеку домашние его (Матф., X, 34—37). В октябре 1917 года, в дни московского расстрела, мне пришлось наблюдать одну такую семейную драму, — образец того, что в катастрофические периоды истории переживается многими семьями. Отец принадлежал к правящим большевистским сферам; сыновья-офицеры сражались против большевиков, а мать была на стороне сыновей против мужа. Так и говорится в Евангелии: *Предаст же брат брата на смерть и отец сына; и восстанут дети на родителей и умертвят их* (Матф., X, 21).

Между царствием Божиим и царствующим на земле злом не может быть никаких компромиссов. Вот почему крушение двойственных, противоречивых установлений, осуществляющих на земле недопустимый компромисс между добром и злом, рассматривается в Евангелии как признак близости второго пришествия Христова. Чтобы осуществился на земле безусловный, вечный мир между Богом и тварью, должен разрушиться тот ложный мир, который соединяет тварь с чуждым и с враждебным Богу началом. Решительное, ясное самоопределение твари к добру или ко злу не оставляет для такого мира места на земле. Вот почему, по Еванге-

лию, близость второго пришествия Христа предвещается катастрофическими событиями, в которых выражается глубочайшее внутреннее разделение мировых начал. Чтобы определиться к своему окончательному, грядущему образу, мир земной должен перестать быть „смешанным телом“. Суд вечного Логоса над миром и есть тот острый меч, который рассекает всякие двусмысленные сочетания, — все, что носит на себе печать полу-лжи или полу-правды. И это рассечение — процесс болезненный, катастрофический.

В человечестве внутреннее разделение выражается прежде всего в войнах; но война — не конец, а начало всеобщего разделения, которое должно проникнуть во все общественные отношения. Так и говорит Евангелие. *Когда услышите о войнах и о военных слухах, не ужасайтесь: ибо надлежит сему быть; но это еще не конец* (Марк., XIII, 7, Матф., XXIV, 6., Лук., XXI, 9). Евангелие указывает и другие признаки всеобщего распада человечества, — *голоды и смуты* (Марк., XIII, 8), *моры* (Матф., XXIV, 7). Мы знаем, что все эти явления тесно связаны с войною и составляют естественное ее последствие. Смута рождается из войны, потому что война расшатывает весь государственный механизм, *голод*, — потому что война и смута повреждают все народное хозяйство и, наконец, *моры*, — потому что война всегда служит причиной возникновения жестоких эпидемий. В Евангелии указывается еще одно явление, служащее предвестником близкого конца вселенной, — *землетрясения по местам* (Матф., XXIV, 7, Марк., XIII, 8, Лук., XI, 11). Связь между этими явлениями вулканических сил и событиями истории челове-

чества в данном случае не очевидна и не может быть вскрыта научным анализом; но мистически связь явлений человеческой разрухи с явлениями разрушения космического вполне понятна. Раз смысл всемирной истории есть тем самым и смысл существования земной планеты, — конец человечества есть тем самым и ее конец; поэтому и совпадение катастрофических событий истории с ужасными явлениями (Лук., XI, 11) вполне естественно.

Само по себе крушение бессмыслицы еще не есть осуществление смысла. Поэтому неудивительно, что во всех отмеченных здесь проявлениях хаоса во внешней природе и в человечестве Евангелие видит только *начало болезней* (Матф., XXIV, 8, Марк., XIII, 8). Предсмертная болезнь вселенной достигает кульминационной точки своего развития лишь в тот момент, когда началом разделения борющихся в мире стихий становится сам смысл мира, когда мир раскалывается надвое в ожесточенной борьбе за или против Евангелия. Для этого нужно, чтобы Евангелие Царства было проповедано *по всей вселенной* (Матф., XXIV, 14). Лишь после этого возможно наступление того всемирного гонения против проповедников веры Христовой, которое и будет ближайшим предвестником всеобщего конца. *Тогда будут предавать вас на мучения и убивать вас, и вы будете ненавидимы всеми народами во имя Мое. И тогда соблазняются многие; и друг друга будут предавать и возненавидят друг друга* (Матф., XXIV, 9—10). Борьба будет вестись не только мечом крови, но и духовным оружием лжехристов и лжепророков, которые *прельстят многих* (Матф., XXIV, 5, 11).

Все указанные Евангелием признаки близости конца вселенной налицо в наши дни; и, однако, мы должны быть чрезвычайно осторожны в выводах из этого факта. В большей или меньшей степени те же явления повторяются во все дни великих мировых потрясений и кризисов. Не в первый раз мир обгагрется кровью, и не в первый раз из войны рождаются смута и голод; также и гонение против Церкви, начавшееся на наших глазах, — не только не первое, но и далеко не самое беспощадное. От начала христианской эры не раз повторялись катастрофические эпохи, и всякий раз события вызывали в христианском обществе эсхатологические предчувствия; сопоставляя их с пророчествами Евангелия, христиане говорили о не-

посредственной близости конца. О последних днях говорили христиане в дни крушения западной римской империи. Средневековье, где состояние войны и междоусобия имело характер хронический, было полно предчувствием непосредственной близости конца. Предчувствия эти обострились в век реформации и вызванных ею войн. У нас в России эсхатологическое настроение было вызвано в царствование Петра Великого многочисленными войнами и гонениями против раскольников; оно возродилось в дни войн наполеоновских. Из века в век повторялся все тот же оптический обман. Всякий раз оказывались одинаково неправыми те, кто приурочивал евангельские предсказания к какой-либо определенной дате, более того, — к определенной эпохе истории. А в то же время всякий раз была и великая правда в тех предчувствиях.

Мировые катастрофы повторяются в истории. [...] Они всегда означают не только близость конца, но и действительное его приближение. Ошибка начинается только с того момента, когда мы начинаем мерить эту близость нашим человеческим аршином, т. е. днями или годами в буквальном смысле и, в особенности, — определенными датами.

Сам Христос жил в предчувствии близости последних дней. *Истинно говорю вам: не придет род сей, как все сие будет* (Матф., XXIV, 34, Марк., XIII, 30, Лук., XXI, 32). Более того, все наши человеческие умозаключения от катастрофических событий к близости конца вселенной заранее оправданы в Евангелии. *Так, и когда вы увидите то сбывающимся, знайте, что близко царствие Божие* (Лук., XXI, 31). Но только не следует забывать, что подлинный смысл этого изречения может быть понят лишь в связи с другим изречением Христа. *О дне же том или часе никто не знает, ни ангелы небесные, ни Сын, но только Отец* (Марк., XIII, 32, Матф., XXIV, 36). Стало быть, уверенность в близости пришествия Христа признается вполне правильным выводом из событий, но только она не должна переходить в самонадеянное и легкомысленное гадание о сроке. Христос несомненно чувствовал и сознавал Царствие Божие, как имеющее наступить вскоре, находящееся *близко, при дверях* (Марк., XIII, 29). И предчувствие это, разумеется, не опровергается тем, что со дня рождения Спасителя идет уже двадцатый век: ибо у Бога день, как тысяча лет.

Что понимать под той близостью Царствия Божия, о которой говорят приведенные тексты, — близость срока или близость цели? Раз срок составляет тайну не только для людей, но и для ангелов, очевидно, что не о нем здесь идет речь. Притом, что следует разуместь под сроком близким? Раз близость измеряется не человеческою мерою, — она имеет здесь иной, божественный и, стало быть, вовсе не временной смысл. Ибо для Божества, которое объемлет все течение времени во единый миг, близки все сроки, в том числе и те, которые нам, людям, кажутся, бесконечно отдаленными. Очевидно, что под близостью тут следует разуместь нечто другое, — именно *метафизическую близость цели*. При таком толковании все изречения Евангелия относительно признаков второго пришествия Христа сразу приобретают глубокое конкретное применение ко всем катастрофическим эпохам истории вообще и к нашей эпохе в частности.

Путь спасения — вообще путь катастрофический. И каждый новый шаг на этом пути, каждое новое огненное испытание готовит катастрофу заключительную и тем самым приближает мир к его вечному концу. Когда сгорает человеческое благополучие, гибнут относительные ценности, рушатся утопии, — это всегда бывает признаком, что Царство Божие близко, при дверях: потому что именно через отрешение от утопического и относительного человек сердцем приближается к вечному и безусловному. Именно катастрофа, в которой гибнет временное, готовит грядущий космический переворот. Царствие Божие вначале не приходит приметным образом: оно начинается во внутреннем мире человека. Но этот внутренний переворот души, обращающейся к Богу, имеет необъятное, космическое значение: ибо в нем осуществляется перемещение центра мирового тяготения. Благодаря крушению земных надежд происходит величайший сдвиг в жизни духовной: человеческие помыслы, желания, надежды переносятся из одного плана существования в другой. И в этом сдвиге являются в мире величайшие творческие силы. Именно в катастрофические эпохи человеческое сердце дает миру лучшее, что в нем есть, а уму открываются те глубочайшие тайны, которые в будничные эпохи истории заслоняются от умственного взора серою обыденщиною. Среди пламени мирового пожара, уничтожающего обветшавшие формы жизни, рождаются те величайшие откровения Духа

Божия на земле, которые предвзвешивают явления новой земли. Эти явления божеского в человеке несомненно предвещают и готовят „последние дни“, ибо именно в них видимо воплощается смысл всего творения — конец и предел всего мирового развития. Но было бы глубоко ошибочно видеть в этих предвестниках конца какие-либо хронологические указания на тот день, который придет „как тать в ночи“.

Конец-разрушение и конец-цель

Есть одна отдаленная эпоха древнего мира, которая дает удивительно яркую иллюстрацию значения катастрофического в истории. Я говорю о пелопоннесской войне, которая была, несомненно, величайшей катастрофой древней Греции.

[/.../ Война привела к полному и всеобщему внутреннему истощению. Она разложила всю греческую государственность и общечеловечность, внесла деморализацию во все общественные слои. Она сделала бедных грабителями, богатых — заговорщиками и изменниками поневоле, ибо заговор и измена в те дни были нередки единственным способом защиты против не сдержанного законом своеволия черни. В войне же родилась и воспиталась отвратительная форма демагогической тирании. Словом, война сделала в то время то же, что она делает в наши дни. Она воздвигла класс на класс и брата на брата. Тем самым она сделала Грецию легкою добычею внешней силы. Междоусобная распря Спарты и Афин подготовила торжество Македонии.

Казалось бы, что может быть бессмысленнее этого конца Греции, самого культурного из народов древнего мира! [/.../ В действительности пелопоннесская война была началом конца Греции в двояком смысле, — в смысле *разрушения* временных форм быта и в смысле *достижения высшей духовной цели* национального развития. В этом горении временного явился тот безусловный смысл, который составляет непреходящее содержание всей греческой культуры.

Не случайно именно в дни пелопоннесской войны или после нее, под влиянием переживаний, ею вызванных, родились те духовные ценности, которые составляют величайший вклад Эллады в сокровищницу всемирной культуры. Не будь этих переживаний, не было бы и многих великих творений греческих трагиков, комедий Аристофана, философии

Сократа и Платона. В особенности в истории греческой философии бросается в глаза эта внутренняя связь между катастрофическими переживаниями и высшим духовным подъемом. Когда мы читаем вдохновенное изображение последних минут жизни Сократа в платоновом Федоне, эта связь становится очевидной. Не личная, а национальная катастрофа была двигателем сократовской проповеди бессмертия. Сократ был свидетелем великой разрухи общественной жизни, глубочайшего нравственного падения родины. .../

С одной стороны — осатаневшая чернь, преступившая закон божеский и человеческий, а с другой стороны — высший подвиг добра, смерть праведника за правду, — такова основная трагическая противоположность эпохи. В ней суд Божий проявляется как острый меч, отделяющий и рассекающий живое и мертвое, смысл и бессмыслицу. Народ, умертвивший величайшего из своих сынов, тем самым отрекся от смысла своего существования и обрек себя смерти. Зато пророку, отверженному своими согражданами, дано было явить миру откровение вечной жизни через смерть. Вся философия Платона, это яркое видение другого мира, представляет собою дальнейшее развитие и раскрытие этого сократовского откровения. Потугсторонняя красота мира божественных идей открылась Платону в дни обнажения суеты и призрачности человеческой жизни.

В последующей истории мы найдем множество таких примеров. Видение нерушимого, вечного града Божия открылось блаженному Августину в катастрофические дни взятия Рима Аларихом, в век падения западной римской империи. Религиозный подъем Савонаролы и Фра Беато был возможен в дни чудовищных явлений зла, в век Макиавелли и Цезаря Борджиа. У нас в России среди ужасов татарщины зародился тот духовный подъем, который выразился в житии св. Сергия и в бессмертных произведениях новгородской иконописи. Все эти и многие другие примеры свидетельствуют об одном и том же, — о положительном значении катастрофического в мире, о связи глубочайших откровений с крушением человеческого благополучия. Вот почему второму пришествию Спасителя должна предшествовать такая скорбь, которой не было от начала мира.

Как бы ни были соблазнительны исторические аналогии, из них нельзя извлекать более, чем они дают на самом деле. Возможно,

что пережитая нами мировая война есть начало конца Европы; возможно, что и здесь обе воюющие стороны работали в пользу Японии или Китая, как некогда спартанцы и афиняне работали в пользу Македонии. Но возможен и другой исход: возможна временная, более или менее продолжительная остановка начавшегося на наших глазах процесса всемирного разрушения. Нам не дано знать, начались ли уже теперь последние дни предельной высшей скорби. Верно только одно: вечная жизнь мира осуществляется через смерть его временных форм; достижение безусловного смысла готовится разрушением всего половинчатого и двусмысленного. Постольку и переживаемые нами испытания готовят конец мира в двойном смысле — и в смысле прекращения суеты, и в смысле творческого завершения мирового движения.

Совершается суд над миром; и все те духовные силы, которые таятся в человечестве, должны обнаружиться в этом огненном испытании. Самое разрушение мирского порядка доказывает, что Царство Божие нас коснулось: оно близко, при дверях. Все то, что его не вмещает, подлежит разрушающему действию огня, разгоревшегося в мире. Но для тех народов, которые сумеют осознать и вместить его откровения, наступает эпоха великих духовных подвигов и высшего творчества.

Смысл мира и относительные ценности культуры

Всем сказанным подготавливается наш ответ на поставленный в начале этой главы вопрос о смысле человеческой культуры. Ответ этот, ввиду отмеченного уже выше смешанного состава человеческой жизни вообще и культуры в частности, не может быть ни простым *да*, ни простым *нет*. В культуре есть элементы, обреченные тлению, но есть и другие, подлежащие увековечению: есть в ней ценности отрицательные, но есть и положительные, причем эти последние в свою очередь подразделяются на ценности безусловные и относительные.

Руководящим началом для распознавания тех и других для нас должен служить, очевидно, все тот же критерий, коим апостол учит узнавать Духа Божия и духа заблуждения (Иоанн., IV, 2—3). Мысль о Христе, пришедшем во плоти, для христианина выражает собою основную задачу культуры, — то начало, которое она призвана воплощать в

жизни; а признание за культурой положительной задачи есть тем самым ее оправдание. Раз началом религиозной жизни человеческого общества является воплощение божеского в человеческом, человеческий ум и человеческая воля призываются к творческому участию в деле Божиим. Христианский идеал выражается не в одностороннем монофизитском утверждении божеского начала: он требует от нас сочетания беззаветной преданности Богу с величайшей энергией человеческого творчества. Человек призван быть на земле сотрудником в строительстве дома Божия; и этой задаче должна служить вся человеческая культура, наука, искусство и общественная деятельность. Необходимость христианской философии оправдана всем тем, что сказано в предыдущей главе о деятельном участии человеческого ума в Богопознании. О ценности религиозного искусства достаточно красноречиво говорят многочисленные памятники церковной архитектуры, скульптуры и музыки, а ценность религиозной живописи, благодаря осуждению иконоборчества на седьмом вселенском соборе, получила даже значение церковного догмата; едва ли нуждается в доказательствах и ценность христианской общественности. Одним словом, не вызывает сомнений *положительная* необходимость и ценность культуры религиозной в собственном смысле слова.

Также не вызывает сомнения и *отрицательная* ценность той явно антирелигиозной культуры, которая стремится утвердить на земле царство безбожного человека. Это именно та культура, которая разрушается и гибнет в разгоревшемся на наших глазах мировом пожаре. В катастрофических событиях всемирной истории мы читаем ей суд и осуждение.

Но этими указаниями на явно положительные и явно отрицательные элементы культуры ответ на наш вопрос не исчерпывается, вследствие существования в человеческой жизни области смешанной, окончательно не определившейся, а потому в конце концов, спорной. Есть безусловное добро и безусловное зло; но есть и средняя область *относительного*, религиозная оценка которой представляет значительные трудности. Спорным с христианской точки зрения представляется, как уже было мною указано, не вопрос о религиозной, а вопрос о светской культуре. Можно ли признавать за ней какую-либо положительную ценность, хотя бы относитель-

ную? Не предрасполагает ли сказанное здесь о значении катастрофического в истории к отрицательной ее оценке? Если цели божественного домостроительства осуществляются через крушение мирского порядка и мирского строения, не значит ли это, что мы должны смотреть на весь мирской порядок, а с ним вместе и на всю светскую культуру, как на ценность отрицательную?

То или иное решение этого вопроса имеет огромную практическую важность: ибо, в конце концов, это — вопрос обо всем нашем отношении к миру. Должны ли мы быть деятельны в нем, бороться из-за него, спасать гибнущее мирское строение или спокойно предоставить его собственной участи? Должны ли мы тушить мировой пожар или, сложив руки, ждать того Божьего суда над миром, который предвзвешается этой картиной всеобщего разрушения?

Отказ от борьбы за мир с религиозной точки зрения может показаться весьма соблазнительным. Особенно у нас в России, при нашей склонности к пассивной религиозности, многие увлекаются этим отрицательным решением жизненного вопроса. Настроение „неделания” в ожидании непосредственно предстоящего конца мира и скорого пришествия Христова, — свойственно многим из наших религиозных сект. Также и отождествление мирского порядка с „царством антихриста” — уклон религиозной мысли или скорее религиозного мироощущения, довольно у нас распространенный. Тем более необходимо предостеречь против опасности, которая создается подобного рода настроениями.

Именно признавая мирской порядок „царством антихриста”, мы отдаем его во власть антихриста. А отказ от борьбы за мир есть недостаточная человека, и в особенности христианина, капитуляция перед господствующим в мире злом.

В основе всех этих пассивных настроений, так или иначе связывающихся с эсхатологией, лежит двоякая ошибка религиозной мысли и религиозного чувства, — ложный *максимализм*, пренебрегающий относительными ценностями, и нехристианское, *фаталистическое* понимание конца мира.

Ложный максимализм

Начну с первого заблуждения. — Мирской порядок как таковой, представляет собою, разумеется, ценность относительную и вре-

менную: ибо конечный идеал христианства есть — Бог как *всяческая во всем*; основное требование этого идеала есть пресуществление всего человеческого, более того, — всего земного в Богочеловечество. /.../ В качестве ценности относительной и временной, мирской порядок не может и не должен перейти в вечность. И однако с христианской точки зрения было бы не только ошибочно, но и предосудительно требовать его немедленно-го упразднения, или хотя бы отрицать ценность его во времени.

Царствие Божие, где Бог наполняет Собою все, и где не остается места для какой-либо внебожественной действительности, есть конец, *завершение* мировой истории, а не какая-либо из начальных и посредствующих стадий ее развития. Пока мир не созрел для окончательного самоопределения, пока он не вмещает в себе полноты божественной жизни, он остается внебожественною областью. В качестве таковой он временно остается за порогом Царствия Божия; но отсюда, разумеется, не следует, чтобы он должен был быть отдан во владычество бесу. В этом заключается оправдание мирского порядка — мирского общества, государства, хозяйства и всей вообще светской культуры.

В Царствии Божиим зло побеждается *изнутри*, в самой своей возможности — через органическое сочетание Бога с человечеством и с миром, через полное преображение вселенной. Наоборот, в порядке мирском зло ограничивается *извне*, подавляется внешнею силою государства. Отсюда видно, как относится мирской порядок к последним, высшим целям человеческого существования, и в каком смысле он ценен. Он находится за пределами царства благодати, но он ценен, как посредствующая, историческая стадия развития, необходимая, пока еще не совершился, но совершается исторический переход от зверочеловечества к Богочеловечеству.

Как уже было мною выяснено в другом месте, „в конце времен восторжествует добро всецелое и полное: тогда зло не будет противолежать добру, как внешняя граница; в этой побуде, которая завладевает внешним через внутреннее, и заключается идеал царствия Божия. Та область, где зло побеждается лишь внешнею силою, еще не есть царствие Божие; но для последнего далеко не безразлично, что делается у его преддверия. С христианской точки зрения, понятное дело, бесконечно лучше то состояние челове-

ства, где зло сдержано хотя бы внешними, материальными преградами, нежели то, где зло не сдержано ничем. Вот почему Самуилу было велено благословить на царство царя израильского, и сам Христос вменил в обязанность христианам платить тот динарий, на который содержались римские легионы! Евангелие ценит государство не как возможную часть Царствия Божия, а как ступень, должествующую вести к нему в историческом процессе. Кто хочет, чтобы жизнь человеческая когда-нибудь, хотя бы за пределами земного, претворилась в рай, тот должен благословлять ту силу, хотя бы внешнюю, которая до времени мешает миру превратиться в ад. Путь к Царствию Божию таков, каким он некогда явился в сновидении Иакову: он — *лестница*, коей вершина — на небе, а основание — на земле. Тот ложный максимализм, который с мнимой религиозной точки зрения отвергает низшие и посредствующие ступени во имя вершины — во имя христианского идеала — отрицает христианский путь: это — максимализм не христианский, а беспутный.

Признание относительных ценностей и положительное к ним отношение не только не противоречит этическому максимализму религии, но прямо им требуется. Ибо, как смысл всего существующего, Бог есть смысл и всего относительного, временного. Если совершенное Богоявление есть тот максимум, который составляет действительный конец мирового процесса, то этим оправдан весь процесс, и несовершенное его начало (минимум), и отдельные, относительные стадии прогресса. Тем самым оправдано и государство. Христианскою должна быть признана не та точка зрения, которая требует немедленного его упразднения, и не та, которая спешит включить его в Царствие Божие, а та, которая разделяет Божие и кесарево, воздавая подобающее тому и другому”*

С этой точки зрения заслуживает осуждения не только антигосударственное, анархическое настроение в собственном смысле слова, но и безучастное, равнодушное отношение к государству. Раз государство признается положительною, хотя бы и относительно ценностью с христианской точки зрения, всякий христианин обязан за него бороться. Чем сильнее и настойчивее попыт-

* Мировоззрение В. С. Соловьева, том 1, сс. 582, 583. О ценности государства, см. вообще весь этот § (сс. 572—584).

ки превратить его в царство „зверя, выходящего из бездны”, тем больше мы, христиане, должны стремиться удержать государство в наших руках, сделать его служебным оружием в борьбе против звериного начала в мире.

Так понимали задачу государства и его ценность величайшие святые. Как поступил св. Сергей, когда Россия стонала под татарским владычеством? Признавал ли он слабость, а тем более крушение христианского государства за благо? Предписывал ли он терпеливо сносить иго насильников и радоваться ему, как предвестнику скорого пришествия Христова? Нет, он благословил вождя русской рати против татар; он обратился к Дмитрию Донскому с призывом: Иди смело против безбожников и победишь!

Слова эти поучительны для тех, кто хочет быть более христианами, чем святой Сергей. Этот пустынножитель и отшельник, отдавший жизнь молитвенному подвигу, всем существом своим возвысился над миром: и однако он не ощущал мирской порядок, как что-то суетное, не стоящее внимания. Сам он боролся за мир, предстательствуя за него в молитвах. А находясь в миру и неспособных к столь мощному молитвенному подъему он звал к меньшему, но все же к возвышенному и доблестному ратному подвигу. Из этого видно, что подлинное религиозное воодушевление рождает не пассивное, а активное настроение. Оно зовет людей не к уступкам преобладающей силе зла, а преисполняет их бодрости и энергии для борьбы с ним.

Христианство высоко ценит отречение от мира и уход из него; но этот уход святых и преподобных, который признается одним из высших человеческих подвигов, есть отказ от мирских благ, отказ от эгоистического наслаждения и пользования миром, а отнюдь не отречение от борьбы с царствующим в мире злом: наоборот, иноческий подвиг представляет собою одно из высших проявлений этой борьбы. Оттого-то между иноком, который молитвой изгоняет бесов из мира, и воином Христовым, который ратует за мир, нет антагонизма, а есть полное внутреннее согласие. Оттого-то христианское государство находит себе в церкви не осуждение, а точку опоры, источник силы и крепости. В частности у нас на Руси мирское строение во все века своего исторического существования было нерушимым и могущественным лишь постольку, поскольку оно так или ина-

че прислонялось к нерукотворенному дому Божию. Всякое ослабление религиозной связи неминуемо влекло за собою и его упадок. А та разруха, которую мы теперь переживаем, представляет собой, как уже было выше показано, несомненное и очевидное последствие обувшего нас практического безбожия.

Фаталистическое и христианское понимание конца

С этой точки зрения нам нетрудно разоблачить сущность другого отмеченного выше заблуждения — фаталистического понимания конца мира.

Конец мира есть второе и окончательное пришествие в мир Христа Богочеловека; это — не простое *прекращение* мирового процесса, а *достижение его цели*, исчерпывающее откровение и осуществление его внутреннего (имманентного ему) смысла. Конец мира, так понимаемый, не есть внешний для человечества фатум: ибо Богочеловечество есть обнаружение подлинной идеи-сущности всего человечества. Пришествие Христова означает полное преобразование всего человеческого и мирского в Божеское и Христово.

Такое космическое превращение по самому своему существу и замыслу не может быть односторонним действием Божества. Второе пришествие Христово, как акт окончательного объединения двух естеств во всем человечестве и во всем космосе, есть действие не только Божеское и не только человеческое, а *Богочеловеческое*. Стало быть, это — не только величайшее чудо Божие, но вместе с тем и проявление высшей энергии человеческого естества.

Христос не придет, пока человечество не созреет для Его принятия. А созреть для человечества именно и значит обнаружить высший подъем энергии в искании Бога и в стремлении к Нему. Отсюда следует, что конец мира должен быть понимаем не *фаталистически*, а *динамически*. Это не какой-либо внешний, посторонний миру акт божественной магии, а двустороннее и при этом окончательное самоопределение Бога к человеку и человека к Богу — высшее откровение творчества Божества и человеческой свободы.

Очевидно, что такой конец миру может быть подготовлен не пассивным ожиданием со стороны человека, а высшим напряжением его деятельной любви к Богу, стало

быть и крайним напряжением человеческой борьбы против темных сил сатанинских.

Как сказано, конец мира должен быть понимаем в положительном смысле — достижения его цели. Цель мира — не прекращение жизни, а, наоборот, ее преизбыточествующая и совершенная полнота. Поэтому и утверждение „близости конца вселенной” должно звучать не как призыв к неделанию, а наоборот, как призыв к энергии в созидании непреходящего и существенного. В наши дни, когда постигшие нас тяжкие испытания заставляют людей говорить и думать о близости конца, надо начать с уяснения понятия „конца” в христианском значении этого слова.

По этому поводу теперь приходится слышать множество неверных суждений. „Конец близок, это значит, что никакого дела делать не стоит”. [/.../] фаталистическое понимание конца, в наши дни общего ослабления энергии, распространено не меньше, а скорее больше прежнего. По этому поводу мне кажется не лишним припомнить сказанное мною несколькими годами раньше.

„В действительности конец есть отрицание только пустых и суетных дел, — только тех, которые пребывают под законом смерти и всеобщего горения. Есть другие дела, которые не сгорают, потому что они вносят в гераклитов ток непреходящее, субстанциальное содержание. По отношению к таким делам, конец есть не отрицание, а завершение, утверждение их в вечности”.

„Конец близок! Это значит, что жизнь должна идти полным ходом к цели: непрерывно должно продолжаться то восхождение, которое в процессе эволюции идет от зверочеловека к Богочеловеку. И, так как восходящая линия жизни поднимается из ступени в ступень, то тем самым оправданы все ступени, благословенно *всякое*, даже относительное усовершенствование. Всякая ступень необходима в лестнице, и ни одной не возможно миновать человечеству, чтобы достигнуть цели. Пусть эта человеческая лестница заострится вверху немногими вершинами. Вершины эти не могли бы упираться в небо, если бы они не воздымались над широким человеческим основанием. Все тут составляет одно целое — и основание, и вершина, все одно другим утверждается и скрепляется в этой религиозной архитектуре человеческой жизни. И, как бы низко ни стояли отдельные ступени, — высота верши-

ны свидетельствует об общем стремлении вывсь”*

Разъяснения эти могут вызвать возражения, и нам необходимо на них ответить. В них есть как будто некоторая видимость внутреннего противоречия. С одной стороны, с точки зрения динамического понимания конца, мы вменяем людям в обязанность деятельно заботиться о сохранении относительных ценностей культуры, в частности — о спасении мирского порядка; с другой стороны, — мы говорили выше, что крушение государства и всего вообще мирского благополучия может быть благодетельным, потому что неблагополучие бывает нужно человеческой душе. Как совместить эти два противоположные утверждения? Не убивает ли такое, хотя бы и „динамическое” понимание конца всякую энергию, если не в стремлении к абсолютному, то, по крайней мере, в созидании относительного? Не должно ли оно, в частности, подорвать веру в ценность какой-либо государственной деятельности?

Возражения эти основаны на явном недоразумении. Во-первых, неблагополучие может быть полезным только для тех, кто от него страдает, а не для тех, кто его причиняет своими преступными действиями или преступным бездействием. Для тех избранных душ, которые закаляются в испытаниях, могут быть полезными не только испытания, но и соблазны. Но горе тем, через кого соблазн приходит. Во-вторых, как бы ни были проблематичны и недолговечны относительные ценности жизни, самая деятельность человека, направленная к их созиданию, может заключать в себе нечто безотносительно ценное, в зависимости от того, какой дух в ней проявляется, какими намерениями и началами она вдохновляется. Помнится, В. С. Соловьев, по чувству долга писавший публицистические статьи, отвлекавший его от любимых философских занятий, сравнивал эту скучную для него, но, как он полагал, нужную для общества работу с послушанием монастырского послушника, обязанного выметать сор из монастырской ограды.

Есть бесчисленное множество будничных, серых человеческих дел, которые напоминают это выметание сора: всеми этими делами создаются, разумеется, ценности в высокой степени относительные и временные. Но когда в эти серые дела человек вносит религиозное послушание и служение, когда он

* Миросозерцание В. С. Соловьева, т. II, 414—415.

вкладывает в них чувство беззаветной любви к Богу, к родине или даже просто к близким людям, о которых он заботится, он тем самым создает нечто неумирающее и бесконечно дорогое, что навеки останется. Ибо этим самым он в лице своем являет образ Божий на земле. Возможно, что публицистическая деятельность Соловьева была сплошь ошибочна: возможно, что от нее не осталось ни единой живой мысли и что все созданные ею относительные ценности сторе-ли. Одно во всяком случае остается навеки нерушимым и ценным: это — смиренный образ монастырского послушника, который выполняет тяжелое, скучное ему дело не по внешнему принуждению, а потому что ему бесконечно дорога его обитель. Создавая относительные ценности, человек, сам того не замечая, делает нечто другое, неизмеримо более важное: он определяет *себя самого*, выковывает тот свой человеческий образ, который либо перейдет в вечную жизнь, либо станет добычей второй смерти. Создание собственного своего образа по образу и подобию Божию и есть то *подлинное, субстанциональное и творческое дело*, к которому призван человек. Относительные ценности служат лишь средством для этого творчества, но сами по себе не выражают его сущности.

Однако, в качестве средства, эти ценности необходимы. И пища, которою мы питаемся, и одежда, в которую мы одеваемся, и здоровье, которым мы наслаждаемся, принадлежат к области благ относительных. И тем не менее, если я не позабочусь о пище, одежде и здоровье моих близких, я сам понесу безотносительную утрату. Христос не хочет иметь ничего общего с теми, кто алчущего не напичкал, нагого не одел, а страждущего и находящегося в темнице не посетил. Поскольку относительные ценности служат средствами для осуществления любви, они приобретают высшее освящение, ибо они становятся способами явления безусловного и вечного в мире.

В числе других относительных ценностей такое освящение получает и государство в христианском обожении. Человек, который равнодушно относится к одичанию человеческого общества, к нарушению в нем всякого права и правды и к превращению людей в стаю хищных зверей, — тем сам доказывает полное отсутствие любви к ближнему. Не этим холодным и пассивным отношением к человечеству, а деятельным и самоотвер-

женным ему служением человек готовит то последнее, заключительное явление Богочеловечества, которое завершает всемирную историю.

Таким образом, мысль о близости конца не обесценивает относительных ценностей, а только заставляет думать об их подчиненном значении. Мысль о Христе-Богочеловеке, грядущем в мир, не есть отрицание мирового процесса во времени, а осуществление его основного стремления, откровение его вечного смысла. Этот всеединый смысл объемлет в себе и вечное, и временное, и безусловное, и относительное. Об этом свидетельствует молитва Господня, которая просит Отца Небесного и о пришествии Царствия Божия, и о даровании хлеба насущного.

Книга кн. Евгения Трубецкого «Смысл жизни» переиздана недавно парижским издательством „Лев”.

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА „ПОСЕВ” (ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ)

ВЛАДИМОВ Георгий

Генерал и его армия

1984, прим. 350 с.

НЕЗНАНСКИЙ Фридрих

Ярмарка в Сокольниках

1984, около 250 с.

Детективный роман о преступлениях Внешторга СССР как внутри страны (с подпольными дельцами), так и на Западе.

НЕИЗВЕСТНЫЙ Эрнст

Говорит Неизвестный

1984, больш. форм., около 200 с. с 20 с. илл.

ОКУДЖАВА Булат

Проза и поэзия

1984, 7-е изд., около 400 с.

Новая дополненная подборка прозы и стихов.

В книге: повесть „Будь здоров школяр”, рассказы „Промоксис”, „Отдельные неудачи среди сплошных удач”, „Частная жизнь А. Пушкина, или именительный падеж в творчестве Лермонтова” и 183 стихотворения.

РЕДЛИХ Роман

Солидарность и свобода

1984, около 200 с.

Книга построена на основе „Библиотечки солидариста”, серии из 19 небольших брошюр, и дает связанное изложение идеологии Народно-трудового союза российских солидаристов, как ее понимает автор.

СТОЛЫПИН Аркадий

Очерки по истории НТС

1984, прим. 250 с.

Об отношении НТС к фашизму в 1930-е годы

В последнее время заметно оживилась одна из традиционных областей дезинформации против Народно-Трудового Союза — обвинение его в тесных связях, идейных и деловых, с фашизмом и национал-социализмом в 1930-е годы. Тема эта иная, чем приписывание НТС сотрудничества с гитлеровским режимом после 1941 г., в опровержение чего уже немало писалось, и она требует отдельного рассмотрения.

Обвинения зарождавшегося НТС (Союз был создан в 1930 г.) в профашистских настроениях исходят как из советских, так и из некоторых эмигрантских кругов. Так, для советского автора Л. К. Шкаренкова, НТС в тридцатые годы был „фашистского типа организацией, готовившей себя для активной террористической борьбы”¹. Эмигрантский автор В. Малинкович также заявляет, что „среди тех, кто в те годы сочувствовал фашизму, были и многие члены партии Народно-Трудовой Союз”².

У подобных высказываний уже долгая история. В 1936 г. газета „Юманите” писала об НТС (тогда НТСНП — Национально-Трудовой Союз Нового Поколения): „Руководители этой белой организации состоят в непосредственной связи с агентами Гитлера во Франции”³. А Илья Эрэнбург в газете „Известия” в 1937 г. возмущался, что члены НТСНП „приветствуют захватнические планы Гитлера, направленные против Франции” и „открыто готовятся поддержать внутри Франции фашистский мятеж и принять участие в гражданской войне”⁴.

В те далекие годы доминирующим у европейской молодежи было ощущение тупика, конца социальных и политических устоев западных либеральных демократий. Алчные, дряхлеющие английские, французские или немецкие (веймаровские) правящие круги, не сумевшие отразить экономический кризис и сопутствующую ему безработицу, и возглавляемые ими партии мало привлекали симпатии молодежи, и она от них уходила либо влево, либо вправо: к социализму и

коммунизму или к авторитарности и фашизму. Для большинства молодых граждан европейских демократий, мечтавших о „новом строе”, „фашизм” был тогда гораздо более чувством, чем мыслью, более порывом, чем анализом. Французский писатель Дриё ла Рошель писал, что фашизм — „политическое движение, которое наиболее откровенно, наиболее радикально провозглашает великую нравственную революцию, реставрацию значения тела человека, его здоровья, достоинства, полноты, героизма, которое провозглашает необходимость защиты человека от города и от машины”⁵. Для многих фашизм был новым орденом, способным возродить в нации дисциплину и порядок, обеспечивающий жизни — цель, а дряхлому миру — обновление.

Следует учесть при этом, что в те годы в Европе поездки за границу были редки, что о подлинном лице фашизма в государствах, где он одержал победу, сведения черпались в основном из служб пропаганды этих стран. Схожая ситуация была и в отношении Советского Союза, который многим лучшим умам тогдашней Европы представлялся весьма привлекательной страной.

Понятие „фашизм”, к тому же, применяется сегодня к достаточно неоднородным явлениям. Собственно говоря, фашистским следовало бы называть лишь итальянский строй; у других движений или государств „авторитарного” типа Европы 1930-х годов были свои очень существенные особенности. Национал-социализм, например, был до войны единственным „расистским” строем, а антидуховные, антихристианские мотивы, характерные для Германии и Италии, полностью отсутствуют в португальском „корпоративистском” строе, от которого в свою очередь, немало отличается „национал-синдикализм” генерала Франко. Что же касается родины европейского „фашизма” — Италии, взгляды ее вождя Муссолини и условия ее политической жизни претерпели большие изменения с 1920-х по 1940-е годы. Эволюция эта происходила в основном в сторону радикализации и ожесточения. Немалому европейские диктаторы научились на ходу у самого последовательного среди них — Сталина.

См. предыдущие статьи того же автора, историка Н. Р.: „Как создавался НТС. Первый съезд НСРМ 1–5 июля 1930 г.” (№ 7, 1983 г.) и „Как создавался НТС во Франции” (№ 11, 1983 г.). — Р е д.

С времени зарождения НТС, создавшие его „нацмалычки“ пристально всматривались в различные проявления европейского „фашизма“. Они его ощущали как новое политическое явление, посмеившее избавиться от вязкой политической рутины, провозгласившее борьбу как с социальным неравенством, так и с Коминтерном. В фашистских рядах боролось „новое поколение политических деятелей, не зараженных предрассудками прошлого“, не приемлющих ни „анархического либерализма“ с „хищническим капитализмом“, ни социализма и коммунизма⁶. Импонировала в фашизме его широко тогда пропагандировавшаяся „революционность“, причем даже тем членам НТС, которые во всем прочем относились к фашизму критически. В 1934 г. один из них писал: „увлекаясь идеей фашизма, объективно для России абсурдной, мы проглядели то, что в фашизме ценно — действительность и революционность“⁷.

Из „фашистских“ государств наибольшее внимание НТСНП привлекала Португалия. (Интерес этот был, впрочем, чисто умозрительный: ни с португальским режимом, ни с каким другим европейским „фашистским“ режимом у НТСНП деловых контактов не было). В то время многие увлекались Салазаром. Известный французский поэт и мыслитель Поль Валери, например, в 1934 г. охотно написал предисловие к книге А. Ферро, восхвалявшей португальского диктатора. Своей личной моральной высотой, спокойствием, действительными или кажущимися мудростью и умеренностью португальский диктатор Салазар многим представлялся „скрытым от глаз хрустально чистым источником“⁸, в сравнении как с большинством правителей демократических стран, так и с диктаторами, подобными Гитлеру и Муссолини, которые уже в середине 30-х годов ощущались НТСНП как „огонь пожираний“.

Многим, кто изучал социальные реформы в Италии и в Португалии через призму доступной о них на местах информации, казалось, что Салазару и Муссолини удалось „практическое разрешение проблемы благополучия пролетариата“ „в рамках трудового солидаризма“⁹. В 1936 году, М. Толубаев писал, например, что „возрожденный национализм XX века уцел значение социального фактора и сразу же стал одерживать победы над банкротящимися либерализмом и марксизмом“, подобно тому, как и сам

НТСНП „ясно ощутил как значение, так и потребность строительства будущей России на началах социального сотрудничества“¹⁰.

Нередко, при всем видении тех или иных отрицательных явлений в „фашистских“ государствах, хотелось все же верить, что и в них „идея солидарности, противопоставляемая социалистической идее принуждения, должна направить социальную мысль будущего в русло нашего солидаризма“¹¹, что солидаристическое „учение о государстве, нации, собственности, свободе и личности медленно зреет в недрах“ новых европейских авторитарных государств¹².

Но наряду с пристальным интересом, иногда не без симпатии, к „фашистскому“ социальному строительству, в рядах НТСНП с самого начала раздавались и остерегающие голоса. Многие думали, что фашизм недостаточно определился в своей политической и идеологической сущности и что за его внешней тактикой нужно лучше разобраться в подлинных причинах его возникновения и развития¹³. „Нам, современникам, — писал один из главных руководителей НТС М. Георгиевский, — трудно отделить сущность /фашизма/ от случайных затмевающих наслоений“¹⁴. Еще в 1932 году Н. Новаковская проявляла чрезвычайную осторожность в оценке немецкого национал-социалистического движения: „Нельзя — в том гораздо более опасном и тяжелом положении, в каком находимся мы, русские националисты, увлекаться сколькими и парадоксальными опытами“ и следует обойтись „без фальши, без искусственного создания кумиров“¹⁵, которые можно наблюдать в партии Гитлера*.

НТСНП стремился создать свою идеологию и программу не путем подражания чужим моделям, а благодаря своему собственному творческому усилию, основанному на русских духовных и общественных началах. На страницах „Курса национально-политической подготовки“ (так называемые „зеленые романы“) писалось:

* Название статьи Н. Новаковской ироничное — „Heil, Hitler!“. Любопытно, что у Малинковича (о нем см. в начале нашей статьи) эта весьма критическая к нацизму статья Новаковской представлена как прогитлеровская (с использованием выдернутой из контекста цитаты) и приписана она не к 1932-му, а к 1933 году! Либо Малинкович ее вообще не читал, либо преследовал цели, далекие от установления истины.

„Идея национально-социального сотрудничества, основанная на духовном и этическом понимании жизни, глубоко заложена в психике русского народа /.../. Почти все современные течения русской общественной мысли за рубежом, в той или иной форме, восприняли идеи солидаризма, но не избежали часто или рабского подражания иностранным образцам /фашизм/, или недооценили значение национального фактора (евразийцы) /.../. С нашей точки зрения понятие национально-трудового солидаризма есть понятие, развивающееся по мере национального и социального творчества (а не эволюции...). Это творчество — моральный долг живых сил Нации”¹⁶.

Модель верховной власти, выработанная НТСНП, резко отличалась от моделей востановления Гитлера или Муссолини, и личность фашистских диктаторов отнюдь не казалась привлекательной. В НТСНП не было ни единоличного управления, ни культа личности вождя, и они не намечались для будущей России. На страницах „центрального органа” НТСНП — газеты „За Россию” (она несколько раз была вынуждена мменить свое название, превращаясь то в „За Родину”, то в „За Новую Россию”), Гитлер характеризуется как „человек момента”, „посмевающий выкрикнуть громко и грубо в лицо толпы то, о чем она мечтала”¹⁷, там же высмеивается паранойя Муссолини и его чудовищный культ личности. Но все же, до того времени, когда удалось о них составить верное впечатление, Гитлер и Муссолини импонировали „новопоколенцам” тем, что они были „новыми людьми”, не связанными с политическим прошлым их стран, совсем не похожими на тех реставраторов из правых русских монархических кругов, от которых молодому НТСНП уже привелось претерпеть много бед...

Не встречал у НТСНП симпатий и политический произвол, характерный для диктатуры, как таковой: будущая российская власть не мыслилась „без строгой законности, точно определяющей ее границы, права и обязанности. Но не только наличие, а и ощущение законности всем населением есть неперемное условие правильного развития нации”¹⁸.

Быстро стало ясным, что для фашизма „личность, как таковая, вообще, не имеет ценности” и что „фашистская идея ограничения индивидуализма в пользу коллектива в России популярна быть не может, так как там она уже проведена в жизнь с чрезвычайной жестокостью”. „В России может быть популярен только лозунг ограничения власти в

пользу человека, т. е. обратный фашистским идеям”¹⁹. В „Курсе национально-политической подготовки” отмечается, что солидаризм итальянский или немецкий „имеет явно коллективистический уклон. Формула, что „индивидуум”, как таковой, не имеет ни права, ни обязанности существовать, как и сходные ей, и приведение всех процессов общественной жизни к органическим тенденциям /.../ неприемлемы для нас”²⁰.

Еще более неприемлемым для НТСНП был, конечно, национал-социалистический расизм: было очевидно, что „материалистическим обожествлением Силы и Расы происходит подмена Христа”²¹. На вопрос: „Приемлем ли нам расизм?” „Катехизис НТС”, опубликованный в первые месяцы войны, отвечал:

„Нет. Ни этически, ни практически. *Этически:* расизм неприемлем потому, что он глубоко материалистичен, ибо основывает единство нации на физиологии, а не на духовном родстве. Кроме того, как таковой он ложен, ибо история его опровергает. Нации бельгийская, швейцарская, а особенно, российская, доказали свою жизнеспособность, несмотря на то, что первые две составлены из германцев и латинян, а российская из ста племен с единым. /.../ *Практически:* нам эта теория неприемлема, ибо она обуславливает необходимость расчленения России, как версальское „самоопределение народностей” расчленило Германию и Австро-Венгрию”²².

Не мог найти одобрения у НТСНП и материалистический, антидуховный характер большинства фашистских режимов. Его выявляли на страницах газеты „За Родину” даже при анализе испанского национал-синдикализма²³, и тем более при изучении итальянского фашизма и национал-социализма. Культ личности Гитлера и Муссолини А. Бердников в 1935 г. сравнивает с однородными явлениями в современной ему России и призывает строить союзное дело „на глубинных основах Духа” и „не поклоняться деревянным богам” фашизма²⁴. Недвусмысленно в этом отношении решение Совета НТСНП, опубликованное в октябре 1938 г.:

„Подлинный национализм протекает не из обожествления государства или народа, а из устремления к служению извечным высшим ценностям — совокупности духовных, политических и социальных идей, наций несомых, ею осуществляемых и от нее неотделимых.

Для нас — это идея Божьей и социальной правды, идея Национально-Трудовой России”²⁵.

Неудивительно, что ни одно европейское „фашистское” государство не отнеслось доброжелательно к НТСНП, не почувствовало в нем союзника. В Италии, Испании и Португалии НТС фактически не существовал и конфликтных ситуаций не возникало, зато в Германии, где было немало русских молодых националистов, гитлеровская власть быстро проявила себя враждебно к Союзу, что в конечном счете привело к решению Исполнительного Бюро НТСНП, опубликованному в августе 1938 г., закрыть немецкий Отдел Союза:

„В виду выяснившейся невозможности самостоятельной и независимой работы нашего Союза в пределах Германии, Исполнительное Бюро постановило, не дожидаясь официального закрытия Групп НТСНП в Германии, приостановить работу этого Отдела впредь до наступления более благоприятных условий.

Деятельность Отдела считать этим распоряжением прекращенной и Отдел НТСНП в Германии распущенным”²⁶.

На Дальнем Востоке отношения НТСНП с местными русскими фашистами, возглавлявшимися К. В. Родзиевским, проходили через разные стадии, от враждебности до сотрудничества, но НТСНП никогда не стремился к объединению с ними. Когда Родзиевский, глава Российского Фашистского Союза (РФС), в приветствии, опубликованном в газете „За Родину”, написал о закреплении „единства идеологии, программы и тактики” обеих организаций, основанном, в частности, на ощущении „несвоевременности монархических предрешений для успеха нашей борьбы”, редакция „За Родину”, поблагодарив Родзиевского за приветствие, ответила лишь, что его заявления дают „основание видеть в Р.Ф.С. соратника и союзника”²⁷. Подобные добрососедские отношения были тогда у НТСНП и с другими русскими организациями, отнюдь не „фашистскими”.

Нужно также отметить, что русский „фашизм” на Дальнем Востоке был весьма отдален по своим программным положениям от различных разновидностей европейского фашизма, это была партия русских националистов и активистов. С „русскими национал-социалистами” в Германии, значительно более подлинными „фашистами”, у НТСНП отношения были иными.

В преддверии Второй мировой войны, в обстановке нагнетания напряженности между двумя военными блоками, НТСНП сохра-

нил свой собственный взгляд, национально-русский, на события. Союз не пожелал принять участие в перепалке двух лагерей, на которые тогда разделилась русская эмиграция: „пораженцев” — сторонников похода против советской власти на стороне страны, напавшей на Советский Союз; и „оборонцев” — сторонников участия в защите России, пусть и советской, от внешнего врага.

Исполнительное Бюро Совета НТСНП высказалось по этому поводу в заявлении, опубликованном в сентябре 1938 г.:

„В зарубежной общественности наблюдаются за последнее время попытки, к счастью немногочисленные, связать российское национальное движение с определенной международной ориентацией.

Не питая враждебности ни к одной из создававшихся группировок, эти начинания мы считаем недопустимой политической ошибкой. Спасение России придет только от русских людей: всякое наше вмешательство в чужие дела лишь усложнит нашу борьбу.

Группам Союза надлежит всячески отмежевываться от таковых безответственных попыток и неизменно подчеркивать наш исключительно „русско-фильский” курс”²⁸.

Все же, не стремясь участвовать в надвигающейся войне, Союз прекрасно видел, что главную опасность для мира представляют не западные демократии, а немецкий тоталитаризм. В августе 1939 г. в газете „За Родину” писалось:

„В момент, когда будет закончена военная подготовка [Германии], большинство рабочих рук опять окажутся без дела”, поэтому социальная политика Гитлера „только блеф, только откладывание разрешения наболевших проблем до новой войны, в которой они, может быть, будут разрешены по рецепту Кремля”. „Между рождающимися в мире новым национальным строем и экспансией надо поставить знак равенства”²⁹.

Тоталитаризмы в лице Германии и Советского Союза, заключили союз и приступили летом 1939 г. к совместному дележу Европы. Освобожденный от советской угрозы Гитлер не побоялся военной конфронтации с западными демократиями. В октябре 1939 г., председатель Совета НТСНП В. М. Байдалаков дал оценку последних событий:

„В европейской военной схватке ни одна из воюющих сторон не показала себя еще искренним другом и деятельным союзником русского народа и подлинных национальных российских интересов”. „Мы, зарубежники, честно и лояльно выполним наш

долг перед странами, нас приотившими. Но душой и всеми помыслами своими мы пока будем придерживаться строгого и бескомпромиссного нейтралитета, ибо борьба идет еще не за Россию»³⁰.

В том же номере союзной газеты было напечатано обращение Исполнительного Бюро Совета НТСНП, где говорилось:

„— Члены Союза выполняют на местах свои обязательства по отношению стран, их приотивших.

— Весь же Союз в целом в современном вооруженном конфликте занимает позицию бескомпромиссного нейтралитета”.

А в марте 1940 года Исполнительное Бюро констатирует:

„Мы почти не наблюдаем в иностранном мире искреннего желания оказать помощь делу возрождения России. Даже больше, — мы являемся свидетелями и попыток ее использования, и планов ее расчленения”. И делает вывод: „Война может создать благоприятные условия для переворота, может дать толчок освободительной борьбе, но международные события сами по себе освобождения не принесут. Будущее России разрешится только на русской земле и русскими людьми”³¹.

Н. Р.

Сноски

1. Л. К. Шкаренков. „Агония белой эмиграции”. — Москва, 1981, с. 150.

2. В. Малинкович. „Какой должна быть стратегия радиовещания на Советский Союз?”. — „Трибуна” № 2, апрель 1983, с. 22.

3. „Юманите”, 8 мая 1936 г.

4. „Известия”, 13 октября 1937.

5. Jean Touchard. „Histoire des idées politiques”, T. 2, Paris, 1967, p. 807.

6. М. А. Георгиевский. „Вопросы программы”. — „За Россию” № 16, июнь 1933; М. А. Георгиевский. „Единая Трудовая Организация Нации”. — „За Родину”, № 73, декабрь 1938.

7. Н. Бабкин. „Фашизм и освобождение России”. — „За Россию” № 28, июнь 1934.

8. А. Столыпин. „Новое Португальское государство”. — „За Родину” №№ 60 и 61, июнь и июль 1937.

9. Маг. „Достижения итальянского фашизма”. — „За Новую Россию” № 55, декабрь 1936 г.

10. М. Толубаев. „Национализм и социальная правда”. — „За Новую Россию” № 51, август 1936.

11. Д. Заборовский. „Испанский национал-синдикализм”. — „За Родину” № 63, ноябрь 1937.

12. М. А. Георгиевский. „Единая Трудовая...”

13. Н. Бабкин. „Фашизм...”

14. М. А. Георгиевский. „Единая Трудовая...”

15. Н. Новаковская. „Heil, Hitler!” — „За Россию” № 8, октябрь 1932.

16. „Курс национально-политической подготовки”. — Часть III. Социальная, экономическая и политическая жизнь. Б. м., 1937, с. 102.

17. Н. Новаковская, там же. О чудовищных проявлениях культа Муссолини пишет А. Бердников: „Европа у края бездны”. — „За Новую Россию” № 39, июль 1935.

18. „Курс национально-политической...” Ч. III..., с. 101.

19. Н. Бабкин. „Фашизм...”

20. „Курс национально-политической...” Ч. III..., с. 101.

21. А. Бердников. „Европа...”

22. „Катехизис НТС”, Б. м., б. г., с. 6. Имеется в виду именно та политика, которую позже будет проводить в России А. Розенберг.

23. Д. Заборовский. „Испанский...”

24. А. Бердников. „Европа...”

25. Решения Совета Союза. К программным положениям. „За Родину” № 71, октябрь 1938.

26. От Исполнительного Бюро Совета Национально-Трудового Союза Нового Поколения. „За Родину” № 69, август 1938.

27. Приветствие от IV съезда Р.Ф.С. „За Родину” № 76, март 1939.

28. От Исполнительного Бюро..., „За Родину” № 70, сентябрь 1938.

29. К. Х. Новый строй или „экспансия”. „За Родину” № 86, август 1939.

30. В. Байдалаков. „Наша оценка событий”. „За Родину” № 90, 1 октября 1939.

31. От Исполнительного Бюро... „За Россию” № 100, 1 марта 1940.

Съезд Совета НТС

6—10 февраля 1984 г. состоялся съезд Совета Народно-Трудового Союза российских солидаристов.

Совет прослушал, обсудил и принял отчетные доклады председателя НТС (А. Н. Артемов) и Исполнительного бюро (Е. Р. Романов) за 1982—1983 гг., а также выслушал и принял к сведению информационное сообщение о деятельности Высшего суда совести и чести (А. П. Столыпин) за тот же период. Был прослушан и обсужден также доклад о деятельности НТС в России (Ю. Б. Брюно). На основе докладов и дискуссии выработан наказ Исполнительному бюро на предстоящее двухлетие.

Произведены перевыборы центральных органов Союза. По личным просьбам А. Н. Артемов и А. П. Столыпин освобождены от занимаемых должностей. Председателем НТС избран Е. Р. Романов. Исполнительное бюро выбрано в составе: Ю. Б. Брюно (председатель), Н. Б. Жданов, Н. Р. Петерс, Р. Н. Редлих. В состав Высшего суда совести и чести выбраны: Я. А. Трушнович (председатель), Г. А. Рар, Т. А. Славинская (действительные члены), Б. С. Брюно, Е. Р. Миркович (запасные члены).

А. Н. Артемов избран председателем Политической комиссии, в задачи которой входят: разработка политических документов, проведение Политических совещаний, политико-просветительная работа в кадрах организации.

По отчетному докладу председателя Стратегической комиссии (В. Д. Поремский) обсуждены направление и проблемы работы комиссии. В состав комиссии выбраны: В. Д. Поремский (председатель), Г. Б. Миллер, Б. С. Пушкарев.

Рассмотрены проекты альтернативных политических документов, подготовленные рабочими группами по поручению Совета; одобрен к публикации проект юридического альтернативного документа (реформа юридического законодательства).

«Надеюсь, что это не повторится...»

Интервью у графа Н. Д. Толстого-Милославского, автора широко известных книг, взял Г. Г. Бонафеле.

— Николай Дмитриевич, что побудило Вас написать книгу "Жертвы Ялты"¹ — о насильственной депатриации советских граждан после окончания войны 1941—1945 годов?

— Когда в 1973 году истек срок секретности хранящихся в английских архивах документов, связанных с Ялтинским соглашением, один мой знакомый, американец, очень ими заинтересовался и начал меня спрашивать о насильственной выдаче советских военнопленных союзниками. Поскольку я знал об этом главным образом по рассказам моих русских знакомых, я тоже захотел познаться подробнее с этими документами. И увидел, что даже и не подозревал до тех пор о громадных размерах этой операции. Выяснилось, что речь шла о 2 300 000 человек! Я стал все глубже изучать вопрос и, наконец, решил написать об этом книгу.

Когда я работал над книгой, газета "Санди телеграф" заказала мне на эту тему статьи для трех воскресных номеров. Я начал писать эти статьи, как вдруг мне позвонил сотрудник редакции, через которого мне заказывали статьи, и в большом смущении сообщил, что мне за статьи заплатят, но публиковать их не смогут. Было ясно, что кто-то влиятельный нажал на газету, чтобы предотвратить появление неприятных кое для кого материалов. Кстати, давление не прекратилось и по сей день, но об этом я еще скажу.

После этого я еще интенсивнее занялся изучением материалов и опросом свидетелей. Через какое-то время я узнал, что лорд Беттелл работает над схожей темой, и начал сомневаться, стоит ли продолжать. Но когда книга Беттелла вышла, я увидел, что, вопервых, к вопросу о жертвах Ялтинских соглашений существует большой интерес, а во вторых, что моя работа сможет восполнить многое, что не попало в его книгу.

— Как Вы считаете, попытки предотвратить публикацию Ваших материалов исходили из официальных кругов или из кругов левых и просоветских настроенных?

— Насколько я могу судить, нажим исходил главным образом из кругов, связанных с Министерством иностранных дел Великобритании. Многие из тех, с кем я беседовал, сообщали мне, что им не советовали давать мне информацию, а один прямо сказал, что его посетил служащий Министерства иностранных дел и просил "ничего не говорить Толстому" по той причине, что "не стоит ворошить эту грязь". Но человеку этому, к счастью, было безразлично, что о нем будут думать в Министерстве, и он сообщил мне много ценных сведений. Конечно, в Министерстве не было ко мне прямой враждебности и желания во что бы то ни стало предотвратить выход моей книги, — было скорее простое недовольство.

Потом один из сотрудников Министерства, с которым у меня приятельские отношения, сказал, что там со временем поняли, что книга моя не направлена против действий нынешнего Министерства иностранных дел и даже не против действий Министерства 1945 года в целом, а что она осуждает действия определенных чиновников, названных мною поименно и к тому же давно находящихся в отставке.

Нападки на меня в прессе, однако, не прекратились и по сей день. Так, например, "Санди таймс" пыталась дискредитировать мою книгу, поместив статью Р. Эйнштейна "Миф о жертвах Ялты". Я без труда смог опровергнуть выдвинутые в статье аргументы, и с тех пор эта газета меня не атакует, а лишь замалчивает мои статьи и книги. В апреле 1983 года другая воскресная газета, "Мэйл он санди", решила посвятить большую статью моим разоблачениям некоторых поступков бывшего министра Макмиллана. Ко мне на дом прислали фотографа, взяли интервью. Работа была проделана, но статья так и не появилась. И, по-видимому, не появится.

— Как Вы думаете, отдавали ли себе американское и британское правительства полный отчет о том, какие могут быть последствия подписанных ими Ялтинских соглашений?

— В сентябре 1944 года многие члены британского кабинета, в том числе и Черчилль, не представляли себе размеров этой проблемы. В то время у западных союзников было лишь несколько десятков тысяч бывших советских пленных, захваченных во Франции. Из них 32 000 было перевезено в Англию. О том, что репатриацию невозможно будет провести без крутого насилия, в Министерстве иностранных дел, наверное, поняли лишь тогда, когда среди русских пленных в английских лагерях начались самоубийства. Возникла и другая проблема: на попавших в Англию советских пленных и других советских граждан автоматически распространялись британские гражданские законы. И, следовательно, никто не мог быть выдан Советскому Союзу вопреки его желанию. Перед министерскими служащими встал сложный вопрос: как скрыть от пленных, что они обладают этим правом? Лагерь охранялись слабо, чиновники боялись, что какой-нибудь беглый пленный встретится с юристом или кем-нибудь другим, узнает о своих законных правах и сообщит об этом дальше. Могла быть сорвана вся насильственная репатриация.

О том, что насильственная выдача с территории Англии незаконна, служащие Министерства хорошо знали и сами называли свои действия мощенничеством. В оккупированных же областях действовали военные законы, и на них британское гражданское право не распространялось.

О судьбе, ожидающей советских пленных на родине, в Министерстве иностранных дел стало известно уже в конце 1944 года, когда (к годовщине Октябрьской революции!) первый транспорт репатриантов был отправлен в Мурманск. Там пленных встретила вооруженная охрана, с них содрали английское обмундирование и загнали в лагерь за колючую проволоку. Позже, в апреле 1945 года, поступили сведения о том, что другая группа репатрированных пленных была расстреляна сразу после выгрузки на молу в Одессе.

В Министерстве на это смотрели с полным безразличием. Некоторые пытались оправдать насильственную репатриацию тем, что для Запада, мол, непосильно взять на себя заботу о двух с четвертью миллионах человек. Это, конечно, вздор. Тем более, что большое количество бывших пленных вернулись бы добровольно, беспокоясь за родственников или поверив в сталинскую амнистию. Из Лихтенштейна, например, единствен-

ной западной страны, категорически отказавшейся от насильственной выдачи советских граждан, две трети бывших советских военнопленных вернулись на родину по собственному желанию. Они сговорились с теми, кто остался, что будут писать. Но никто никогда не получил от них ни одного письма...

Меня особенно возмутила та методичность, с которой английские власти преследовали этих несчастных людей, и та жестокость, которую они проявляли даже к женщинам и детям. Выдавали даже младенцев, родившихся за границей и поэтому не являвшихся советскими гражданами.

— Как Вы считаете, знали ли английские и американские власти, какая судьба постигла советских военнопленных, взятых в плен финнами и возвращенных в СССР в 1940 году?

— Я не знаю, сразу ли узнали в правительственных кругах Запада о том, что произошло с советскими военнопленными, вернувшимися из Финляндии. Но в 1945 году гражданские и военные власти прекрасно знали, что ждет бывших советских пленных в СССР. Например, в книге "Секретная война Сталина"² я пишу, как советский пленный подробно и убедительно объяснил допрашивавшему его англичанину, почему он и его товарищи так боятся возвращения на родину. Англичане знали о том, что в СССР существует система лагерей, знали, что Сталин намеренно не подписал Женевскую конвенцию о пленных, знали, что он не проявлял никакого интереса к судьбе советских пленных в немецких лагерях; они знали, на чем держится советская система и как она функционирует.

Насколько мне известно, американцы вели себя несколько гуманнее: закрывали глаза на побег из лагерей, не выдавали насильно женщин и детей. В 1945 году советский посол в Вашингтоне жаловался государственному секретарю Хуу, что американцы в Германии сознательно задерживают репатриацию некоторых советских военнопленных и других советских граждан и даже "начали вербовать их в Американский иностранный легион" (такого легиона вообще не было, посол, очевидно, спутал его с французским Иностраным легионом). На это Хуу, шутя, ответил, что у американцев и так под ружьем восемь миллионов человек и что больше им никак не нужно. Лишенный чувства юмора советский посол принял этот ответ за скрытую угрозу.

— Не было ли прямого советского влияния на британскую политику того времени через советскую агентуру?

— По юридическим соображениям на этот вопрос приходится отвечать чрезвычайно осторожно, нельзя также называть имен. Однако, в общем на него можно ответить утвердительно. Моя уверенность в том, что тут не обошлось без советской агентуры, подкрепляется, во-первых, той настойчивостью, с которой проводилась эта политика, служившая по сути дела лишь интересам Советского Союза, но никак не интересам Великобритании. И, во-вторых, биографиями некоторых активных участников проведения этой политики в жизнь. Многие из них придерживались весьма левых взглядов и безрассудно увлекались всем советским. В "Секретной войне Сталина" я пишу об одном из них. Он настолько восторгался Советским Союзом и Сталиным, что во весь голос заявлял: ему, мол, свободно дышится только советским воздухом в Москве! Требуется ли более откровенное признание!

Интересно также отметить, что никто из более крупных бывших сотрудников Министерства иностранных дел того времени не согласился дать мне интервью. Хотя тогда они уже прекрасно знали, что все так или иначе будет предано гласности и что я представлю им полную возможность оправдать свои действия и опубликую их показания почти дословно. По-видимому, они опасались некоторых дополнительных вопросов, и им было, что скрывать.

Один из них, сэр Томас Бримеллей, правда, выступил публично в Оксфорде с разъяснениями. Но это были "разъяснения" в кавычках. Интересно также, что он выступил как раз тогда, когда я находился на другом конце света, в Корее, и, к сожалению, не имел возможности ему возразить. Он сказал, что в Польше в руки советской армии попало много евреев с британскими паспортами, и вот об их судьбе, мол, беспокоились в Министерстве иностранных дел, боясь задержкой репатриации русских военнопленных раздражить Сталина. Если бы я присутствовал на докладе сэра Томаса, я попросил бы его назвать хоть одно имя. Ни в каких документах и правительственных сообщениях я не мог найти ни одного упоминания об этих таинственных евреях. Мне непонятно, зачем надо было изобретать такую неправдоподобную версию? Казалось, было бы проще признаться: "Мы были увлечены Сталиным, мы

были близки к Советскому Союзу и поэтому поступали не слишком умно". Такое объяснение хоть что-то могло объяснить. Тот факт, что оно не было дано, наводит на подозрение, что, действительно, было, что прятать.

— Знали ли американцы и англичане о количестве советских пленных в Германии?

— Они знали, что в Германии сотни тысяч пленных, но точные цифры известны не были. Кроме того, ведь многие умерли в лагерях от голода и болезней, многих немцы просто убили.

— Не думаете ли Вы, что судьба жертв Ялты может повлиять на поведение советских солдат в малых войнах, например, в Афганистане или в иных странах, на которые в будущем может напасть Советский Союз?

— Это важный вопрос. Многое будет зависеть от того, насколько солдаты осведомлены о событиях того времени. Я думаю, что о насильственной репатриации они знают очень мало. В Советском Союзе об этом ничего не писали, и из бесед с недавними эмигрантами я вывел заключение, что старшее поколение неохотно говорит на эти темы.

Рассматривая этот вопрос в иной плоскости, я надеюсь, что моя книга поможет тому, чтобы в будущем проведение подобной политики со стороны Запада было затруднено*. Надеюсь, что это не повторится...

— Что побудило Вас написать вторую книгу — "Секретная война Сталина"?

— Когда я закончил писать "Жертвы Ялты", книга оказалась примерно в два раза длиннее, чем окончательный вариант. Фактически я писал одновременно две книги и пытался ответить на два вопроса: 1) почему советская власть так относилась к своим пленным? и 2) как случилось, что на Западе столько людей было увлечено Советским Союзом и безрассудно потворствовало политике Сталина? И когда издатели посоветовали сделать из рукописи две книги, я охотно согласился.

* Говоря о проблеме советских пленных в сегодняшних малых войнах, следует также отметить, что граф Н. Д. Толстой-Милославский возглавил Комитет спасения советских пленных в Афганистане; в Комитет вошли видные представители российской эмиграции. Последнее обращение Комитета см. в данном номере "Посев", стр. 25. — Ред.

Во второй книге я хотел написать историю того критического периода до и во время войны, когда советское правительство еще имело время и пространство для политического маневрирования. После войны они сами себя загнали в такой угол, что маневрировать им стало гораздо труднее. Тогда же они могли себе позволить крутые политические повороты, например, дружбу с нацистской Германией. Кроме того, никакая история Советского Союза не может быть полной, если она не включает историю его наиболее известных учреждений, например, ГУЛага, системы полицейской слежки и подавления. Иначе у читателя создается впечатление, что он находится в некоем сказочном государстве, а не в Советском Союзе. Такое впечатление, например, возникает, когда листаешь страницы многоотомной истории Советского Союза Е. Х. Кара, который пользуется многими непроверенными данными, как, впрочем, и другие историки. Других данных просто нет. А ведь главное "достижение" советской системы — это именно страдания миллионов и бесконечные кровопролития.

Углубляясь в работу над книгой, я все лучше видел, сколь тесным было сотрудничество Советского Союза с нацистской Германией. Одновременно я понял, что Сталин больше всего боялся восстания внутри страны, и именно этот страх довлел над всем его мышлением. Я, конечно, никогда не говорил, что опасность восстания действительно существовала. Важно, что Сталин так думал, и в его союзе с Гитлером это объясняет многое.

Гитлер, например, приостановил всякую антибольшевистскую пропаганду в оккупированных им до июня 1941 года странах. Все больше и больше поступает свидетельств, что Сталин боялся англичан и французов гораздо больше, чем немцев. Сталин, например, отнюдь не собирался воевать с Гитлером во время Мюнхенского кризиса 1938 года. Наоборот, уже в это время антинацистская пропаганда в Советском Союзе была несколько приглушена. Сталин нуждался в союзе с Гитлером больше, чем тот нуждался в союзе со Сталиным. Уже вскоре после того, как Гитлер стал канцлером, Сталин начал зондировать почву в Берлине на случай возможного сближения. Даже во время войны некоторые контакты между НКВД и Гестапо не прекращались. Кое в чем у них сохранялись общие интересы. Например, советская армия про-

стояла 7 месяцев в 20 милях от Освенцима, хотя небольшое наступление могло бы спасти жизнь многим тысячам заключенных до того, как началась самая страшная волна массовых убийств евреев. По-видимому, Сталин хотел смерти этих несчастных. Почему, я не берусь сказать, но я уверен, что именно так и было.

— Возвращаясь к теме советско-нацистской дружбы: читали ли Вы книгу фон Херварта "Между Гитлером и Сталиным" (Hans v. Herwarth. "Zwischen Hitler und Stalin", Frankfurt a. M.: Propyläen Verlag, 1982)?

— Да. Он мне ее прислал, очень хорошая книга.

— Там есть интересные сведения о том, что между 1933 и 1938 гг. взаимоотношения Советского Союза с Германией были гораздо лучше, чем многими со стороны это казалось.

— Да, конечно. На Западе господствовало неправильное мнение, что коммунизм и нацизм сильно отличаются друг от друга и непримиримо враждебны. Поэтому такой неожиданностью явился пакт Гитлера со Сталиным. Однако Кривичкий* предсказал это соглашение за год до того, как пакт был заключен.

— Не находите ли Вы несколько странным (особенно, принимая во внимание, как много сходства между нацизмом и коммунизмом), что на Западе каждый должен быть антифашистом, но быть антикоммунистом несколько неприлично?

— Да, безусловно. Коммунизм очень хитер, его поверхностный интернационализм задуман для привлечения иностранцев, в то время как про фашизм еще Муссолини сказал, что он "не для экспорта". Существует довольно наивная сокращенная версия марксизма, которой, однако, на Западе многие увлекаются.

— Какие уроки может Запад извлечь из Ваших книг и какой из них Вы считаете самым важным?

— "Великие истины обычно просты", — сказал мой великий родственник. Так же прост и главный урок для Запада. Советский Союз уважает только силу и твердость. От-

* Вальтер Кривичкий, бывш. резидент советской разведки в Гааге, до 1935 г. работал в Разведуправлении Красной армии. Летом 1937 г. с женой и маленьким сыном попросил политическое убежище во Франции, позже переехал в США. В 1941 г. его нашли застреленным в вашигтонской гостинице.

части именно это влекло Сталина к Гитлеру. Конечно, Гитлер дал ему то, к чему Сталин стремился, — часть территории Восточной Европы и подавление антибольшевистской пропаганды. Но Сталин также испытывал некое мазохистское удовлетворение, имея дело с таким человеком, как Гитлер, таким же беспощадным и властным, как и сам Сталин.

Нет риска быть сильным, но большой риск заложен в слабости. За всю свою историю Советский Союз не напал добровольно ни на одну страну более сильную, чем Финляндия или Афганистан. Советский Союз — хвастливый и наглый хулиган и, к тому же, трусливый. Все знают, что русские — смелые люди, они прекрасные солдаты, но не все знают, что советский режим труслив. И у него есть веские основания бояться. Царский режим пал в результате войны, и советские правители знают, что война может стать для них роковой. Для Запада нет риска быть сильным и даже непреклонным. Наоборот, известная твердость в отношении Советского Союза совершенно необходима. Советский Союз должен точно знать свое место, опасность возникает, если Запад позволит ему об этом забыть.

— Хотели бы Вы увидеть Ваши книги опубликованными по-русски?

— Очень. В конце концов, они были написаны больше для русских людей, чем для Запада.

— А какие у Вас литературные планы?

— В ближайшее время выходит моя новая книга „История семьи Толстых”³ (интервью взято до выхода книги. — Ред.). По-своему, это также история России, так как в течение веков Толстые играли видную роль, даже в Советском Союзе был свой Толстой — Алексей Николаевич. Это дало мне прекрасную возможность описать жизнь сталинской элиты. Главу об А. Н. Толстом я начинаю цитатой из его официальной биографии о поездке графа к своему приятелю на расположенную на берегу озера подмосковную дачу, о том, как он и его друзья проводили летние месяцы, катаясь на яхтах и посещая роскошные дачи соседей. Закончив цитату, я спрашиваю читателя, не решил ли он, что здесь описывается жизнь дворян, помещиков, скажем, во времена Александра III, их летнее времяпрепровождение в своих

угодьях? Мало кто сразу догадается, что речь идет о сталинской России времен сороковых годов.

— Касаются ли Вы в этой книге всех ветвей многочисленной семьи Толстых?

— В основном я пишу о наиболее известных ее членах, как, например, о знаменитом в петровское время после Петре Андреевиче, похитившем из Австрии в 1718 г. царевича Алексея; о генерале Остермане-Толстом, воевавшем против Наполеона; об Алексее Константиновиче, поэте и писателе. Глава за главой следуют в историческом порядке, начиная от первых сведений о нашей семье в средние века и кончая бегством моего отца на Запад.

Описание того, как мы очутились здесь, позволяет мне уже с личной точки зрения еще раз коснуться большевистских зверств. Как ни странно, но это первая опубликованная история нашей семьи. Я надеюсь, что эта книга вызовет интерес в Советском Союзе, особенно среди тех, кто изучает творчество Льва Толстого. Такого человека ведь нелегко понять, не изучив его семейную среду и происхождение.

— Возникли ли у Вас трудности из-за невозможности пользоваться материалами, находившимися в Советском Союзе, когда Вы работали над книгой о Толстых?

— Я не думаю, что остались какие-либо важные пробелы, которые следует заполнить, и с литературной точки зрения это на книгу не повлияло. Но я был очень огорчен одним серьезным пробелом в моей работе: недоступностью семейных архивов. Известные под именем „Фонд Толстых-Милославских”, они были в свое время забраны большевиками из нашего дома, и теперь они хранятся в библиотеке города Казани. Но с некоторыми документами из этого архива я познакомился, так как мой прапрадед опубликовал их в свое время в журнале „Русская старина”.

Книги Н. Д. Толстого, упомянутые в интервью:

1. Nicholas Tolstoy. „Victims of Yalta”, Holder and Stoughton, 1978; карманное издание в изд. Corgy, 1979. См. рецензию А. П. Стольпина на эту книгу в „Посеве” № 4, 1981.

2. Nicholas Tolstoy. „Stalin's Secret War”, Jonathan Cape, 1979.

3. Nicholas Tolstoy. „The Tolstoy: 24 Generations of Russian History 1353—1983”, Hamish Hamilton, 1983.

О журнале «Грани» в 1982-1983 годах

Долгие годы „Грани“ были единственным журналом в эмиграции, ориентированным на литературу в России — как на самиздательскую, так и (до появления ее) на все свободное, свежее и независимое, что пробивалось на страницы официальной печати. Многие имена, позже ставшие всемирно известными, Запад узнал со страниц „Граней“.

С изменением ситуации в эмиграции „Грани“ перестали быть единственной „посадочной площадкой“ для российских авторов, и назрела необходимость нахождения новой концепции журнала. Этой проблеме касается публикуемая ниже статья Ю. Кублановского, в которой говорится об журнале „Граней“ в последние два года (с № 124 до № 130). Эти два года, открывшие в журнале еще одну грань, стоит отметить и потому, что с начала 1984 г. у „Граней“ новый редактор и начинается новый период жизни журнала.

Выходящий с 1946 года во Франкфурте-на-Майне ежеквартальник „Грани“ — один из старейших литературных журналов в эмиграции — хорошо известен как здесь, так и в России.

В наше катастрофически убыстрившее свой ход время период в 38 лет — очень значительный временной срок, исторический отрезок, насыщенный до предела.

И у толстого альманаха-журнала — своя сложная антиномичная задача: сохранять определяющую лицо фундаментальную платформу и при этом не потерять живость, то есть мобильно развиваться во времени и соответствовать ситуации. А она в русской диаспоре на Западе за последние десять лет видоизменилась значительно: пришла новая — третья — волна эмиграции из советской России — со своими пожеланиями, амбициями, стилями и мироощущениями, нередко противоположными друг другу. Возникло много новых журналов и альманахов, из России приехало множество деятелей, публицистов и литераторов разных судеб и умонастроений: некоторые были под коммунистами вполне преуспевающими — им пришлось порвать с режимом, некогда их кормившим, другие — еще в СССР полностью „деклассировались“, а то и прошли психбольницы и лагеря. И всем, конечно, необходимо высказаться.

И тут „Граням“, имеющим свое „лица не-общее выражение“, казалось, надо было выбирать: стать ли просто трибуной для высказываний и столкновений новоприбывших из СССР лиц и группировок или — „гнуть свою линию“, не боясь естественной консервации...

Редакторы „Граней“ выбрали третий, казалось бы, неожиданный путь. Отнюдь не пренебрегая собственно художественными публикациями, они обратились к выполнению несколько иной задачи, отличной от

обычной журнальной, но кардинально необходимой для развития всего освободительного движения в России. Эта задача сходна с той, которую ставит перед собой А. И. Солженицын (как в эпосе „Красное колесо“, так и в основанной им серии „Исследования Новейшей Русской Истории“ и в только начинающей выходить „Всероссийской Мемуарной Библиотеке“), — воскрешение исторической памяти России.

В самом деле: вопрос о будущем устройстве и политической системе в нашем Отечестве ставится и „решается“ зачастую без элементарного знания и понимания конкретной истории. Беззащитно черпают сведения откуда хотят, не читая и не интересуясь источниками, не брезгуя ссылками на опосредованные высказывания и, в сущности, питаясь мифологемами. Ни конкретная жизнь в послереформенной России, ни думская монархия, ни экономическое развитие в канун Первой мировой войны, ни Добровольческое движение — ничто не освещено с полнотой, а обо всех этих ключевых страницах нашей новейшей истории судят и рядят „с легкостью мыслей необыкновенной“.

А „Грани“ — вместо поспешного печатания скороспелых умозаключений и мироощущений обращаются к самому первоочередному и поэтому... как ничто злободневному: к истокам.

Именно поэтому такие разделы журнала как „История“ и „Документы“ занимают в каждом из последних выпусков более (и уж никак не менее) трети общего объема и являются, можно без преувеличения сказать, с бытием для каждого, кто всерьез заинтересован русской историей.

Эпиграфом ко всем этим публикациям можно поставить слова Солженицына: „Наша страна в ее нынешнем духовном возрождении больно ощущает провал своей исторической памяти. (...) После десятилетий стали

выныривать из забвения многие первоисточники, считавшиеся утраченными или вовремя не оцененные, и многие личные свидетельства, на которые уже не было надежды". Редакторы „Граней" объединены той же целью, что и инициатор библиотеки „Исследования Новейшей Русской Истории" (соплатоническое предисловие к которой я и цитирую) — это „цель очистить русскую историю от наростов лжи, выяснить затоптанную истину о последних веках России".

*

Каждая из исторических публикаций „Граней" связана с фигурой новейшей нашей истории. С фигурой, с одной стороны — достаточно „малоизвестной" (во всей исторической конкретности), а с другой — игравшей важную, а то и ключевую роль на определенном отрезке.

Таков, скажем, генерал Алексеев — крупнейший военачальник в Первую мировую войну, зачинатель Добровольческого движения. Некоторые монархисты склонны обвинять ген. Алексеева чуть ли не в измене императору (например, широкое хождение получила теперь в России книга Кобылина „Император Николай II и генерал Алексеев"). Из замечательной публикации в 125-м номере „Граней" дневниковых записей ген. Алексеева и воспоминаний о нем его дочери Алексеевой-Борель возникает другой образ: русского патриота, „классического" русского генерала, быть может, и отдавшего дань общему параличу отношения к монарху, но всегда трагически радевшего о судьбах Родины. В деликатно изыщной и глубокой вводной заметке Н. Рутыча (заместитель главного редактора Рутыч, как правило, инициатор и редактор исторических публикаций в „Гранях"), точно замечено, что указание ген. Алексеева на отсутствие в воззваниях Керенского и других „горе-министров из социалистов" таких понятий, как „отечество", „Родина", приведшее к окончательному упадку армии, можно считать „как бы идейным прологом для создания новой Добровольческой армии, готовой до конца служить родине и России" и пытавшейся возродить патриотическую традицию. Не остается сомнений: именно революционные демагоги, разнившиеся оттенками, но объединенные безответственностью, в „альянсе" с бескрылой государственной бюрократией, привели Россию к развалу, обеспечившему победу

большевистского путча. И уже в октябре 1917-го Алексеев осознает необходимость создания противостоящей большевикам армии...

Такому положению вещей, при котором стало возможно отречение Государя в самый разгар военных действий, предшествовали годы „думской монархии". Подробно деятельность Думы расследует теперь Солженицын и приходит к малоутешительным выводам: безответственная демагогия большинства думцев не содержала в себе конструктивного положительного зерна, а либеральная пресса соответственно собственной инерции раздувала огонь в левом.

Во всяком случае, все связанное с работой Думы и других демократических органов в предреволюционной ситуации — глубоко актуально и совершенно необходимо для понимания исторического процесса в последние годы существования Российского государства. Потому с таким интересом принимаются в 127-м номере „Граней" деловито и колоритно написанные „Воспоминания" депутата Государственной Думы от Харьковской губернии Никанора Васильевича Савича. Выходцы из глубинки, привлеченные волей судеб, подобно Савичу, к государственной работе, порой лучше и трезвее оценивали ситуацию, чем столичные партийные лидеры.

Предпочитая исторические материалы „художественной текучке" в № 128 редакция вообще отказывается от „прозы и поэзии": первую половину журнала занимает откомментированная публикация писем генерала А. И. Деникина полковнику П. В. Колтышеву, охватывающих огромный временной срок с 1922 по 1934 гг. Военная деятельность Деникина не лишена определенных ошибок (на которые неоднократно указывал барон Врангель), тем не менее ген. Деникин (преданный Керенским летом 1917-го вместе с Корниловым, Марковым, Лукомским и другими военачальниками, попытавшимися спасти Россию), несомненно, один из главных героев всего Добровольческого движения. И его полунисненское существование в эмиграции — крест, который он нес с неослабным достоинством. Как отмечается во введении к публикации, „генерал Деникин никогда не менял своих взглядов, оставаясь верным идее служения России. Вопреки распространяемым после конца войны слухам, он никогда не скатывался к сменам веховству, никогда не строил мостов между Россией и коммунистической властью".

Из опубликованных писем возникает живой образ А. И. Деникина — редкостью для своего времени (вспомним хотя бы жалкие „мутации“ Милюкова!) понимавшего коммунистический феномен, Деникина — человека достославного едва ли не выродившегося теперь благородства...

*

„Грани“ столь насыщены интереснейшим материалом, что, начав „рецензировать“, трудно поставить точку.

И все-таки трудно не упомянуть оригинальной (своим отличием от клишированного кондового взгляда) статьи Д. Поспеловского „Некоторые вопросы отношений Церкви, государства и общества в дореволюционной России“. Она дает совершенно свежую и новую картину положения и состояния Российского духовенства. Несмотря на разрушительную политику самодержавия в отношении русской Церкви (политика, очевидно, идущая от „комплекса“ боязни в стране двоевластия „Государь—Патриарх“) — отмену патриаршества, секуляризацию церковных земель, бесправие и нищенское существование приходских деревенских батюшек и т. д., — русское духовенство вовсе не соответствовало мифологеме, созданной о нем светскими и разночинными публицистами (увы, и Пушкин внес сюда свою лепту). И в начале нашего века Церковь смело выводила российское общество из всемирного позитивистского тупика. Не ее вина, что Собор опоздал собраться, что Государь оттягивал его разрешение (быть может, наиболее страшная по своим последствиям ошибка последнего царствования). А в итоге — православные не сумели объединенной силой выступить против интернациональной оккупации Российского государства...

Д. Поспеловский заканчивает свою статью точным соображением: „Можно с уверенностью сказать, что, войдя Церковь в революцию самостоятельной единицей, с большим нравственным авторитетом и опытом независимого существования, духовно и административно спаянной, роль ее была бы вполне сравнимой с ролью нынешней Польской католической Церкви“... А от себя добавим — что, быть может, и большей.

*

Такая локализация „Граней“ на исторической проблематике, к сожалению, имеет не только свои плюсы (о которых достаточно говорилось выше), но и минусы. Хотя в журнале в последние годы напечатано немало значительного в художественном отношении (проза Владимира, воспоминания Бахраха, стихи Бодровой, Ратушинской и т. д.), все-таки историческая документалистика, явно превалируя, меняет, собственно, жанр того, что принято называть журналом: он становится, скорее, историческим альманахом. А это, в свою очередь, несомненно сужает круг читателей „Граней“ — хотя бы в силу специфичности публикуемых материалов. Хорошо, если в будущем „Грани“ рискнут „объять необъятное“: максимально сохраняя историческую насыщенность, расширят художественные разделы.

Задача, конечно, сложная: надо привлечь новых авторов, твердо следить за тем, чтобы художественное качество печатаемого было на должном уровне. Но все эти хлопоты и затраты окупятся, когда „Грани“ станут разнообразнее и приобретут своего массового (если это слово уместно в отношении эмиграции) читателя.

Ю. Кубановский

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Издательство „Посев“ искренне благодарит Р. Н. Редлиха и Н. Рутыча за работу по выпуску в течение двух лет журнала „Грани“ (№№ 124—130), редактирование которого они приняли на себя после ухода по состоянию здоровья с редакторского поста Н. Б. Тарасовой.

Особенно следует отметить появление в этот период в журнале ценнейших исторических материалов, касающихся гражданской войны и Думского периода. Это — заслуга Н. Рутыча, не только затратившего много труда, но и правильно оценившего тот интерес, который есть у новых поколений в России к восстановлению исторической памяти.

С 1984 года (с № 131) редактирование журнала „Грани“ передается недавно выехавшему из Москвы Г. Н. Владимову, писательское имя которого не нуждается в рекомендациях. Издательство с радостью приняло согласие Г. Н. Владимова занять пост главного редактора, так как такая преемственность подтверждает многолетнюю связь журнала с Родиной.

Издательство уверено, что традиционная линия журнала — журнал для России — сохранится и впредь.

Как управлял Крымом Врангель

16 декабря в центральных газетах „Известия” и „Советская Россия” одновременно появились две статьи с нападками на книгу Н. Росса „Врангель в Крыму”, вышедшую в издательстве „Посев”. Поводом для нападок послужила радиопередача об этой книге по „Голосу Америки” (мы выражаем благодарность авторам этой передачи), но, несомненно, более глубокая причина — обеспокоенность коммунистической власти растущим в стране интересом к исторической правде о дореволюционной России и о Белом движении, поисками в российском прошлом тех элементов государственного устройства, которые могут быть альтернативами для нашего будущего.

Спорить с клеветническими штампами советских пропагандистов мы не будем — книга „Врангель в Крыму” сама является их убедительным документальным опровержением. Ниже — написанная ранее краткая рецензия на эту книгу (см. также статью Н. Росса „Политика генерала Врангеля” в „Посеве” № 8, 1983 г.).

Генерал-лейтенант барон Петр Николаевич Врангель был последним некоммунистическим правителем России. Правда, его власть распространялась только на малую часть российской территории и длилась лишь 8 месяцев. Но даже за этот малый срок она продемонстрировала разительное отличие от советской власти на любом ее этапе. Немудрено, что официальная советская историография предпочитает обходить этот период молчанием, ограничиваясь клеветническими штампами.

Правление ген. Врангеля не вызывает особого интереса и на Западе, которому неприятно вспоминать о своей непоследовательной политической игре того времени. Зато в русской эмиграции этот 8-месячный период был освещен в обильной мемуарной литературе, написанной как соратниками ген. Врангеля, так и им самим (см. исключительно добротные „Воспоминания” ген. Врангеля, переизданные издательством „Посев” в 1969 г.).

И вот недавно появилась первая монография, посвященная именно управлению им белого Крыма*. Автор, историк Н. Г. Росс, использовал хранящийся в Гуверсовом институте в Калифорнии богатейший архив ген. Врангеля. Исследовательский подход позволил автору оставаться в достаточной мере беспристрастным и освещать, когда нужно, и теневые стороны крымской эпопеи; он стремится нарисовать, хотя бы в общих чертах, ее полную картину.

Это ему в значительной мере удалось. Меньше всего он останавливается на наиболее известной военной и внешнеполитической стороне деятельности ген. Врангеля, уделяя этому внимание в обширном, разбитом на три главы, введении; затем поочередно разбирается восстановление армии, зем-

ская и земельная реформы, финансовая и рабочая политика, суд, национальный вопрос, пропаганда и печать, политическая и культурная жизнь, школа и взаимоотношения с Церковью. А вместо заключения Н. Росс обещает новое исследование о „константинопольском” периоде деятельности ген. Врангеля.

По всеобщему признанию, включая недругов, ген. Врангель был храбрым и способным военным. В данной книге это не оспаривается, но и не развивается. Зато из нее явствует другое: что Врангель, к тому же, был и крупным государственным деятелем.

Действительно, когда он принял командование, трудно было себе представить более тяжелое „наследство”: разложившиеся остатки побежденной армии, малая территория, фактически лишенная природных богатств, населенная наполовину инородцами и запруженная беженцами, фактическое безвластие несмотря на разросшийся чиновничий аппарат и полная международная изоляция. А добился он воссоздания вполне боеготовой и дисциплинированной армии, нормального снабжения, установления относительного правопорядка, признания Францией и даже проведения давно назревшей земельной реформы. Эти результаты говорят за себя.

Иногда характеризуют правление Врангеля, вслед за П. Б. Струве, как „левую политику правыми руками”. Какое-то зерно правды в этом есть, но автор уточняет, что Врангель в конкретной политике отличался скорее прагматизмом. Будучи лично человеком очень правых взглядов, он все же был готов выслушать любое дельное мнение и принять любое разумное решение, лишь бы оно способствовало победе.

Может быть, самыми первыми из этих решений были реорганизация снабжения войск и установление военно-судных комиссий (включавших представителей от крестьян)

* Николай Росс. „Врангель в Крыму”. — Франкфурт-на-Майне: „Посев”, 1982, 368 с. (с приложениями, фотографиями, картой). Цена — 32 нем. м.

для борьбы с грабежами и коррупцией. По ряду нейтральных источников, с разлагающими и отталкивающими явлениями „самоснабжения” было покончено. Вообще, национальная политика белого Крыма, не в пример деникинскому периоду, отличалась большим уважением к меньшинствам; с украинцами и казаками удалось наладить хорошие или, по крайней мере, деловые отношения; евреи, по собственным свидетельствам, были в основном Врангелем довольны: он зорко следил за антиеврейскими настроениями и немедленно пресекал их выражение. Правда, автор обходит почти молчанием вопрос об отношениях с крымскими татарами, хотя в другом месте он отмечает, что они часто уклонялись от мобилизации, а то и переходили к „зеленым”. По-видимому, они считали гражданскую войну исключительно „русским” делом — за что жестоко поплатились впоследствии.

Другим важным достижением Врангеля было восстановление земского самоуправления — правда, с некоторыми ограничениями (под контролем администрации), но в военное время кто мог требовать большего? По всеобщим свидетельствам, земства работали в целом успешно.

Земельная реформа состояла в отчуждении помещичьей земли и передачей ее в „вечную” собственность, закрепленную „бумагой с орлом”, крестьянам, согласившимся платить за нее выкуп — впрочем ниже рыночной арендной платы. Для обслуживания сельского населения были направлены необходимые чиновники, землеустроители, землемеры. Реформа не всюду дала одинаковые результаты: в одних местах она успешно была проведена в жизнь, в других, из-за неуверенности в прочности или в истинных намерениях белой власти, крестьяне заняли выжидательную позицию. Но недружельюбия не было нигде. Красные, верные самим себе, подняли целую кампанию клеветы против этой реформы, доходя до прямой подделки брошюры с текстом закона, изданной массовым тиражом белыми.

Нельзя сказать, что удалось наладить экономическую жизнь. Для покрытия огромных военных расходов правительству пришлось

Генерал П. Н. Врангель

печатать колоссальное количество денежных знаков — что вызвало стремительную инфляцию. Инфляция, это по существу, вид налога, ибо государство новые денежные знаки использует на свои нужды. Неизменная спутница инфляции — дикая спекуляция. Но, по крайней мере, у Врангеля не было голода, который во многих других областях России уже наблюдался. Рабочие, среди которых были сильные пробольшевистские течения, не причиняли правительству Врангеля сколько-нибудь серьезных затруднений. Печать пользовалась большой свободой, существовал широкий спектр политических течений (от Маркова II до Бурцева, включая промежуточные, как Шульгина)

Все это детально рассказано в добротной книге Н. Росса, содержащей в приложении немало архивных документов и фотографий, публикуемых впервые.

В. Ламздорф

Внимание!

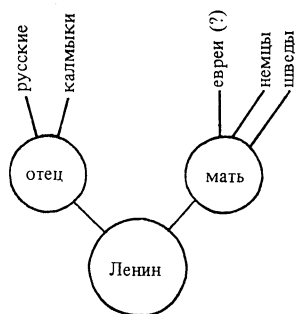
**С 5 августа 1984 г. меняется
телефонный код Франкфурта-на-Майне:
вместо 0611 будет 069.**

О происхождении Ленина

Этой малоизвестной теме посвящена статья швейцарского историка проф. д-ра Леонарда Хааза „О предках Ленина“, опубликованная в газете „Нойе цюрхер цайтунг“ (25.2.1983). Как известно, Ленин не очень охотно вдавался в подробности своего происхождения и говорил, что не придает этому значения. Весьма скудные сведения об этом и в более поздних советских источниках. Цель статьи швейцарского профессора —

„...проникнуть в покрытую тьмой семейно-историческую подоплеку происхождения революционера В. И. Ульянова (1870–1924). Ибо если приписывать народам коллективные качества — вспомним „Спектр Европы“ Кайзерлинга, — то есть основания из родословной Ленина вывести некоторые новые черты его характера. Эту пионерскую работу начала в 1938 году (и позже продолжила) М. Шагинян своим, бесспорно основанным на документах, романом об Ульяновых, что побудило и западных историков, таких, как Г. фон Раух, А. Брауер, У. Виллерс и др., а также соотечественника М. Шагинян — С. Шуртакова — еще больше вскрыть целину в этом вопросе“.

Проф. Л. Хаазе приводит следующую схему родословной Ленина:

Отец Ленина, Илья Николаевич Ульянов (1831–1886), православный, дослужившийся до директора народных училищ Симбирской губернии, происходил из простой семьи; его отец был русским, мать — калмычкой, перешедшей из буддизма в православие. Внешне Ленин в сильной степени унаследовал калмыцкий тип лица. Однако никаких дальнейших линий в этой, русско-калмыцкой, ветви его родословной не прослеживается.

Зато линия матери Ленина, уходящая корнями в Западную Европу, более богата фактами и представляет интерес для историка.

Мать Ленина, Мария Александровна, урожденная Бланк (1836–1916), была лютеранского вероисповедания. Ее отец, врач А. Д. Бланк, вероятно, был евреем, однако проф. Л. Хаазу не удалось найти точных данных о его происхождении: по одним сведениям, он с Волыни, по другим — с Украины или из Одессы. Советские источники о происхождении Бланка ничего не сообщают, более того: из 17-го тома собраний сочинений Горького (в последнем издании) изъята приведенная Горьким реплика Ленина, что „умный русский — это всегда еврей или с примесью еврейской крови“. Этот намек проф. Л. Хааз считает, однако, не может служить точным доказательством наличия у Ленина еврейских предков, ибо хотя Ленин и считал себя „умным человеком“, он мог в разговоре с Горьким иметь в виду не себя, а выразился так вообще.

Проф. Л. Хааз приводит и такую версию о Бланке: в раннем возрасте он перешел из иудаизма в православие, оказывал услуги царской полиции по наблюдению за интересовавшими ее евреями, что позволило ему сделать быструю карьеру — от армейского фельдшера до полкового врача (согласно К. Радеку). После работы главным врачом в госпитале у герцога Максимилиана Лейхтенбергского, Бланк каким-то образом попал на Волгу, где как врач также пользовался большим авторитетом и смог приобрести имение в 300–400 душ. После его смерти часть наследства перешла к матери Ленина и долгие годы служила семье источником независимого существования и материальной помощи Ленину в эмиграции.

Бабушка Ленина по матери, А. И. Бланк (урожденная Гроссшопф), была по происхождению наполовину немка, наполовину шведка. Гроссшопфы происходили из северной Германии (Любек, Мекленбург, Гольштейн) и были видными лицами в немецкой колонии в Петербурге, где прадед Ленина Й. Г. Гроссшопф (1766–1845) был представителем немецкой торговой фирмы „Шадэ“. Среди отдаленных родственников Ленина по этой линии проф. Хааз упоминает известного лютеранского пастора и теолога И. Хёфера (1605–1667), чей катехизис для детей переиздавался много раз; Эрнста Курциуса (1814–1896), основателя Немецкого археологического института и домашнего учителя будущего кайзера Фридриха III; В. Моделя

(1891—1945), генерал-фельдмаршала гитлеровского вермахта в годы второй мировой войны. Впрочем, большинство предков и родственников Ленина по немецкой линии были всего лишь богатыми буржуа.

Шведские предки Ленина по материнской линии происходили из семьи прапрадеда Ленина ювелира К. Ф. Эстедта (1741—1826), жившей в Упсале и впоследствии также переселившейся в Петербург. Эстедт был поставщиком двора короля Густава IV Адольфа, в его роду преобладали ремесленники, парикмахеры и фабриканты-шляпники. Наиболее заметной и общественно активной фигурой среди шведских предков Ленина был клирик Новелиус Младший (1716—1778), известный своими утверждениями, будто он — незаконный отпрыск шведского короля Карла XII, что, однако, никто всерьез не принимал.

„Никто не выбирает себе предков, — пишет проф. Л. Хаазе, — но каждый так или иначе связан с ними”. Швейцарский профессор, задавшийся целью лучше выявить тип характера Ленина через его происхождение, заканчивает свою статью, цитируя известного психолога Карла Густава Юнга:

„Психология состояния личности, предшествующего возникновению осознания собственного „Я”, показывает, что ребенок берет от родителей. Однако, что касается его собственной индивидуальности, отличной от родителей, то ее вряд ли можно вывести из причинной связи с ними. Пожалуй, можно даже сказать, что не столько родители, сколько предки, деды и прадеды, с их родословными, являются настоящими „родителями” ребенка и влияя на его индивидуальность больше, чем непосредственные, так сказать, „случайные” родители. По отношению к родителям духовная индивидуальность ребенка есть совершенно новое явление, не выводимое из психики родителей. Эта духовная индивидуальность есть комбинация коллективных факторов, которые в психике родителей содержатся только потенциально, а иногда и вообще незаметны. Не только тело ребенка, но и его душа восходит от предков...”

Изложив содержание статьи проф. Л. Хаазе, отметим следующее. Несомненно, Ленин не чувствовал себя русским человеком в духовно-национальном (а не в языковом или географическом) смысле этого слова. Достаточно вспомнить, что его целью была мировая революция, хотя бы и ценой гибели России („А на Россию мне, господи хорошие, наплевать!”). Однако, Ленин не чувствовал себя также ни немцем, ни шведом, ни евре-

ем, ни калмыком. Он называл себя интернационалистом.

Здесь, очевидно, мы имеем дело с явлением духовной денационализации, которую не объяснить только иностранными предками. „Семя предков”, весь связанный с ними эмоциональный и исторический „багаж”, конечно, могут предрасполагать к тому или иному социальному поведению и самоопределению человека. Однако решающие факторы, скорее всего, следует видеть в сфере волевого духовного самоопределения. Ведь в то же время в России было немало патриотов нерусского и даже нероссийского происхождения, предки которых осели в России даже позже, чем у Ленина, и стали считать ее своей родиной; многие отдали за нее жизнь.

Особенность типа революционера-интернационалиста Ульянова, на наш взгляд, лежит не столько в его национальном происхождении, сколько в области его духа, пораженного силами зла и ставшего их инструментом.

А. Ермолаев

● РОССИЙСКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ

Французское телевидение об А. Солженицыне

Печать Франции отметила как большое событие посвященную жизни и работе А. Солженицына телепередачу, подготовленную Бернардом Пиво, которая транслировалась 9 декабря, за 2 дня до того, как писателю исполнилось 65 лет. Одновременно пресса отметила выход по-французски его книги „Август Четырнадцатого”.

Телезрители увидели лесистую малонаселенную местность на севере США, вблизи канадской границы, где живет писатель, обстановку, в которой он работает, разложенные на столах книги, заготовки, рукописи — которые теперь не надо прятать от КГБ; его помощников — жену и трех сыновей, которые и корректируют, и набирают, и делают еще много разных других необходимых дел.

Одним из наиболее важных мест беседы А. Солженицына с корреспондентом кажется нам то, где писатель разъясняет, почему свою литературную эпопею (он называет ее „гигантской мозаикой”), „Красное колесо”, над которой он сейчас работает (а задумал — еще в ранней молодости), он считает самым

своим важным трудом. Во время Первой мировой войны и революции, — говорит он, — произошли события, после которых в мире стало все не так, как было раньше, после которых стало возможным возникновение СССР, — страны, подобной которой тоже еще не было в мировой истории.

В большой, полуторачасовой передаче А. Солженицын, естественно, касался и мелких тем, например, упомянул об атаках на него со стороны тех, кто с диктаторской напористостью объявляет себя единственно правильными демократами, а его чуть ли не реакционером — для доказательств вырывая отдельные его фразы и даже приписывая ему то, чего он не говорил.

Реакция французов на передачу еще раз показала, что за 10 лет пребывания на Западе влияние А. Солженицына в мире не уменьшилось. Живой пример этого влияния — Пьер Декс, написавший в „Котидьен де Пари“ восторженную статью о солженицынской передаче. Пьер Декс, тот самый... В советской „Литературной энциклопедии“ ему отведена целая колонка: французский писатель, член ФКП, узник Маутхаузена, участник Сопротивления, редактор „Леттр Франсез“ (как их редактор он в 50-е годы судился в Париже с Кравченко и утверждал, что в СССР нет лагерей). Он стал противником коммунизма — как он сам об этом сообщил — главным образом после того, как прочел „Архипелаг ГУЛаг“. И таких, кто под влиянием А. Солженицына изменил всю свою жизнь, — очень много.

О выступлениях Г. Владимова

С 23 ноября по 9 декабря 1983 г. Георгий Владимов с супругой совершили поездку во Францию, Англию и Швейцарию, что привлекло большое внимание печати этих стран. В Париже и Лондоне пресс-конференции и общественные выступления Г. Владимова устраивались местными представительствами „Посева“ и Ассоциациями за свободную Россию: писатель встречался с членами парламентов, с руководством ПЕН-клубов и писателями этих стран, с российской эмиграцией; в Лондоне Г. Владимов выступил также в вечерней программе британского телевидения. В Швейцарии писатель находился по приглашению проф. Жоржа Нива (Женевский университет) с чтением лекций „Твар-

довский и 'Новый мир' ” и „Писатель и власть“.

В своих выступлениях Г. Владимов постоянно обращал внимание на преследование в Советском Союзе независимых писателей — Леонида Бородина, Зои Крахмальниковой, Анатолия Марченко, Виктора Некипелова, Ирины Ратушинской и др.; отвечал на вопросы о положении в стране. В частности, Г. Владимов еще раз подчеркнул, что считает фигуру Андропова промежуточной, однако у других возможных кандидатов сегодня нет авторитета, необходимого для обладания полной власти. На вопрос об оппозиционных силах в стране писатель ответил, что видит две такие потенциальные силы, которые могли бы повлиять на ход событий: это демократическое движение, которое однако должно найти другие формы, и русское национальное движение.

В прочитанном несколько раз докладе „Писатель и власть“ Г. Владимов говорил о трудностях работы писателя в СССР, о стремлении власти приручить — или сломить — появляющиеся таланты. Говоря о возможности влияния таких писателей на жизнь в СССР, Г. Владимов процитировал К. Чапека: по крайней мере, „писатель должен быть скребущей песчинкой в отлаженном механизме государства“.

Представленный общественности как новый главный редактор журнала „Грани“, Г. Владимов подчеркнул, что страницы „Грани“, как и раньше, будут открыты в первую очередь авторам, находящимся в СССР; об этом он сказал и в выступлении по русской программе Би-Би-Си для слушателей в Советском Союзе.

Поездка Георгия Владимова прошла с большим успехом (например, в Лондоне можно было видеть не столь уж частое зрелище: после пресс-конференции журналисты (!) стоя аплодировали писателю) и во многом способствовала росту поддержки западной общественностью российской оппозиции.

„ГРАНИ“ — журнал литературы, искусства, науки и общественно-политической мысли, выходит в издательстве „Посев“ с 1946 года. В „Граних“ были опубликованы произведения А. Ахматовой, М. Булгакова, И. Бунина, Г. Владимова, А. Галича, В. Максимова, О. Мандельштама, В. Набокова, Б. Окуджавы, Б. Пастернака, А. Платонова, А. Солженицына, М. Цветаевой и других известных авторов.

О Сахаровских слушаниях

Сахаровские слушания впервые состоялись 17—19 октября 1975 г. в Копенгагене, (см. репортаж нашего спец. корреспондента в „П о с е в е” № 10, 1975 г.), по инициативе группы политэмигрантов из СССР и стран Восточной Европы. Они проходили в здании датского парламента и были задуманы как своего рода „международный трибунал”, который, при содействии парламента демократических стран, расследовал бы нарушения прав человека в СССР и информировал об этом международную общественность. Имя академика А. Д. Сахарова для названия Слушаний было взято символически — как наиболее известного представителя правозащитного движения в СССР и как одного из инициаторов идеи таких Слушаний. Слушания в Копенгагене вызвали большой международный резонанс и оставили после себя реальный след — книгу свидетельских показаний.

Вторые Сахаровские слушания проходили 25—28 ноября 1977 г. в Риме, во Дворце конгрессов (см. репортаж спец. корреспондента „П о с е в а” в № 1, 1978 г.). Оно было тщательно организовано (был учтен опыт первых Слушаний) и также привлекло внимание мировой прессы. В числе свидетелей выступили известные эмигранты не только из СССР, но и из других стран Восточной Европы. Однако, несмотря на большие затраты (и, пожалуй, излишнюю помпезность), они не оставили после себя такого следа, как первые Слушания; не были изданы книгой и показания свидетелей.

Третьи Слушания, проходившие с 26 по 29 сентября 1979 г. в Вашингтоне (см. репортаж в „П о с е в е” № 12, 1979 г.), прошли почти незамеченными прессой, особенно в Европе, хотя по числу свидетельских выступлений они намного превосходили предыдущие. Может быть, потому, что ничего нового об СССР журналисты на Слушаниях не услышали. Никаких реальных существенных результатов эти Слушания не дали.

И, наконец, четвертые Сахаровские слушания прошли с 12 по 14 октября 1983 г. в Лиссабоне. Так как посевского корреспондента на них не было и материалов Слушаний наша редакция пока не получила, мы воспользуемся тем, что писалось в прессе. В исполнительный комитет четвертых Слушаний входили португальские юристы А. М. Пе-

рейра и Л. Лопес, советологи Марио Корти и Мартин Дьюхерст и редактор бюллетеня „Вести из СССР” Кронид Любарский. Среди членов жюри — А. Безансон, А. Глюксман, Б.-А. Леви, Ж.-Ф. Ревель, Р. Пайпс и др. известные деятели. В числе 26 свидетелей выступили эмигранты из СССР — журналисты Александр и Сара Бабыншевы, врач Семен Бадаш, писатель Владимир Войнович, правозащитник Егор Давыдов, капитан Владиль Лысенко, член „Группы доверия” Михаил Островский, член „Инициативной группы защиты прав инвалидов в СССР” Валерий Фелов, член Совета представителей СМОТ Альбина Якорева и др. Работа Слушаний закончилась принятием итогового документа, который ограничился призывом ко всем выступить в защиту А. Сахарова.

Судя по напечатанным в „Русской мысли” материалам Слушаний и впечатлениям их участников, четвертые Сахаровские слушания, к сожалению, усилили уже ранее наметившуюся тенденцию спада их авторитета на Западе. Это неудивительно — слишком легковесной выглядит сегодня критика тех или иных нарушений прав в СССР на фоне нацеленных на Запад советских ракет, войны в Афганистане и захвата коммунистами ряда других стран. Сужению тематики Слушаний послужило и то, что их первоначальный замысел разоблачения режима на этот раз был вменен в рамки кампании защиты одного человека — Сахарова, к тому же с привлечением его родственников и знакомых. Разумеется, защищать Сахарова крайне необходимо, но это — отдельная задача.

Кстати, как отмечено в „Русской мысли”, „получился странный контраст между разговорами о бедствиях на родине и роскошью, устроенной для тех, кто вел эти разговоры на слушаниях”: пышная (самая дорогая в Португалии) гостиница, проезд первым классом поезда или на самолете, дорогостоящие экскурсии и обслуживание для участников... Это выглядело, порою, даже не очень прилично в глазах простых португальцев. Впрочем, их в зале Слушаний не было: в зале роскошной гостиницы редко собиралось более 50 человек...

Постепенная деградация Сахаровских слушаний тем более печальна, что от этого может пострадать престиж человека, с именем которого эти Слушания связаны. Первона-

чальный замысел их мог бы осуществиться более эффективно, если бы подготовкой Слушаний занимался *постоянный Комитет*, куда вошли бы представители всех реально действующих политических групп эмиграции. Между тем, непонятно даже, кто несет ответственность за организацию Слушаний (каждый раз это новые лица) и кому можно внести конструктивные предложения. Непонятен и критерий подбора свидетелей (в частности, в Лиссабоне некоторые заявления свидетелей были подчеркнута аполитичны или проникнуты чувством безысходности и невозможности борьбы с советским режимом — какое же впечатление о российской политической эмиграции оставалось после этого у общественности?).

Удивляет также, что в Португалии — очень религиозной стране — на Слушаниях не говорилось об усилившемся в последние два года преследовании верующих в СССР. А ведь именно в Португалии, в Фатиме, в 1917 г. были явления Божьей Матери, которая, говоря о революции в России, призвала Запад помочь нашей стране...

Хочется, чтобы все эти замечания были учтены при подготовке следующих Сахаровских слушаний. Было бы жаль, если бы средства и возможности организаторов опять не достигли поставленной цели. Впрочем, может быть, следует уточнить и саму цель Слушаний? Может ли она далее ограничиваться только констатацией „правонарушений“, не делая из этого никакого вывода?

Напомним, что писалось в „П о с е в е“ в связи с третьими Слушаниями, проходившими в 1979 г.:

„Одна из главных целей Сахаровских слушаний — разоблачение так называемых „правонарушений“ в СССР (как будто Советский Союз — правовое государство!) и защита узников совести путем возбуждения общественного мнения Запада. Не отрицая огромного значения Слушаний как одного из методов воздействия на советскую власть, мы, однако, считаем, что эффективность такого метода воздействия ограничена...

Говорить только об одних „правонарушениях“ в бесправном СССР — это все равно, что жаловаться на кровжадность акулы, тупой и кровжадной уже по своей природе“.

Судя по изменениям в американской политике, администрация президента Рейгана это понимает. Надо надеяться, что более эффективной в этом смысле станет и работа следующих Сахаровских слушаний.

Авторам «Открытого письма» участникам Белого движения

Прочтя Ваше „Открытое письмо участникам Белого движения“*, я призываю Вас хранить в душе Бога, в сердце — Родину, а в повседневной жизни непрерывно вести борьбу с поработителями России, неизменно продолжая ее вплоть до восстановления правды и справедливости на русской земле.

Полковник П.В. Колтышев

Париж, январь 1984 г.

От редакции: Полковник П. В. Колтышев — участник, с первых дней, похода полковника Дроздовского от Ясс до Новочеркасска в 1918 г.; начальник штаба 3-й Дроздовской дивизии во 2-м Кубанском походе; старший помощник Начальника оперативного отдела в штабе Вооруженных Сил Юга России и докладчик по оперативным вопросам при генерале Деникине в 1919 г.; будучи в рядах 1 офицерского полка Дроздовской дивизии дважды тяжело ранен в боях за Орехов в Северной Таврии в 1920 г.

*Опубликовано в „П о с е в е“ № 11 за 1983 г.

Тихонов начинал стукачом

В 1930 году в Днепропетровске был арестован по делу „Промпартии“ Всеволод Викторович Гоф. Была арестована и его жена Ирина. Ее сестра — жена Ивана Бенедиктова (впоследствии сделал карьеру и был министром сельского хозяйства) должна была развестись с мужем. К чести Бенедиктова (ныне покойного) надо сказать, что он всячески поддерживал свою бывшую жену и тайно встречался с ней.

В. Гоф получил в 1937 или 1938 г., кажется, 5 лет. И о его дальнейшей судьбе ничего не известно. Но один эпизод в этом деле заслуживает внимания. В. Гоф был председателем днепропетровского теннисного клуба, и вместе с ним тогда арестовали всех членов этого клуба (в том числе и меня). Из всех членов клуба не был арестован только один человек — Николай Александрович Тихонов, нынешний председатель Совета министров СССР. В 30-е годы он заложил основу своей карьеры одним из обычных приемов — стукачеством.

Каковы были его дальнейшие связи с ГБ -- неизвестно, но тот факт, что он делал карьеру в те годы, не будучи до 35 лет членом партии, говорит сам за себя.

Н. П.

США, 1983 г.

„СНИМАЙТЕ ФОТОАППАРАТОМ!”

Советы провинциала

Помещаемая ниже инструкция по размножению литературы фотоспособом перепечатывается из Информационного бюллетеня СМОТ № 29. Редакция бюллетеня призывает читателей самих размножать литературу (конкретно: воззвание СМОТ с призывом к бойкоту „ленинских субботников”), ибо, по словам редакции ИБ СМОТ:

„Надежды на помощь западных радиостанций, включая „Свободу”, в распространении этого воззвания, по имеющейся информации, не велики. Но если пессимизм и не оправдан, главное бесспорно: никто за нас нашего дела не сделает”.

Хорошая штука ксерокс! Раз — и сто экземпляров! Два — и собрание сочинений Солженицына у вас на полке. Три... — чего? — Да ничего, типографский станок делать надо! Хорошая штука типографский станок! Раз! — и 1000 экземпляров! Два! — и вы открываете собственную книжную лавку. Три!.. А вот трех уже не надо.

Автор этой махонькой заметочки — дремучий провинциал. И про всякие там селеновые пластины и вакуумное напыление слыхом не слыхивал. И ксерокса вообще в глаза не видел. Но поскольку читать ему тоже хочется, решил как-нибудь извернуться. И извернулся: пошел в фотомагазин и купил за 15 рублей „Смену-8М”. И, воровато оглядываясь, принес ее под полкой домой. Потом, просидев три дня на хлебе и воде, автор прибарахлился двумя трехрублевыми „юпитерами”, насадочной линзой, страшным агрегатом по имени „струбина” и треногой. В довершение всего спер у соседей три табуретки. И началась у автора не жизнь, а малина. Привинтит он, бывало, вечером к одной табуретке фотоаппарат, нацепит на две другие по „юпитеру”, проверит, чтобы угол „юпитер — лежащая на полу книга — юпитер” был 90 градусов, поддернет штаны — и поехал. А книжку иногда еще стеклом прикрывал. И за какой-нибудь месяциком нащелкал ничего себе библиотечку в 9000 страниц. Конечно, вы можете сказать, что автор бездельник, нигде не работает и фабрикует фальшивки круглые сутки. И автору поневоле придется с этим согласиться. Также, чтобы не подвести проницательность гражданина следователя, автор с удовольствием признается, что использовал он пленку „МЗ-3Л”, светочувствительностью 2,8; лампы по 40 или 60 вт; контрастную бумагу, выдержки при диафрагме 5,6 примерно 6 сек. и такого состава проявитель:

метол 5 г,
сульфит натрия безв. 40 г,
сода 34 г (если кристаллическая, то 92 г),
бромистый калий 6 г (растворяется отдельно и вливается),
вода 1 литр.

Проявлял все порядка 2,5 мин. при красном свете, время от времени любопытствуя, как продвигается процесс. И, отфиксировав, обычно получал довольно-таки прозрачный текст на вполне темном фоне. Ко всему рассказанному автор в виде чистосердечного признания еще добавит, что за это время его друзья безуспешно пытались сделать: шапирографов 4 штуки, ксерокс 1 штуку, типографический станок 1 штуку, пиш. машинку с памятью 3 штуки. (...)

Если вы хотите снимать большие площади текста (12—20 машинописных страниц в кадре), надо применять объектив „Индустар-61”, хотя можно и „Индустар-60”. Следить надо не только за тем, чтобы весь текст влезал в кадр (видеоискатель), но и за тем, чтобы объектив находился *строго над центром снимаемого текста*. Малейший перекос может дать нерезкий негатив. Имеет смысл сильно диафрагмировать объектив (8—16). Конечно, гораздо удобнее снимать большие площади текста среднеформатной камерой, но разрешающей способности объектива дешевых камер такого типа („Любитель”) недостаточно (хотя, конечно, попробуйте — если текст очень четкий, все может хорошо получиться). Съемку 12 или более страниц надо вести на пленку „Микрат” (она не продается, но легко стаскивается, так как широко применяется) и только в крайнем случае — на МЗ-3Л (диафрагма до предела). Если в продаже нет контрастной бумаги, печатать можно на любой, при условии, что она будет обрабатываться в контрастном проявителе (см. в любом фотосправочнике; там же см.

проявитель для пленки „Микрат“). При печати может не хватить разрешения объектива увеличителя. В этом случае печатать надо с об. „Vera-11Y“. Чем сильнее будет диафрагмирован объектив, тем четче будет изображение на позитиве. (Не надо пугаться увеличения выдержки до двух минут.)

При фотографировании книжки не стоит применять удлинительные кольца (сильно увеличивает выдержку). Насадочные линзы удобны в обращении и практически не изменяют светосилы штатного объектива.

Если вы хотите получить качественный негатив на относительно плохой пленке или просто очень высококачественный негатив, можно использовать способ ВД (выделение деталей), при котором сильно увеличивается контрастность изображения (особенно ценно для очень нечетких текстов). В этом случае отэкспонированный материал проявляет 15—20 сек. в проявителе:

метол 3 г,
сульфит натрия 45 г,
гидрохинон 12 г,
сода 68 г,
бромистый калий 2 г,
вода 1 литр.

После чего накатывают на тщательно вымытое стекло эмульсию вниз. Через 3—6 минут осторожно отделяют от стекла, фиксируют (без промежуточной промывки) и сушат.

Полученную один раз пленку очень просто размножить. Для этого, расстелив на полу поролон, кладут на него чистую пленку (МЗ-ЗЛ или почти любую) эмульсией вверх. Негатив кладут эм. в н и з и все прижимают стеклом. Люстру надо включить на максимально короткий промежуток времени (реально это около 1/4 сек.). При проявлении надо учесть, что такая пленка проявляется гораздо быстрее (м. б. и 10—30 сек.), поэтому проявление необходимо вести при красном свете и пленку „караулить“ — не дать перепроявиться.

При съемке большой площади текста — листы удобно склеивать и вешать на стенку, а съемку вести со штатива. Источников света при этом должно быть не 2, а 4, и они должны находиться не ближе к тексту, чем *фотоаппарат!* (Иначе освещение будет неравномерным.)

Очень удобно (если у вас есть раздвижной столовый стол) привинтить к основаниям ножек 4 патрона (для матовых ламп). Когда гости уйдут, вы раздвинете доски стола, по-

ложите камеру и приступите к черному делу без нудных приготовительных работ.

*

От редакции ИБ СМОТ. Мы горячо рекомендуем эту статью в ее „позитивной“ части (см. название). Однако отношение нашего друга-провинциала к ксероксам и типографским станкам (даже в количестве одной штуки!), по нашему мнению, предвзято и субъективно. Опыт свободных типографий баптистов и адвентистов в нашей стране убедительно это подтверждает.

Мы постараемся знакомить наших читателей с разнообразными способами размножения литературы и текстов.

Вниманию советских граждан, временно проживающих за границей!

НТС предлагает советским гражданам, временно проживающим за рубежом (дипломатам, торговым представителям, журналистам, инженерам, функционерам международных организаций, служащим советских учреждений, агентам КГБ или ГРУ и др.), сообщить свои домашние адреса, а также адреса тех своих знакомых, которые желают регулярно читать журнал „Посев“. Их можно направлять на адрес редакции. По каждому указанному адресу время от времени будут посылаться **к в а р т а л ь н ы е** выпуски „Посева“, а также другая литература малого формата.

Квартальный выпуск „Посева“ включает в себя наиболее интересные и неустаревающие материалы из трех ежемесячных номеров. Высылаться литература будет бесплатно, но мы будем благодарны за любое пожертвование, в том числе и анонимное. Ваши пожертвования пойдут на дальнейшее увеличение тиража квартальника. НТС ставит целью довести тираж квартального „Посева“ до нескольких десятков тысяч экземпляров, с тем, чтобы к а ж д ы й желющий советский гражданин, временно находящийся за рубежом, мог получать и читать этот журнал.

Одновременно мы призываем граждан, возвращающихся в Советский Союз, привозить в страну квартальные „Посевы“, распространять их среди друзей и знакомых, а также пересказывать им наиболее ценные материалы.

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА „ПОСЕВ“

Главный редактор Я. А. Трушнович
Ответственный секретарь М. В. Назаров

Редакционная коллегия: Г. Г. Бонафде (Австралия),
В. Г. Ламздорф (Испания), Б. С. Пушкарев (США),
Р. Н. Редлих (Германия), Н. Н. Рутыч (Франция),
Л. Р. Сергеева (Германия), А. П. Столыпин (Франция),
свящ. Кирилл Фотиев (США), А. М. Югов (Германия)

Адрес редакции: Possev-Redaktion
Flurschcidweg 15, D—6230 Frankfurt a. M.—80
Телефон: 34 18 19

Статьи, подписанные фамилией или инициалами автора, обязательно выражают мнение редакции. При перепечатке материалов „П о с е в а“ в свободных странах, в оригинале или в переводе, необходимы разрешение издательства и ссылка на источник. Перепечатка в российских Самиздате и в независимых изданиях всех социалистических стран — приветствуется.

НАИБОЛЕЕ ИЗВЕСТНЫЕ КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА „ПОСЕВ”:

АВТОРХАНОВ А. *Загадка смерти Сталина* (Заговор Берия). Анализ документов и событий, связанных со смертью Сталина. *Происхождение партоткратии* (два тома). Историческое исследование, показывающее, что сталинщина — лишь логичное завершение ленинизма. *Технология власти*. Классический труд по истории сталинизма.

БОРОДИН Л. *«Третья правда»* и *«Год чуда и печали»*. Повести. Автор отсидел 6 лет в лагере за деятельность во Всероссийском Социал-Христианском Союзе Освобождения Народа (ВСХСОН). Снова арестован в 1982 г. и приговорен к 10 годам заключения и 5 годам ссылки.

БУЛГАКОВ М. *Мастер и Маргарита*. Места, выпущенные цензурой в первом советском издании, напечатаны курсивом.

БУНИНЫ И. А. и В. Н. *Устами Буниных*. Дневники. Под редакцией Милицы Грин, в 3-х томах.

ВЕХИ. Сборник статей о русской интеллигенции. Воспроизведение издания 1909 года. Статьи Н. Бердяева, С. Булгакова, С. Франка и др.

ВЛАДИМОВ Г. *Верный Руслан*. История карательной собаки. *Три минуты молчания*. Восстановлено все, выброшенное советской цензурой.

ВОЙНА В АФГАНИСТАНЕ. 3-е изд. Описание боевых действий в 1980-82 гг., причин войны и факторов, влияющих на ее дальнейший ход.

ВРАНГЕЛЬ П., генерал. *Воспоминания*.

ВЫШЕСЛАВЦЕВ Б. *Философская нищета марксизма*. Классический труд по критике марксизма, автор которого, известный русский философ, был выслан из СССР в 20-е годы.

ГАЛИЧ А. *Когда я вернусь*. Полное собрание стихов и песен трагически погибшего барда, члена НТС.

ЗЕНЬКОВСКИЙ В., протоиерей. *Основы христианской философии* (в 2-х томах).

КОМАРОВ Б. *Уничтожение природы*. Обострение экологического кризиса в СССР.

ЛЕВИЦКИЙ С. *Основы органического мировоззрения*. Автор книги — известный русский философ-солидарист. *Трагедия свободы*. В предисловии Н. О. Лосского к этой книге отмечена ее преемственность по отношению к философской линии В. Соловьева. *Очерки по истории русской философской и общественной мысли*.

ЛОССКИЙ Н. *Характер русского народа*. Один из известнейших русских философов XX в. анализирует положительные и отрицательные черты характера своего народа. *Общедоступное введение в философию*.

МАКСИМОВ В. Собрание сочинений: 1. *Сага о Савве*. 2. *Семь дней творения*. 3. *Карантин*. 4. *Прощание из ниоткуда*. 5. *Жив человек*. Пьесы. 6. *Ковчег для незваных*.

НАДЕЖДА, Христианское чтение. Самиздатский православный сборник, выходит 2-3 раза в год.

ОКУДЖАВА Б. *Проза и поэзия*. Повесть *Будь здоров, школяр*, рассказ «Промоксис», стихотворения, песни.

ОСИПОВ В. *Три отношения к родине*. Сборник статей осужденного в 1975 г. на 8 лет лагерей редактора самиздатского русского национального журнала «Вече».

ОРВЕЛЛ Дж. 1984. Русский перевод всемирно известного утопического романа, изображающего тоталитарную систему, доведенную до своего логического завершения. *Скотский хутор*. Сатирическая повесть о коммунистическом обществе.

РАЗРУШЕННЫЕ И ОСКВЕРНЕННЫЕ ХРАМЫ. Составленный в Самиздате фотоальбом с послесловием «Пределы вандализма».

РЕДЛИХ Р. *Сталинщина как духовный феномен*. Советские мифы и фикции, психика советского человека, нравственный облик сталинизма. *Советское общество*. Социологический анализ советского общества.

РОССИЯ В ЭПОХУ РЕФОРМ. Сборник исторических статей. Составители: В. Желягин и Н. Рутыч.

А. САХАРОВ В БОРЬБЕ ЗА МИР. Статьи, выступления, письма А. Д. Сахарова.

СОЛЖЕНИЦЫН А. *Собрание сочинений* в 6-ти томах: 1. *Один день Ивана Денисовича* и рассказы. 2. *Раковый корпус*. 3 и 4. *В круге первом*. 5. Пьесы, рассказы, статьи. 6. «Дело Солженицына», *Нобелевская премия, О творчестве Солженицына*.

«СОЛИДАРНОСТЬ». 3-е изд. Анализ польских событий 1980-82 гг. с выводами, которые должно сделать для себя рабочее движение в России. Составители: А. Поморский (Варшава) и М. Назаров (Франкфурт-на-Майне).

ФЕДОСЕЕВ А. *Западня* (Человек и социализм). Книга известного советского ученого об экономической и политической сущности социализма.

ШТРИК-ШТРИКФЕЛЬДТ В. фон. *Против Сталина и Гитлера*. История Русского Освободительного Движения — второй гражданской войны в рамках второй мировой. Автор, один из организаторов движения, глубоко верил в возможность освобождения России русскими силами.

ГРАНИ

Ежеквартальный журнал литературы, искусства, науки и общественно-политической мысли. Проза, поэзия, очерки современности, философия, публицистика, литературная критика и пр.

Журнал считает своим долгом способствовать развитию свободной мысли, свободного слова, свободного творчества; способствовать публикации произведений, которые не могут быть изданы на родине из-за цензурных ограничений. Из широко известных авторов в „Гранях” были опубликованы произведения А. Авторханова, митрополита Анастасия (Грибановского), Н. Арсеньева, А. Ахматовой, Л. Бородина, М. Булгакова, И. Бунина, Г. Владимова, В. Войновича, Б. Вышеславцева, Ю. Галанскова, А. Галича, З. Гиппиус, В. Гроссмана, Ю. Домбровского, Н. Заболоцкого, Б. Зайцева, Е. Замятина, Н. Коржавина, В. Корнилова, З. Крахмальниковой, А. Куприна, С. Левицкого, Н. Лосского, В. Максимова, О. Мандельштама, В. Набокова, В. Некрасова, Б. Окуджавы, Б. Пастернака, К. Паустовского, А. Платонова, Г. Подъяпольского, Р. Редлиха, А. Ремизова, Ф. Светова, А. Солженицына, Вл. Солоухина, М. Цветаевой, И. Шмелева, В. Шульгина и др.

Периодически выходят сборники — „Грани. Избранное” — книжечки карманного формата, на тонкой бумаге, содержащие избранные произведения из опубликованного в „Гранях” за два года и предназначенные для распространения внутри страны.

ОБРАЩЕНИЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ПОСЕВ» К РОССИЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Издательство «Посев» предоставляет вам возможность публиковать те произведения, которые не могут быть изданы на родине из-за политической цензуры. Если автор хочет опубликовать свою рукопись под псевдонимом, издательство примет меры к тому, чтобы исключить возможность установления личности автора.

Произведения, вышедшие в Самиздате, перестают быть исключительным достоянием автора — они становятся достоянием российской литературы. Поэтому издательство «Посев» считает своим долгом способствовать публикации таких рукописей.

Авторские гонорары выплачиваются по первому требованию автора. Пересылать рукописи можно как через своих друзей, едущих в некоммунистические страны, так и через иностранцев, посещающих СССР. За границей надо сдать пакет на почту, а если это невозможно — опустить в почтовый ящик без марок. На пакете надо указать следующий адрес:

Possev-Verlag Flurscheideweg 15 D-6230 Frankfurt/M. 80

Фонд Свободной России создан в 1966 г. для поддержки российского освободительного движения.

Фонд обращается с призывом ко всей мировой общественности. Но освобождение России — дело не Запада, а нашего народа. Главный источник сил и средств — в нашей стране. Ищите возможность переправлять нам из СССР пожертвования для издания литературы, для ее провоза в страну, для обеспечения борющихся групп типографской техникой, для поддержания с ними связи. Оказывайте сами материальную помощь борцам внутри страны.

Адрес Фонда: M. Zalewsky, Freies-Russland-Fonds, D-6000 Frankfurt/M.-18, Postfach 18 0451.

Банковский счет: A/C 461 971, Rubr. Free Russia, Swiss Bank Corporation, CH-4002, Basel.